

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 2, 1977 март — апрель

В номере:

1917—1977

В. А. Чебыкин. Просторечные слова в полемике В. И. Ленина	3
Е. Л. Лилеева. Выразительность ленинского заголовка	8
Ю. С. Воронов. Об одном полемическом приеме	15

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р. А. Будагов. Как рассказала Марина Цветаева о жене А. С. Пушкина	19
В. Ф. Горн. Живой язык Василия Шукшина	24
Н. А. Кузьмина. «Пробивалась певучим потоком...» (творительный превращения в поэтической речи).	31

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

1917—1977

С. И. Виноградов. Дискуссии о языке первых послереволюционных лет	37
В. Н. Прохорова. Мост — телемост — воздушный мост	45
И. С. Улуханов. Обратное словообразование	51
Г. И. Миськевич. Поволжье, Зауралье	58
Н. Ф. Шумилов. Зам, зав... телик, мультик	62

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

И. К. Марковский. Паспорт	67
Ф. П. Сергеев. Мирное сосуществование	71
Л. Л. Орлов. Чабан. Овчар. Пастух	77
О. Д. Кузнецова. <i>Неуклюжий</i> и его родственники	82
Ю. И. Ореховацкий. Слово из народных поверий	86

ШКОЛА

Б. И. Матвеев. Антонимы в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя	91
М. Н. Нестеров. Язык и стиль повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»	100
П. А. Бученков. Рифмой «свободной и смелой». (О поэзии В. С. Курочкина)	109
А. Ю. Купалова. Школьные правила и языковая действительность	115

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Б. В. Сапунов. «Информационный взрыв» на Руси в XI веке	120
Н. Г. Михайловская. О языке сатиры XVII века.	129

СРЕДИ КНИГ

Н. Н. Василькова. <i>З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов, В. Я. Дерягин. Беседы о русском слове</i>	134
Т. С. Колмакова. <i>В. В. Одинцов. Лингвистические парадоксы</i>	136

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (про- должение)	140
--	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Еще о слове <i>картофель</i> ; Металлический завод; МАПРЯЛ; Однородные или неоднородные? Каска- дёр; Бедному жениться и ночь коротка; Балерина, танцовщица, танцор...; Бульон	144
--	-----

Практикум по стилистике	90, 119, 160
-----------------------------------	--------------

На обложке: *Шалаш в Разливе, где нелегально жил
В. И. Ленин в июле 1917 года.*
Рисунок Б. Зазарова.

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

Особенности языка политического деятеля, публициста, ученого проявляются во всем комплексе языковых средств. Стилистические особенности, придающие индивидуальность письменной речи, выражают нюансы живой человеческой мысли и воплощаются во всех элементах языковой системы.

1917—1977

Просторечные слова

В полемике
В. И. Ленина

Характерная для В. И. Ленина манера говорить и писать определялась его идейными убеждениями. В полемике он видел незаменимое оружие борьбы, средство пропаганды и отстаивания марксизма, способ обогащения теоретической мысли. Вот почему в своей революционной борьбе Владимир Ильич всегда добивался того, чтобы горячие споры помогали рабочим постоянно выработать определенную классовую линию поведения.

Оставаясь непримиримым к врагам революции, не отступая от революционных принципов, Ленин широко использовал в полемике все многообразие языковых средств русского языка; высоко ценил краткость, меткость, остроумие, выразительность и интонационное богатство народной речи.

Вспоминаются слова академика Л. В. Щербы: «Почему нам так нравится язык Ленина, например, в его больших философских работах? Да потому, что Ленин все время оживляет свое изложение разными словами другого, не научно-философского стиля. Это как раз замечательно гармонирует с его насмешками над „деховыми учеными“, которые словечка не скажут спроста» (Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957).

Стремясь говорить так, чтобы все было ясно и понятно народу, Владимир Ильич нередко использовал диалектные, народные обороты и выражения, при необходимости называя вещи своими именами, иногда был даже резок, так как полемику рассматривал как войну идей. В статье „О стачках“ читаем: „Точно так же, как фабриканты стараются себя выставить благодетелями рабочих, так чиновники и их прихвостни стараются уверить рабочих, что царь и царское правительство заботится о фабрикантах и о рабочих одинаково, по справедливости“ (Полное собрание сочинений. Т. 4, с. 294—295). Вводя просторечное слово *прихвостень* в текст, В. И. Ленин тем самым показал позицию тех деятелей, которым подражают люди, уверяющие, что в капиталистических странах правительства являются надклассовыми. Достойную отповедь он дал ликвидаторам и троцкистам, демагогически обвинявшим большевиков в том, что они „командуют“ рабочими. «На базаре,— писал В. И. Ленин в статье „Единство рабочих и „течения“ интеллигентов“,— часто бывает, что больше всего кричит и божится тот, кто хочет сбыть особенно гнилой товар» (т. 25, с. 153).

●

В политическом споре Владимир Ильич ценил резкую прямоту, отклонял советы и предложения смягчить те или иные высказывания. В работе „К деревенской бедноте“ читаем: „Почему... для мужика всякая полицейская сволочь норовит придумать ограничение да запрещение?“ (т. 7, с. 183). Употребляя просторечное *мужик*, Владимир Ильич назвал крестьянина так, как в дореволюционной России его пренебрежительно именовали эксплуататоры.

Без учета конкретной обстановки и контекста не может решаться вопрос о том, насколько приемлемым является то или иное выражение. Об этом остроумно писал сам Владимир Ильич в докладе V съезду РСДРП. Сначала он привел цитату: „Меньшевики торговались с к.-д., чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи к.-д.— вот в чем состоит простая разгадка всех

этих странствований от с.-д. к мелкобуржуазному блоку, от мелкобуржуазного блока к кадетам". Затем В. И. Ленин продолжил: «Попробуйте разобрать эту цитату формально и внешним образом, с точки зрения *единой* партии, и вы, конечно, скажете: вместо „торговались“ следует писать о членах партии: „вели переговоры“; вместо „протащить“ — „провести“; вместо „своего человека“ — „с.-д. депутата“ и т. д. и т. п. Но разве такой „разбор“ цитаты или такое „суждение“ по поводу способа выражения способны вызвать что-либо кроме улыбки? Разве не ясно, что самый оскорбительный, презрительный, предполагающий все в худшую, а не в лучшую сторону способ выражений есть борьба на почве раскола *за уничтожение* организации, которая *срывает* политическую кампанию местного с.-д. пролетариата?» (т. 15, с. 301—302). Это один из многочисленных примеров, который красноречиво свидетельствует, как в ленинских полемических произведениях перемежаются просторечные слова и специфические политические термины, как одно усиливается другим.

●

В. И. Ленин мастерски вводит просторечные слова для создания соответствующего колорита, они не нарушают нормы литературной речи.

Оппоненты Ленина в конце прошлого столетия утверждали, что промышленность погибнет из-за недостатка рынков сбыта. Подчеркивая, насколько отстали эти утверждения, В. И. Ленин употребляет слово *печалования*, уже тогда устаревшее, но очень точно передающее его мысль. «Печалования о рынках,— пишет он в статье „По поводу так называемого вопроса о рынках“,— появились в русской литературе только тогда, когда капиталистическое производство... достигло полного развития, охватило почти весь внутренний рынок, сложилось в немногие громадные предприятия» (т. 1, с. 96—97).

В ходе революционной борьбы В. И. Ленин не забывал, какую массу разнообразных средств использовало царское правительство для политического надувательства крестьян.

Употребляя слово *надувательство* в значении 'обманывать, жульничать', В. И. Ленин делает вывод большой политической значимости: „...нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять носителем революционного движения крестьянство...“ (Проект программы нашей партии.— Полное собрание сочинений. Т. 4, с. 229).

●

Обрушил В. И. Ленин на врагов революции и многозначные слова *шпынять* (укалывать), *шкура* (эксплуатор, вымогатель) и др. Так, в статье „Попытное направление в русской социал-демократии“ поставлено в вину „экономистам“, что они шпыняли из-за угла Г. В. Плеханова и группу „Освобождение труда“. При помощи одного просторечного слова дается оценка тактики „экономистов“, не заслуживающей одобрения. Словом *пройдоха* В. И. Ленин заклеил оппортуниста Струве, благонамеренных *пройдох-министров*, *провырливых*, *хитрых*, *жуликоватых*.

Просторечные слова в сочетании с литературными образуют идиоматические выражения сатирического характера. О Киевском комитете, который не считал возможным призывать рабочие массы к политической борьбе, а признавал желательным лишь частичные демонстрации в чисто агитационных целях, В. И. Ленин с возмущением воскликнул: «Уж не рекомендовать ли рабочим демонстрировать в четырех стенах своих каморок, заперев наперед двери? или, может, демонстрировать показыванием кукиша в кармане: это уж, наверно, не окажет столь вредного и пагубного „воздействия на правительство!“» (По поводу „Profession de foi“. Т. 4, с. 317).

Просторечное слово *лапа* В. И. Ленин употребляет в статье „Уроки кризиса“, когда говорит о том, как тяжелая полицейская лапа давила миллионы людей, потерявших средства к жизни. Говоря о фактах казнокрадства на сооружении винных складов, подчеркивая стремление дво-

рян Орловской губернии и Москвы побольше получить от казенного пирога, В. И. Ленин употребляет слова *урвать* и *хапнуть*.

●

В статьях „С чего начать?“, „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ В. И. Ленин с возмущением писал о стремлении „экономистов“ „обкарнать и сузить работу политической организации и агитации“, о том, что при отмене крепостного права царское правительство делало все возможное, чтобы „уступить как можно меньше, чтобы обкарнать демократические требования...“ (т. 5, с. 5, 62).

Просторечное слово *шиворот* вместо *соротник* в статье „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ послужило для показа в ироническом тоне того, что ожидало либералов в перспективе. По этому поводу В. И. Ленин писал, что царское правительство: „отманит их, как щенят, от революционеров и, отманивши, схватит за шиворот и будет пороть розгами так называемой реакции“ (т. 5, с. 67).

●

На многих фактах В. И. Ленин показал, к чему может привести ненаучный подход к изучению той или иной проблемы. Он с полным основанием назвал облыжными, то есть заведомо ложными, утверждения эсера Чернова.

Возмущали В. И. Ленина и те простофили, которые корыстное вранье и избитые пошлости „легальных марксистов“, представителей других враждебных течений принимали за научные откровения. Буржуазные экономисты и оппортунисты разных мастей до сих пор боязливо сторонятся подлинно научных положений, не считают нескромной кичливую похвалю в свой адрес.

Так широко использовал В. И. Ленин громадные возможности русского языка в наступательной полемике с многочисленными врагами революции и партии.

В. А. ЧЕБЫКИН

Балей

Выразительность ленинского заголовка

Заголовки ленинских работ, интереснейший материал для изучения особенностей языка и стиля В. И. Ленина, привлекали и привлекают внимание исследователей. В опубликованных статьях (А. Л. Бессонов. О работе В. И. Ленина над заглавиями своих статей.— „Ученые записки“, Серия филологических наук, вып. 43, № 245, ЛГУ, 1957; А. В. Швец. О структуре заглавий работ В. И. Ленина.— Сб. „Язык и стиль произведений В. И. Ленина“, Киев, 1973 и другие) рассматривается работа В. И. Ленина над заголовками, исследуется их структура.

В этой статье мы рассмотрим эмоционально окрашенные заголовки статей, которые В. И. Ленин писал для большевистских газет „Искра“, „Вперед“, „Пролетарий“, „Новая Жизнь“, „Эхо“, „Зрение“, „Путь Правды“, „Правда“, „Деревенская Беднота“ и др. Язык этих статей отличается революционной страстностью, образностью, так как они были предназначены для широких народных масс, пробудившихся к политической борьбе.

Заглавие — первое слово автора, обращенное к читателю, привлекающее его внимание, поэтому такое большое значение придавал В. И. Ленин заголовкам, тщательно работал над ними, отыскивая такие, которые кратко и выразительно передавали основную мысль статьи. Ленинские заголовки захватывали читателя политической напряженностью, злободневностью, эмоциональностью. Они беспощадно разоблачали противника и утверждали большевистскую правду, агитировали и призывали. Многие из них звучат как лозунги и призывы партии: „Вся власть Советам!“ (т. 32, 408), „Все на борьбу с Деникиным!“ (т. 39, 44), „Все на работу по продовольствию и транспорту!“

(т. 37, 465). Некоторые заголовки звучат патетично: „Социалистическое отечество в опасности!“ (т. 35, 357), „Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!“ (т. 37, 38), „Граждане! Поймите, в чем состоят приемы капиталистов всех стран!“ (т. 31, 231).

Эмоционально-образные заголовки преобладают над нейтральными, выполняющими чисто номинативно-информативную функцию. Они передают авторское отношение к изображаемому. Поэтому нередко нейтральные заглавия своих статей В. И. Ленин сопровождал стилистически окрашенными подзаголовками: „Как голосовать на выборах в Петербурге? (Кому выгодны сказки о черносотенной опасности?)“ (т. 14, 354), «Из лагеря столыпинской „рабочей“ партии (Посвящается нашим „примирителям“ и „соглашателям“» (т. 20, 319), „В Англии (Печальные результаты оппортунизма)“ (т. 23, 63).

Для создания эмоциональных, броских, запоминающихся заголовков В. И. Ленин использовал самые разнообразные средства русского языка: лексико-семантические, фразеологические, словообразовательные, синтаксические, интонационные, а также пословицы, поговорки и крылатые фразы из произведений художественной литературы.

Выразительность заголовков проявляется прежде всего в их открытой и яркой оценочности, которая достигается широким включением в заголовок отрицательно-оценочных слов: „Плохая защита плохого дела“ (т. 24, 78), «Позорный блок меньшевиков и народников с „Единством“» (т. 32, 213), „Слишком грубая ложь“ (т. 31, 465), „Бесстыдная ложь капиталистов“ (т. 31, 207), „Презренные приемы“ (т. 32, 103), „Расхлябанная революция“ (т. 32, 381), „Анемичная Дума или анемичная мелкая буржуазия“ (т. 15, 208), „Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры“ (т. 15, 212), „Народничающая буржуазия и растерянное народничество“ (т. 8, 77); „Проделки бонапартистов“ (т. 9, 362), „Истерика потерпевших поражение“ (т. 12, 16), „Как буржуазия использует ренегатов“ (т. 39, 182) и др.

Резко оценочный характер заголовка создается употреблением слов с переносным значением: „Бумажные резолюции“ (т. 34, 94), „Рабочая партия и либеральные на-

едники (О Потресове)“ (т. 23, 223), „Старые задачи и старческая дряблость либерализма“ (т. 23, 30). В этих заголовках звучит ленинская едкая ирония и гневный сарказм. „Третьеиюньские зубры за немедленное наступление“ (т. 32, 297) — так названа статья, в которой В. И. Ленин разоблачает „соратников Николая Кровавого и Столыпина Вешателя“, те реакционные круги буржуазии, которые выступали за продолжение войны. Против меньшевистской тактики поддержки кадетского большинства в Думе направлена статья под названием „Кадетские подголоски“.

Для создания ярких, выразительных заголовков В. И. Ленин использовал прием метафоризации, употребляя слова в переносно-расширительном значении в целях художественной образности: „Последний клапан“ (т. 22, 16), „Со ступеньки на ступеньку“ (т. 14, 302), „Эпидемия доверчивости“ (т. 32, 315), „Поход либералов“ (т. 21, 473), „„Революционеры“ в белых перчатках“ (т. 10, 298) и др.

Образность заголовка достигается иногда сочетанием контрастных по значению слов при сопоставлении противоположных понятий: «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» (т. 10, 310), «Мертвый шовинизм и живой социализм (Как восстанавливать Интернационал?)» (т. 26, 98), «Отсталая Европа и передовая Азия» (т. 23, 166), «Культурные европейцы и дикие азиаты» (т. 23, 89), «Максимум беззастенчивости и минимум логики» (т. 8, 23), «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» (т. 11, 149) и др.

Обращают на себя внимание заголовки, представляющие соединение в одном ряду слов разных тематических групп. Например, в заголовке «Русские и негры» союзом *и* соединены слова, называющие нацию и расу. Такого же типа заголовки «О г. Горском и об одной латинской пословице» (т. 24, 241), «Купец Салазкин и писатель Ф. Д.» (т. 23, 468).

Сатирическую окраску ленинским заголовкам придают стилистически сниженные разговорные слова: «Неудачные попытки г-на Плеханова вывернуться» (т. 31, 307), «Французско-русские обычаи „подмазывать“!» (т. 10, 32) и др., а также ироничное словоупотребление: «Герои берн-

ского Интернационала» (т. 38, 389), «О новой фракции примиренцев или добродетельных» (т. 20, 334), «Чудеса революционной энергии» (т. 32, 387) и др. Ирония создается использованием слов в кавычках: «Дороговизна жизни и „тяжелая“ жизнь капиталистов» (т. 23, 179), «Наши „успехи“» (т. 23, 20), «„Сожаление“ и „стыд“» (т. 20, 245).

В заголовках нередко применяется и такой прием, как сатирическое толкование высказываний противника, создающий эффект полемики: «„Фокусы рук“ и фокусы политической беспринципности» — так называется статья, разоблачающая позицию меньшевиков на выборах. Выражение *фокусы рук* взято из передовицы эсеровской газеты «Дело Народа». В статье показано, что хотя народники и меньшевики «честят» Плеханова фокусником, «„прирученным буржуазией“, но на выборах идут в одном блоке с плехановским „Единством“» (т. 32, 209). Истинное лицо эсеров и меньшевиков, которые, господствуя в Советах, изменили крестьянству, предали его помещику, показано в статье «Помещики снюхались с кадетами» (т. 54, 377). «Это выражение,— пишет В. И. Ленин,— принадлежит не нам. Его употребила газета „Дело Народа“...» (там же).

Экспрессивная направленность заголовков проявляется в использовании широких словообразовательных возможностей русского языка. В качестве заглавий некоторых статей выступают существительные с суффиксами *-щин(а)-*, *-иад(а)-*, образованные от фамилий исторических лиц. Так, одну из статей против меньшевистских вождей Петроградского Совета, оказавшихся во всех главных вопросах политической жизни на мелкобуржуазных позициях печально прославившегося французского социалиста Луи Блана, который «был вождем рабочих на словах, хвостом буржуазии на деле» (т. 31, 313), В. И. Ленин назвал «Луиблановщина» (т. 31, 127). Опасность такой позиции, обобщенно-политическое значение этого образования раскрывается в статье: «...луиблановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свободы...» (т. 31, 130). В реакционных буржуазных печатных органах в 1917 году появились злобно-клеветнические

статьи, обвиняющие большевиков в шпионаже. В ответ В. И. Ленин пишет в «Правду» серию статей, раскрывающих ложь этих выступлений: «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского» (т. 32, 418), «О клеветниках» (т. 34, 117), «Дрейфусиада» (т. 32, 424). Существительное *дрейфусиада* характеризует не конкретное историческое событие, связанное с именем Дрейфуса [офицер французского генерального штаба, осужденный в 1894 году на пожизненное заключение по заведомо ложному обвинению в государственной измене], а приобретает политически-обобщенное значение: «Во что бы то ни стало обвинить Дрейфуса в шпионстве! — таков был пароль тогда. Во что бы то ни стало обвинить кого-либо из большевиков в шпионстве! — таков пароль теперь» (т. 32, 424). Далее в статье приводятся некоторые из приемов «новейшей республиканской дрейфусиады». «Политическая лидвалиада» (т. 14, 362) — так названа статья, разоблачающая торгашество кадетов и их лидера Милюкова, который пошел на политическую сделку со «Столыпиным-Вешателем». Слово *лидвалиада* образовано от фамилии шведского подданного Лидваля, крупного спекулянта и афериста, известного спекулятивными махинациями при поставке продовольствия в голодающие губернии. «...переговоры Милюкова со Столыпиным,— подчеркивается в статье,— есть именно кусочек политической лидвалиады, где вместо уголовно-наказуемой денежной корысти и мошенничества мы имеем *политически недобросовестное и преступное* торгашество партии, злоупотребляющей великими словами „народная свобода“» (т. 14, 363).

Оценочный характер заголовка создается использованием фамилий во множественном числе: «В мире Азефов» (т. 22, 312) (Е. Ф. Азеф — один из организаторов партии эсеров, тайный агент полиции). «Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки?» (т. 32, 343) (Кавеньяк — французский генерал, отличавшийся варварскими методами ведения войны).

Иронично звучат заголовки, в состав которых входят слова с суффиксами субъективной оценки, чаще с уменьшительно-ласкательными: «Картинки жизни» (т. 23, 327), «Герои „оговорочки“» (т. 20, 90), «Заграничные группки

и русские ликвидаторы» (т. 24, 179), «Защита империализма, прикрытая добренькими фразами» (т. 32, 11).

В функции образно-эмоциональных заголовков, отличающихся особой экспрессивностью, часто выступают *пословицы* и *поговорки*: «Поспешись — людей насмешишь» (т. 25, 180); «Мягко стелют, но жестко спать» (т. 15, 114); «Ложка дегтя в бочке меда» (т. 45, 206); «За деревьями не видят леса» (т. 34, 79); *фразеологизмы*: «Каша в головах (Еще об аннексиях)» (т. 32, 114); *литературные цитаты* и *образы*: «Кукушка хвалит петуха...» (т. 12, 276); «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» (т. 32, 258); «Что делаешь, делай скорее!» (т. 13, 229); «Наши Тартюфы» (т. 9, 198). Нередко они проецировались на конкретные политические события, лица, партии уже в заголовках: «Тысяча первая ложь капиталистов» (т. 32, 295), «Русский радикал задним умом крепок!» (т. 14, 32), «О краске стыда у Иудушки Троцкого» (т. 20, 96), «Социал-демократическая душечка» (т. 11, 281). Статью, направленную против лидера партии кадетов Струве, В. И. Ленин назвал «Услужливый либерал». Сарказм статьи подчеркивается эпитафией: «...Не дай бог со Струве связаться, Услужливый Струве опаснее врага!» (т. 9, 71). Вспомним И. А. Крылова: «Услужливый дурак...».

Выразительность заголовка достигается умелым использованием не только богатейших лексических ресурсов русского языка, но и синтаксическими, а также интонационными средствами. Экспрессивную окраску придают заголовку *обращения*: «Не демократично, гражданин Керенский!» (т. 32, 253); «Чем же вы отличаетесь от Плеханова, господ эсеры и меньшевики?» (т. 32, 368); *неопределенно-личные предложения*: «Позабыли главное (Муниципальная платформа партии пролетариата)» (т. 32, 23), «Ищут Наполеона» (т. 32, 61); *обособленные определения*: «Плеханов, не знающий чего он хочет» (т. 25, 167), «Г. Струве, изблеченный своим сотрудником» (т. 7, 204), «Кадетский домовладелец, рассуждающий „по Марксу“» (т. 24, 111). Эмоционально звучат заголовки с вопросительной и восклицательной интонацией: «Блок кадетов с октябристами?» (т. 17, 35), «Крах?» (т. 31, 290), «Либеральные земцы уже идут на попятный?» (т. 11, 195),

«Сорвался!» (т. 7, 335), «По торной дорожке!» (т. 17, 27), «Нехорошо!» (т. 23, 170), «И торговаться не хотят!» (т. 13, 117).

Заголовок и статья органично слиты по содержанию и по стилистическим приемам. Образы заголовков включаются в процесс разъяснения и доказательства, входят в художественно-словесную ткань статьи. У В. И. Ленина много статей, разоблачающих любителей революционной фразы. Одна из них образно называется «О чесотке». Уже первая фраза статьи устанавливает тесную связь заголовка и текста: «Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые». Этот образ проходит через всю статью: «простые, ясные... истины извращаются теми, кто заболел рассматриваемой разновидностью чесотки», «заболеть мерзкой чесоткой фразы», «этакая прилипчивая болезнь!», и заключительные слова статьи — «Уф! И скверная же болезнь чесотка. И тяжкое же ремесло человека, которому приходится парить в баньке чесоточных...» (т. 35, 361—364). Таких примеров можно привести много. Едкая сатирическая и ироническая окраска заголовка поддерживается стилистическими приемами, которые используются в статье. Так, например, в статье «Заграничные группки и русские ликвидаторы» встречаем иронично звучащие слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: статейка ликвидаторов, ругательная статейка, добренькие ликвидаторы, маленькие уловочки, группочки; неоднократное повторение слова *группки*, вынесенного в заголовок.

Стилистические приемы, использованные в статье и в заголовке, могут быть различными. Одна из статей, напечатанная в «Правде» в 1917 году, называется «На зубок новорожденному... „новому“ правительству» (т. 32, 33). Временное правительство не захотело распустить IV Государственную Думу и ее члены собирались на частные совещания. Статья представляет собой высказывания отдельных членов Думы с блестящими ленинскими комментариями. Необычное политическое расширение известного фразеологизма придает заголовку экспрессивно-сатирическую окраску. Такая же едкая ирония звучит в коммента-

риях, в словах, вводящих цитаты: «„Речь“ в серьезной (сурьезной, по-народному) передовице:...» (далее идет выдержка из газеты), «Из речи Миллюкова, который не ушел, которого ушли:...» (цитата) и т. д. (т. 32, 33).

В заголовках газетных статей сказалось стилистическое мастерство Ленина-публициста. Ленинские заголовки, пронизанные авторским отношением к происходящему, эмоционально воздействуют на читателя, будят его мысль.

Е. Л. ЛИЛЕВА

Об одном полемическом приеме

Нет на земле уголка, куда бы не доходили сегодня идеи научного социализма и коммунизма. В победном шествии этих идей величайшая заслуга принадлежит основателю первого в мире социалистического государства В. И. Ленину, посвятившему всю жизнь борьбе за их чистоту, дальнейшее развитие и утверждение. За год до Великого Октября Владимир Ильич писал:

«Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на „мир“ с пошляками» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 49, с. 340).

Непрерывная идейная, политическая, организационная борьба Ленина с многочисленными врагами не могла не отразиться на стиле его научных, публицистических работ, устных выступлений, многие из которых приобретали

остро полемический характер. Ленинское полемическое искусство высоко оценивалось его современниками (как соратниками, так и его противниками).

В наши дни теме «Ленин — полемист» посвящаются десятки исследований (см., например, работы Б. Яковлева, В. Кузнецова, Н. Бакановой, В. Зиновьевой, А. Цейтлина, М. Зерницкого, Н. Мещерского, К. Наумова, М. Мишаевой, С. Малышева, П. Фесуненко, Н. Прошунина и др.). В раскрытии полемической манеры Ленина сделано немало. Однако продолжают еще оставаться недостаточно изученными некоторые средства и приемы, в которых ленинская полемическая мысль конкретно воплощалась. Арсенал этих средств и приемов в работах великого вождя поистине неисчерпаем, им использовалось все лексико-фразеологическое богатство русского языка, его словообразовательные, морфологические, синтаксические, стилистические возможности.

В ряде работ указывалось, какую важную роль играли в ленинской полемике народные пословицы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, сравнения, метафоры, литературные образы, эпитеты и т. д. В данной статье мы хотели бы привлечь внимание читателей еще к одному весьма своеобразному полемическому средству — антифразису, роль которого в работах Ленина, на наш взгляд, раскрыта недостаточно, хотя его применение уже было отмечено исследователями (см., например: В. И. Кузнецов. О полемическом искусстве В. И. Ленина. М., 1971, с. 140—141).

Антифразис — это стилистический прием, сущность которого состоит в том, что слово употребляется в противоположном смысле. Антифразис в русской художественной литературе имеет давнюю традицию. Вспомним слова из хорошо знакомой басни: «Откуда, *умная*, бредешь ты голова?». Антифрастические выражения встречаются в произведениях Пушкина, Гоголя и других писателей и поэтов. Широко использовался антифразис в публицистических работах великих русских революционных демократов: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина. Характеризуя этот прием, Чернышевский отмечал, что похвальные или торжественные выражения в полемике надобно понимать за насмешку. Сал-

тыков-Щедрин подчеркивал, что наружная восторженность похвалы делает иронию еще более едкой и чувствительной.

В. И. Ленин глубоко изучал творческое наследие своих революционных предшественников, воспринял и далее развил их лучшие стилевые традиции. Антифразис как острое полемическое оружие был взят Владимиром Ильичем на вооружение и сотни раз блестяще применен в новых условиях политической и идеологической борьбы. Особенно часто антифразис использовался Лениным при создании портретных характеристик идейных противников. Показательна, например, в этом отношении одна из ранних работ В. И. Ленина — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Полемизируя с виднейшим теоретиком либерального народничества, философом-позитивистом, одним из представителей субъективной школы в социологии Н. К. Михайловским, В. И. Ленин награждает его рядом «похвальных» эпитетов: «почтеннейший г. Михайловский» (т. 1, с. 154); «О, премудрый субъективный социолог!!» (т. 1, с. 143).

Наглядным подтверждением характерности для стиля Ленина явления антифразиса может послужить острая полемика, которую Владимир Ильич вел с бывшим теоретиком «экономизма», меньшевистским лидером, а затем и ликвидатором — А. С. Мартыновым. Вот его портрет в «похвальных» ленинских эпитетах: почтенный Мартынов (т. 10, с. 8); почтеннейший жирондист Мартынов (т. 9, с. 308); любезный Мартынов (т. 19, с. 139); любезнейший (т. 6, с. 326), догадливый и остроумный (т. 11, с. 119); глубокомысленный Мартынов (т. 10, с. 6); знаменитый Мартынов (т. 9, с. 266); грозный Мартынов (т. 9, с. 258); умный Мартынов (т. 10, с. 12); незабвенный Мартынов (т. 6, с. 91) и т. п.

В работе «Социал-демократия и временное революционное правительство» словосочетание *умный Мартынов* встречается пять раз, усиливая с каждым повтором ироническое звучание. В. И. Ленин не ограничивался подбором только «похвальных» эпитетов. Антифразис выступал нередко не в форме одного слова, а в виде перифрастического выражения: Мартынов — знаменитый борец против «якобинизма» (т. 10, с. 202); властитель дум (т. 10, с. 15). В ра-

боте «Что делать?» Ленин саркастически величает Мартынова «гениальным самородком», «нашим Ломоносовым». Апогея, на наш взгляд, сарказм при характеристике Мартынова и Мартова достиг в докладе на III съезде РСДРП, где Ленин назвал их: «наши Маркс и Энгельс». Сарказм ленинских слов был столь велик, что аудиторию потряс взрыв гомерического смеха (т. 10, с. 139).

Антифразис использовался Лениным в работах, относящихся к самым различным периодам его деятельности, и применялся всегда мастерски, с блеском. Характерный пример из работы «О политическом значении брани», в которой Владимир Ильич полемизировал с ликвидаторами, впередовцами, троцкистами и, по его словам, с дюжиной иных группок: «...храбрый Плеханов, мужественный Троцкий, смелые впередовцы, благородные ликвидаторы...» (т. 25, с. 242). Обратим внимание: каждому противнику дается свое определение.

В произведениях и устных выступлениях Ленина антифразис представлен не только именами прилагательными, но и глаголами, наречиями, именами существительными, отдельными словами и сочетаниями слов: «...Мартынов углубил Плеханова» (т. 6, с. 65); «...рыцарски воюет г. Михайловский» (т. 1, с. 168); «победоносно воюет» (т. 1, с. 168). В. И. Ленин отмечает у Михайловского «удивительное остроумие!» (т. 1, с. 163), «глубокомыслие!» (т. 1, с. 181).

Различны в работах В. И. Ленина способы проявления иронического смысла «похвальных» слов: окружающий контекст, кавычки, скобки, восклицательные и вопросительные знаки и т. д. В устных выступлениях, раскрытие противоположного смысла таких слов подчеркивалось выразительной иронической интонацией, мимикой, характерными для ораторской манеры В. И. Ленина жестами. Применение антифразиса — важная примета ленинского полемического слога.

*Ю. С. ВОРОНОВ,
заведующий кафедрой
Саратовской Высшей партийной школы*

КАК
РАССКАЗАЛА
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА
О ЖЕНЕ
А. С. ПУШКИНА

У интересной и своеобразной русской писательницы — поэтессы и прозаика — Марины Цветаевой (1892—1941) имеется яркий очерк о Наталье Николаевне Гончаровой, жене А. С. Пушкина. Собственно говоря, это не самостоятельный очерк, а небольшой этюд, включенный в другую работу Марины Цветаевой — в ее воспоминания о русской художнице Наталье Сергеевне Гончаровой (1881—1962), приходившейся внучатой племянницей жене Пушкина. С этой художницей Цветаева дружила долгие годы, воспоминания о ней вызвали суждения и о другой Гончаровой, жене Александра Сергеевича. В последующих строках я и хочу обратить внимание, как написана глава о Наталье Николаевне Гончаровой (в дальнейшем цитирую эту главу по книге: Марина Цветаева. Мой Пушкин. М., 1967).

Каждый, кто интересовался жизнью Пушкина, хорошо знает, какую важную роль в его судьбе сыграла Н. Н. Гончарова. Поэтому и неудивительно, что о ней очень много писали и ее современники, и исследователи жизни Пушкина. Этих вопросов я здесь касаться не буду. Перейду прямо к тому, как Цветаева сумела воссоздать облик жены поэта. Меня интересуют прежде всего языковые и стилистические средства, с помощью которых этот облик был создан. Марина Цветаева люби-

ла подчеркивать, что для всякого подлинного поэта «неделимость сути и формы» является аксиомой. Поэтому и у самой поэтессы мы можем обнаружить подобную неделимость — единство содержания и формы, если говорить более обычными в этом случае словами. Стремясь объяснить странную женитьбу Пушкина на великосветской красавице, Цветаева сразу же прибегает к резким контрастам: «тяга гения к пустому месту... Он хотел нуль, ибо сам был — всё» (с. 205). Затем, как бы учтя, что подобными резкими контрастами все же не объяснить весьма сложных взаимоотношений между супругами («жена моя прелесть» — писал Пушкин теще в 1834 году, через четыре года после женитьбы), Цветаева приводит фрагменты из писем современников — их отклики на гибель поэта и на положение, в котором оказалась его жена в результате этой трагедии. Вот Д. Н. Гончаров в сентябре 1837 года сообщает, что «Натали... чаще грустна, чем весела», а вот А. Н. Карамзин в этом же году делится своими наблюдениями с Е. А. Карамзиной: «Странно, я от всего сердца желал Наталье Николаевне утешения, но не думал, что желания мои исполнятся так скоро» (с. 210).

Здесь уже не прямые осуждения, а осуждения, данные как бы намеками: «чаще грустна, чем весела», следовательно, хотя и бывает веселой, но далеко не всегда, хотя и нуждается в утешениях, но подобные утешения не должны все же тянуться долго (они достигают своей цели достаточно быстро). Утешения — утешениями, веселость — веселостью, но вторично Наталья Николаевна выходит замуж за генерала П. П. Ланского лишь в 1844 году. Сообщая об этом (с. 211), М. Цветаева как бы подчеркивает: современники по-разному судили о жене Пушкина и нам, потомкам, не следует упрощать образ этого человека.

Итак, резкое противопоставление, данное в начале очерка (Пушкин — всё, Гончарова — нуль), затем осложняется. Нельзя не считаться с мнением современников. Вместе с тем Цветаева постоянно напоминает читателям, что Пушкин и Гончарова всегда оставались чужими людьми по отношению друг к другу. «Жуткая подробность. Карета, увозившая Пушкина на Черную речку, на Дворцовой набережной поравнялась с каретой Гончаровой. Увидь они друг друга... Но жена Пушкина была близорука, а Пушкин смотрел в другую сторону» (с. 207).

С помощью своеобразных языковых и стилистических средств Цветаева вносит поправки во взгляды отдельных современников на бракосочетание поэта. После женитьбы Пушкина П. А. Вяземский заметил: «первый романтический поэт нашего времени на первой романтической красавице». Вяземскому казалось, что создается чудесная пара. Цветаева комментирует: «Пара по силе, идущей в разные стороны, хотелось бы сказать: пара друг от друга. Пара — врозь» (с. 204). Здесь пара оказывается не символом близости (единства), а признаком разобщенности. Отсюда и разрушение устойчивого словосочетания типа *друг для друга* (ср.: *друг другу*) и употребление словосочетания, несколько неожиданного в единстве с *парой* — *друг от друга* («пара друг от друга»). Речь идет о паре, которая не сближается, а удаляется друг от друга. И все же Цветаева здесь не подчеркивает, что стремление первого поэта к первой красавице имело и точки соприкосновения: первый поэт мечтал видеть в образе своей жены первую красавицу эпохи. Так что само понятие *пары* сохраняет известные точки соприкосновения между женой и мужем, а не только пункты расхождений.

В своем стремлении обогатить привычные словосочетания Цветаева опирается на опыт самого Пушкина. Она вспоминает фрагмент из стихотворения поэта «К морю» (1824):

Ты ждал, ты звал... я был окован,
Вотще рвалась душа моя!
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

У современников Пушкина *страсть* обычно сочеталась с такими прилагательными, как *жаркая*, *неистовая*, *роковая* и пр., но «ни у кого — *могучая*». Очарованным можно быть *красотой*, *грацией*, даже *слабостью*, но не *мощью*, как у Пушкина. Поэт «очарован не данной женщиной, а могучей страстью». Он противопоставляет *морю* не *деву* (подобное противопоставление — *шаблон*), а *могучую страсть* (с. 216). Следуя за нешаблонностью и силой пушкинских поэтических словосочетаний, Цветаева сама ищет подобные словосочетания в языке другой исторической

эпохи. Когда говорят о том или ином поэте, что он «вышел из Пушкина», то по убеждению поэтессы предлог *из* прекрасно передает здесь значение школы Пушкина. Побывав «в школе Пушкина», подлинные поэты выходят затем «на волю», на простор, в сферу своих собственных поэтических возможностей. Школа Пушкина не сковывает, а освобождает большого поэта (с. 218). И хотя у Цветаевой эти мысли выражены только намеком, они не теряют своего общественного значения.

Осмывая заново отдельные словосочетания, Марина Цветаева с их помощью создает образ жены Пушкина и образы отдельных его современников. Разумеется, подобная функция словосочетаний — это лишь одно из средств создания образа. И все же это средство существенно в поэзии вообще, у Марины Цветаевой — в частности и в особенности.

Вот поэтесса возвращается к вопросу о сказочной красоте Натальи Гончаровой. Кто-то из современников жены поэта заметил, что у нее все было прекрасно, даже уши. Цветаева комментирует: все писали об ее «улыбке, походке, очах, плечах, даже ушах... Ибо она вся — в улыбках, очах, плечах, ушах» (с. 206). В первом предложении об *ушах* говорится как бы с удивлением («даже ушах»). В самом деле, кто, оценивая красоту женщины, вспоминает об ее ушах? Но жена Пушкина — исключение. Она первая красавица своей эпохи (Вяземский: «первая романтическая красавица»). Поэтому у нее все необыкновенно, в том числе «даже уши». Но во втором предложении, повторяющем мысль первого предложения, частица *даже* снимается. По отношению к «первой красавице» ничто не должно казаться преувеличением. Следует новый ряд перечислений, уже без *даже*: «в улыбках, очах, плечах, ушах». Вместе с тем вся эта неопишуемая красота — красота бессловесная. Это красота куклы. Это — «орудие судьбы», злой, страшной судьбы (с. 206).

В ходе изложения Цветаева вновь возвращается к ассоциации с «пустым местом» при характеристике Н. Гончаровой. На этот раз, однако, «пустое место» относится уже не столько к жене поэта, сколько к убийце поэта — к Дантесу. Учитывая предание, согласно которому Пушкин должен был быть убит человеком на белой лошади (это предание было известно еще при жизни поэта), Цветаева замечает: «Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, пустое место, равное Гончаровой» (жена поэта вновь

сравнивается с *пустым местом*). «Пушкин убит не белой головой, а каким-то — пробелом» (с. 207). «Белая голова» относится к воображаемому всаднику на белом коне, а *пустое место* (Дантес) оказывается *пробелом* (в наших современных словарях *пробел* — незаполненное место, промежуток между буквами, между строками). *Пробел* превращается в действующее лицо трагедии.

Для правильного суждения о жене поэта следует считаться с тем, что жизнь и творчество самого Пушкина можно видеть «очами любящих (друзей...), очами любопытствующих (всех тех, последнюю сплетню о нем ловивших...), очами судящих (государь, полиция..., иксы, игрки...) и, наконец, ...очами будущего...» (с. 196). Сложная личная судьба поэта в известной степени отразилась и на судьбе спутницы последних семи лет его жизни.

Можно спорить с Мариной Цветаевой по вопросу о том, насколько верные краски она избрала при обрисовке Наталии Николаевны Гончаровой. Можно спорить и по вопросу о точности тех или иных акцентов. Можно спорить, наконец, о допустимой степени смелости и удачливости отдельных языковых «сдвигов» — сравнений, метафор, новых значений старых слов. И все же нельзя не заметить, что в маленьком очерке автору удалось создать свой образ жены Пушкина, вокруг имени которой не один раз возникали легенды. Своеобразие языка и стиля Марины Цветаевой и в этом случае следует постоянно учитывать.

Р. А. БУДАГОВ

В следующем номере будут опубликованы материалы из новой книги «Вокруг Пушкина» И. Ободовской и М. Дементьева с предисловием члена-корреспондента АН СССР Д. Д. Благого.

ЖИВОЙ ЯЗЫК Василия Шукшина

Василий Макарович Шукшин — своеобразный и цельный талант, разрабатывавший в искусстве свою нравственную программу, свое представление о современном человеке.

Писатель стремился к простоте повествования, обогащая литературный язык за счет живой разговорной речи народа.

Над чем бы ни работал Шукшин — рассказом, сценарием, фильмом — он был экономичен в средствах выражения, избегал излишеств и украшений, чуждался красоты, всех этих «шалых ветерков», «медовых запахов с полей»... Он говорил: «Мне и в литературе не нравится изящно самоценный образ, настораживает красоту». Шукшин видел в искусстве и «возможность насущного разговора, прежде всего». Отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы» о языке художественной речи, он рассуждал: «Во всяком случае для меня «проблема языка» возникает именно потому, что люди очень разные». И далее: «А написать просто: вот этот человек — хороший человек, — этому не поверят. И правильно сделают».

Отсюда характерная черта повествовательной манеры Шукшина — умение кратко, не вдаваясь в излишнюю описательность, ввести читателя в события. Он сразу погружает его в самую суть дела. Экспозиция часто отсутствует:

«Пимокат Валиков подал в суд на новых соседей своих, Гребенчиковых. Дело было так» («Суд») (цитируется по изданию: В. Шукшин. Избранные произведения в двух томах, М., 1975, т. 1).

«От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!... Прямо как в старых добрых романах — сбежала с офицером» (Раскас);

«Сашку Ермолаева обидели» (Обида).

Многие произведения, в которых сосредоточена важная для художника мысль, есть «свободное самооткровение личности», диалогизированные размышления, обнажающие внутренние нравственные искания героев, их раздумья, рожденные в душе под влиянием времени. А. Твардовский отмечал особенное мастерство Шукшина в прямой речи: «ухо поразительно чуткое». Сам Шукшин считал: «Прямая речь позволяет мне крепко поубавить описательную часть: какой человек? Как он думает? Чего хочет? В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке — послушав его. Тут он не соврет — не сумеет, даже если захочет». Установка на речь персонажа выступает в качестве универсального художественного средства: читатель должен получить «радость общения с живым человеком» («Вопросы литературы», 1967, № 6).

В сущности, почти во всех произведениях абсолютное преобладание диалога над авторской речью. Вот начало одного из самых ранних рассказов Шукшина «Одни» (1963):

«Шорник Антип Калачиков уважал в людях душевную чуткость и доброту. В минуты хорошего настроения, когда в доме устанавливался относительный мир, Антип ласково говорил жене:

— Ты, Марфа, хоть и крупная баба, а бестолковая.

— Эт почему же?

— А потому... Тебе что требуется? Чтобы я день и ночь только шил и шил? А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота, душе-то.

— Плевать мне на твою душу.

— Эх-х...

— Чего «эх»? Чего «эх»?

— Так... Вспомнил твоего папашу-кулака, царство ему небесное.

Марфа, грозная большая Марфа, подбоченившись, строго смотрела сверху на Антипа. Сухой маленький Антип стойко выдержал ее взгляд.

— Ты папашу моего не трожь... Понял?

— Ага, понял, — кротко отвечал Антип.

— То-то.

— Шибко уж ты строгая, Марфонька. Нельзя так, милая: надсадишь сердечушко свое и помрешь».

А, например, рассказ «Экзамен» и новелла «Вянет, пропадает» начинаются прямо с диалога.

Но диалог не только количественно преобладает в произведениях Шукшина, а движет сюжет, помогая проникнуть внутрь характера. В обыденной речи проявляются темперамент персонажа, его причуды.

Шукшин воссоздает живую разговорную речь с присущей ей образностью, экспрессией, естественностью. Цель писателя не только в передаче индивидуальной речи, а и в стремлении воспроизвести в непринужденной форме своеобразие мышления, мироощущения человека из народа.

Шукшин тонко чувствует процесс изменения повседневного речевого обихода деревни, который вызван социальными и культурными изменениями в стране. Например, в рассказе «Сельские жители» (1963) бабка Маланья говорит так: «Господи, господи! — вздохнула бабка. — Давай писать Павлу. А телеграмму анулироваем». А ее внук Шурка вполне свободно оперирует такими сло-

вами и выражениями, как: *шантаж, преодолели звуковой барьер, привел такой факт...*

Меняется личность. Меняется язык. Шукшин сумел уловить и передать динамику современного языка, что отчасти нашло отражение в сжатости фразы. Она кратка, проста, энергична, непринужденна, поэтому шукшинские рассказы так легко играть, рассказывать:

«Жена называла его „Чудик“. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории — мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки» (Чудик).

Как уже говорилось, Шукшин постоянно освобождался от всего лишнего, прямо не разрешающего поставленных задач, что не означает, будто у него нет авторских рассуждений, всевозможных описаний, «приостанавливающих» движение сюжета. Там, где это было вызвано художественными потребностями, где этого требовала главная задача — изображение человека, Шукшин не чуждался их. В частности, рассказывая о незадачливой судьбе «сибирского донкихота» Спирьки Расторгуева («Сураз»), писатель переводит повествование в общефилософский план: «А как же теперь? На этот вопрос Спирька не знал, как ответить. И потом, в течение дня, он еще пытался понять: „Как теперь?“ И не мог.

Вообще, собственная жизнь вдруг опустылела, показалась чудовищно лишенной смысла. И в этом Спирька все больше утверждался. Временами он даже испытывал к себе мерзость. Такого никогда не было с ним. В душе наступил покой, но какой-то мертвый покой, такой покой, когда заблудившийся человек до конца понимает, что он заблудился, и садится на пенек. Не кричит больше, не ищет тропинку, садится и сидит, и все». В приведенном отрывке передаются мысли и чувства героя, но внутренний монолог окрашен авторской интонацией. Обычно позиция автора и позиция героя предельно сближаются и образуют один эстетически цельный художественный организм. Например, в рассказе «Обида» — обыденное житейское столкновение в магазине наводит героя на такое страстное размышление: «Он решил дожидаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? Спросить: до каких пор мы сами будем помогать хамству? И с какой стати выскочил он таким подхалимом? Что за манера? Что за проклятое желание угодить

хамоватому продавцу, чиновнику, просто хаму — угодить во что бы то ни стало!...

Так примерно думал Сашка».

Последней фразой Шукшин нарочито подчеркивает, что произошло авторское вмешательство, что мы имеем дело с обработкой «чужого слова», что общий пафос размышления близок писателю (это, впрочем, подтверждается и его публицистическими выступлениями).

Иногда в авторское повествование вкрапливаются слова персонажа, формы устной народной речи. Голос автора окрашивается элементами «сказа», «несобственно-прямой речи»: «Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь, забулдыга, непревзойденный столяр» (Мастер); «Веня приезжает из рейса и обнаруживает, что деньги, которые копились ему на кожаное пальто, жена Соня все ухайдакала себе на шубу из искусственного каракуля» (Мой зять украл машину дров!); «В райгородок Н. приехали эти, которые по вертикальной стене на мотоциклах ездят» (Штрихи к портрету). Данные элементы являются своеобразными знаками, указывающими на социальный тип, его образ мышления.

Характер реалий изображаемой жизни требует от художника привычного для сознания героя и самого писателя словоупотребления. У Шукшина сравнения конкретны, материальны, обусловлены «знакомой жизнью»: «шарахался по жизни, как по загону»; «дядя Гриша валялся в ней [в жизни.— В. Г.], как сытый жеребец в спелом овсе». Отбирая речевые средства для выражения характерного, писатель использует меткое, рельефное сравнение, фразеологизм, точный глагол. Вообще, Шукшин старается говорить о предмете «языком самого предмета».

В прозе Шукшина отчетливо заметно влияние устного народного творчества: «носил постоянно в себе эту бользмею, и кусала она его и кусала, но притерпелся» (Осенью); «...крепости желанной в душе перед дальней дорогой не ощущал»; или такие словосочетания: «тоска гложет», «домой манит», «каблучками-носочками», «разлетелись наши детушки по всему белому свету...».

Шукшин писал: «Вообще все „системы“ хороши, только бы не забывался язык народный. Выше головы не прыгнешь; лучше, чем сказал народ (обозвал ли кого, сравнил, обласкал, послал куда подальше), не скажешь» («Вопросы литературы», 1967, № 6).

Писатель тонко чувствовал не только слово, но и роль народной поэзии, народной песни в создании общей художественной атмосферы произведения. Недаром в его рассказах много песен, которые эмоционально настраивают читателя: часто слова из песен выносятся в заголовки и становятся своеобразными музыкальными лейтмотивами: «Вянет, пропадает», «В воскресенье мать-старушка», «Жена мужа в Париж провожала», «Калина красная».

Следует отметить многозначность шукшинских заголовков, органично вплетающихся в повествовательную систему («Сураз», «Калина красная»). *Сураз* — ‘внебрачно рожденный’, ‘бедовый случай, удар и огорчение’ (сиб.) (Сб. «Земляки», М., 1970). Слово емкое, крепкое. Означает оно и изначальную семейную драму, перекошенную судьбу. В нем и безотцовщина, и ранняя самостоятельность, и четыре с половиной класса образования у героя, и житейские университеты и многое другое.

Неслучайно появилось и название «Калина красная». Народное поверье гласит, что калина — символ любви запоздалой, горькой, часто трагичной, чего-то несостоявшегося, несбывшегося.

А. П. Чехов говорил: «Я знаю одного писателя-народника — так он, когда пишет, усердно роется у Даля и в Островском и набирает оттуда подходящих „народных“ слов» (Русские писатели о литературном труде, Л., 1955, т. 3).

Шукшину не нужно было придумывать цветистые речения «под народ». Он знал его реальные нужды и заботы, как знал и язык, на котором говорят его герои [кстати, Шукшин мечтал составить Словарь (разговорный) Сибирский и многое уже сделал в этом направлении].

Писателя нередко упрекали в злоупотреблении диалектизмами, просторечными словами. Но суть, как известно, не в количестве употребляемых просторечных слов, а в чувстве художественной меры.

Обладая художественным тактом, Шукшин использует диалектные и просторечные слова и выражения прежде всего как средство социальной и индивидуальной речевой характеристики персонажей. Диалектизмы создают своеобразную языковую достоверность, неповторимый колорит, то есть герои говорят, пользуясь выражением Лескова, «естественным их положению языком». Например, в рассказе «Охота жить» в речи старика Никитича можно обнаружить довольно много просторечных слов и диалектизмов, но они

не перенасыщают текст, не режут слуха, не ослабляют художественности. Более того, Шукшин зло высмеивал произведения, написанные «специально» для сельского читателя, для сельской художественной самодеятельности. Кузнецу и артисту драмкружка Федору Граю, который играл «простых» людей, «было ужасно стыдно» произносить какое-нибудь *теперича*: «Тяжело было произносить на сцене слова вроде: „сельхознаука“, „незамедлительно“, „в сущности говоря“... и т. п. Но еще труднее, просто невыносимо трудно и тошно было говорить всякие „чаво“, „куды“, „евон“, „ейный“... А режиссер требовал, чтобы говорили так, когда речь шла о „простых“ людях».

Разумеется, не следует думать, что в языке писателя все всегда обстояло благополучно. Но Василий Шукшин — художник, постоянно искавший новые изобразительные средства. Все чаще герои писателя задают вопросы о смысле бытия, о добре и зле. Мучительные вопросы... То и дело речь их сбивается со спокойной интонации, становится более взрывчатой:

«Слушай! — взвизгивал Максим. — Раз хочешь понять, слушай! Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой. Я же не прошу у тебя трешку на водку, я же хочу... Дура! — вдруг вовсе срылся Максим, потому что вдруг ясно понимал: никогда он не объяснит, что с ним происходит, никогда жена Люда не поймет его. Ни-когда!...» (Верую!).

Шукшин нередко насыщает авторское слово новыми интонациями, сам откровенно вторгается в повествование. Если раньше доминировало «раскованное» и свободное слово героя, весь языковой материал — синтаксические средства изображения, сравнения, диалектизмы, вульгаризмы — находился в системе мышления героев, то теперь, зачастую вытесняя диалог, страстно, искренне зазвучал авторский голос, обращенный прямо к читателю. И заговорил Шукшин о самом главном, наболевшем, обнажая свою художническую позицию. Синтаксис становится похожим на натянутую струну, которая вот-вот лопнет на высокой ноте: «...что же это такое было — жил человек... Этот и вовсе трудно жил. Значит, нужно, что ли, чтобы мы жили? Или как? Допустим, нужно, чтобы мы жили, но тогда зачем не отняли у нас этот проклятый дар — вечно мучительно и бесплодно пытаться понять: „А зачем все?“. Вон уж научились видеть, как сердце оставливается... А зачем все, зачем!» (Жил человек...).

Стиль Шукшина, основываясь на богатейших запасах живого современного языка, обладает широкими возможностями в передаче массовых изменений в духовной жизни общества и индивидуализации характеров, в создании жизненной правды и достоверности изображаемого.

Писателю трудно предугадать то, как поймет его каждый читатель. Но ясно одно: Шукшин говорит с ним «на одном языке, на равных», и книги его останутся с нами — в них огромный запас человеческой доброты, любви к людям, к родной земле...

В. Ф. ГОРН

«ПРОБИВАЛАСЬ ПЕВУЧИМ ПОТОКОМ...»

(Творительный превращения
в поэтической речи)

Среди поэтических тропов особой экспрессивностью и яркой образностью выделяются сочетания с так называемым творительным превращения, часто встречающиеся в поэзии XIX — начала XX веков. Например, «...и застывает ввечеру Густой прозрачною смолою» (Пушкин. Анчар); «...и душа, летя на север Золотой пчелой, В алый сон, в медовый клевер Ляжет на покой» (Блок. «Далл слепы, деп безгневны...»); «...это я Сердце флагом поднял. Небывалое чудо двадцатого века!» (Маяковский. Человек) и др.

Значение превращения возникает в контексте, описывающем прямое преобразование предметов, при употреблении слова в творительном падеже.

Метафору и сравнение, выраженные творительным падежом, трудно отграничить от творительного превращения, так как последний не составляет особой грамматической категории. Разница между ними — в прямом или переносном характере глагола-сказуемого. Так, Ф. И. Буслаев считал, что творительному уподобления (сравнения), встречающемуся в современном языке, соответствует в памятниках письменности творительный превращения. Однако, А. А. Потебня и А. М. Пешковский не ограничивали его распространение хронологическими рамками древнерусской эпохи, считая, что он может употребляться и в современном языке.

Значение превращения — один из многочисленных семантических оттенков общей грамматической категории, выделяемых (наряду со сравнением и метафорой) в зависимости от контекста. «Разница между творительным превращения и сравнения неграмматична, т. е. не формальна, а вещественна и может быть определена в каждом частном случае лишь при помощи обширного круга мыслей, не составляющего грамматической единицы», — писал А. А. Потебня (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. I—II, с. 486).

Сопоставление творительного превращения со сравнением в творительном падеже позволяет увидеть некоторые его особенности. Семантическую специфику мы усматриваем в том, что в сочетаниях с творительным превращения можно говорить о превращении или перевоплощении субъекта в объект, обозначенный творительным падежом. Само действие в этом случае существует реально. В творительном сравнения же сопоставляемые предметы мыслятся раздельно, следовательно, передаваемый падежом признак существует не объективно, а лишь в представлении автора высказывания.

Следует отметить также, что во многих случаях в сочетаниях с творительным превращения значение глагольной формы ослаблено. Это могут быть так называемые вспомогательные глаголы (*стал, сделался*), глаголы, прямо указывающие на превращение (*превратился, оборотился*), а также близкие к ним по значению слова *притворяться, заменить, предстать, называть* и т. п. Ср. «Орлом поклевучим Обернулся борец» (Вяч. Иванов. Рокоборец); «Я был вам звенящей струной, Я был вам цветущей весной» (Бальмонт. Довольно); «Тот человек, В котором Цистерной энергия — Не стопкой, Который Сердце Заменял мотором, Который Заменит Легкие — топкой» (Маяковский. Протестую) и т. п.

В сочетаниях с творительным сравнения глагол, как правило, не испытывает ограничений в семантике: «Снежинка легко пушинкою Порхает на ветру» (Блок. В октябре); «Свечкой чисточетверговой Над тобой горит звезда» (Есенин. «Серебристая дорога...»); «Пар белесоватый И ползет, и вьется ватой» (Анненский. Конец осенней сказки).

По нашему мнению, это обстоятельство позволяет достаточно четко разграничить значения превращения и сравнения.

Гораздо сложнее обнаружить различие между творительным превращения и метафорой в творительном падеже. Критерий здесь принадлежит области семантики, для которой характерно отсутствие четких разграничительных линий, их «размытость» и неопределенность. Еще более справедливо это положение в отношении поэтического языка и, в частности, языка символистов с его прин-

ципальной установкой на многоплановость явлений, неотделимость реального от фантастического. Поэтому с наибольшей долей вероятности значение превращения можно выделить лишь в фольклорно-мифологических сюжетах (то есть в контекстах, несомненно описывающих превращение или перевоплощение).

Поэзия XIX — начала XX веков с ее все усиливающейся ориентацией на фольклор, «бессознательным погружением в стихию фольклора» (Вяч. Иванов. По звездам. СПб, 1909, с. 40), не оставляет без внимания этот факт.

В ряде оригинальных и стилизованных произведений данного периода народный колорит создается употреблением конструкций с творительным превращения. Таковы стихотворения «Мой любимый, мой князь, мой жених...», «Мой милый, будь смелым...» А. Блока, «Троицын день» Вяч. Иванова.

Ср., например:

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной,
Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.
Зеленой звездой
С востока блесну,
Студеной волною
На панцырь плесну,
Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем

А. Блок. «Мой милый, будь смелым...»

Ритмо-мелодическая организация стиха (первоначальное название «Песня»), лексические (*студеной, вольной, очи, сладко*) и грамматические (*вишенье*) средства также способствуют созданию фольклорной атмосферы.

Вера в способность богов и демонов принимать различный облик послужила причиной употребления творительного превращения в таких стихотворениях, как «Конь Арион», «Переводчику» Вяч. Иванова, «Звезда пустыни» Бальмонта, «Тамара и Демон» Пастернака, «О мать божья...» Есенина.

В большинстве же примеров существуют тонкие смысловые переходы значений превращения в метафоры, их переплетение и взаимное наложение.

Иногда это слияние настолько гармонично, что трудно однозначно определить такие сочетания, как «Тоска небывалой весны Горит мне лучом отдаленным И тянется песней зурны» (Блок. Демон); «Покатились глаза собачьи Золотыми звездами в снег» (Есенин. Песнь о собаке) и т. п.

Следовательно, выделяемые далее критерии разграничения творительного превращения и метафорического носят вероятностный

характер, лишь направляя восприятие читателя в ту или иную сторону.

Так, в подавляющем большинстве сочетаний с творительным превращения в качестве субъекта действия выступают существительные, называющие лицо (антропонимы), — местоимения, имена собственные и нарицательные. Например: «Пробивалась певучим потоком, Уходила в немую лазурь, Исчезала в просторе глубоком Отдаленным мечтанием бурь» (Блок. «Пробивалась певучим потоком...»); «Кто костями, Кто пеплом Стенам под стопу Улеглись...» (Маяковский. Хорошо)

По-видимому, это объясняется древнейшей семантикой творительного превращения, употребляемого в текстах XI—XVII веков для обозначения суеверных преданий об оборотнях, о превращении людей в животных, растения в камни, например в «Слове о полку Игореве» о Всеславе: «самъ влъкомъ рыскаше, великому Хръсови путь прерыскаше».

Материал показывает, что конструкции с творительным превращения почти не употребляются изолированно. Они как бы дополняют друг друга, раскрывая многоликость каждого жизненного явления. Такие сочетания могут относиться к одному подлежащему: «Минувшее меркнет и стынет, Иль светится маревом дальным, Наплывом пахучим нахлынет, Напевом домчится печальным» (Вяч. Иванов. Недвижное); или образуют ряды параллельных конструкций: «О, если б ты была речной волною, О, если б я был первой вспышкой дня! Чтоб я, скользнув чуть видимым сияньем, В тебя проник дробящейся мечтой» (Бальмонт. Слова любви).

В некоторых случаях творительный превращения как бы дает толчок к дальнейшему развитию метафорической темы. Первоначально ощущаемый переносный характер картины уменьшается по мере развертывания мотива «превращения», переводящего действие в реальный план:

Из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит
и горит оперенье его

В. Маяковский.

Письмо товарищу Кострову
из Парижа о сущности любви

Так создаются особые типы стихотворных контекстов, ядром которых являются конструкции с творительным превращения.

Будучи «отголоском „мифологического мышления”» (В. В. Виноградов), творительный превращения тесно связан с ввелингвистическими факторами — идеологическими, временными и т. п., которые зачастую приобретают особый вес, являясь основным показателем превращения. Мы относим к ним своеобразно воспринятую традицию, особенности индивидуального поэтического мировосприятия, а также некоторые общие эстетические позиции целого направления.

Так, все содержание символистских произведений пронизывает идея соответствий, соотнесенности малого и великого, единичного и всеобщего. В поэзии символизма каждое явление может обернуться своей противоположностью. Прекрасная Дама в лирической драме Блока «Балаганчик» оказывается всего лишь «картонной невестой», а кровь — клюквенным соком, небесная звезда превращается в земную Незнакомку (драма Блока «Незнакомка»). Такая эстетическая позиция требует определенных средств языкового выражения.

Этим, по нашему мнению, объясняется обилие конструкций с творительным превращения в философских стихотворениях Вяч. Иванова («Две любви», «Сон Мелампа», «Ступени воли»), А. Белого («Душа мира»), Вл. Соловьева («Нет вопросов к тебе, и не нужно речей...») и др.

Ярким примером может служить стихотворение Вяч. Иванова «Трамонтана», в котором утверждается идея гармонической связи человека со всем многообразием окружающего мира:

Если влажный воздух густ
Над поморием счастливым,
Над ленивым, горделивым,—
Дхну я буйным острым хладом
Из теснинных гудких уст;
Я визвергнуь по оливам
Светлосклонным водопадом,
Синеву неся заливам,
Расчищая небеса.
Взвею веяньем гульливим
Над раздольем волн измятым,
Всклочу зыбь руном мохнатым...

«Напизывание» однотипных сочетаний усиливает эстетический эффект стихотворения, создает характерную для символизма атмосферу неопределенности, колебания между реальным и ирреальным планом.

Часто в качестве необходимого ввелингвистического фактора выступает контекст-ситуация (по терминологии Н. Н. Амосовой),

то есть знание содержания всего произведения или целого цикла (особенно важно это для крупномасштабных произведений — лирических поэм, драм и т. п.).

Так, в поэме Маяковского «Про это» варьируется тема «размедвежня» человека, обрастающего «шкурой» ревности и тиной мещанского быта. Отсюда и многочисленные сочетания с творительным превращения: «клыками свой размедвел вид я! Косматый. Шерстью свисает рубаха; белым медведем Взлез на лыдину, Плыву на своей подушке-льдине».

Рассмотренные особенности свидетельствуют о том, что древнейшее значение превращения не исчезло из языка бесследно, а лишь ограничивается в своем употреблении поэтической речью. Итак, в рамках единой грамматической категории творительного сравнения (уподобления) могут быть выделены три семантических оттенка — сравнительный, метафорический и превращения.

Сохранение творительного превращения в поэтической речи обуславливается его выразительными возможностями — яркой образностью и экспрессивностью, способностью отражать тончайшие семантические нюансы.

Так, в поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин» необыкновенный накал всеобщего горя, охватившего страну после гибели вождя, передается сочетаниями с творительным превращения:

Руки миллионов
 сложив в дrevко,
красным знаменем
 Красная площадь
вверх
 вздывается
 страшным рывком.

или:

В улицы
 и в переулки
 катафалком
плыл
 Большой театр.

Бессмертные дела Ленина, ощущение его постоянного присутствия в наших делах с особенной силой звучат в поэме Маяковского «Хорошо»:

Он бьется,
 как бился
 в сердцах
 и висках,
живой человеческой весной.

Н. А. КУЗЬМИНА

1917 — 1977

ДИСКУССИИ О ЯЗЫКЕ ПЕРВЫХ ПОСЛЕРЕВО- ЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ

●

**История культуры
учит нас,
что язык особенно
быстро обогащался
в эпохи наиболее
энергичной
общественной
деятельности
людей...**

М. Горький

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла эпоху коренных преобразований во всех сферах жизни общества. И это не могло не отразиться на развитии русского литературного языка, особенно его лексики: ведь все процессы и явления, обусловленные становлением новых социальных отношений, должны были быть соответствующим образом названы и «оценены». Изменения в лексике русского языка уже в первые послереволюционные годы были столь значительны и очевидны, что у некоторых современников создалось впечатление образования нового языка, отличного от русского языка дореволюционной эпохи.

Взгляды современников на литературный язык 20-х годов интересны не только потому, что они отражают определенные языковые явления, но и потому, что они сами — составная часть процесса становления литературных норм. Развитие литературного языка — это не просто последовательная смена одних языковых фактов другими, а диалектически сложный культурно-исторический процесс, в котором переплетаются различные стихии и на которые оказывают влияние различные факторы — объективные и субъективные, языковые и внеязыковые, закономерные и случайные.

Для 20-х годов характерны категоричные, эмоциональные высказывания о языке, нередко выражающие диаметрально противоположные точки зрения. Так, журнал «Вестник литературы» (1920, № 3) пишет в редакционной статье: «Русский язык, беречь который завещали нам Тургенев и другие корифеи русской литературы, находится нынче в большей опасности в смысле порчи, чем когда-либо...». «Речь уже не льется плавно, а подпрыгивает, тяжело переваливается, точно телега по бревенчатой гати», — продолжает эту мысль В. Кривенко, автор статьи «Изуродованный русский язык», опубликованной в том же номере журнала.

Противоположный взгляд на происходящие в языке изменения выражен, например, в статье Е. Ремпель «Язык революции и революция языка»: «Наш язык находится сейчас в интереснейшем периоде ломки и роста, внутреннего накопления сил и значения, в периоде большой переработки. И впоследствии, когда мы будем подводить итоги революции, язык даст нам неисчерпаемые источники сведений, откроет нам революцию с наиболее светлой, творческой и положительной стороны» (газ. «Новый путь», Рига, 28 августа 1921).

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что истина была на стороне «языкового оптимизма», как, впрочем, на всех стадиях развития русского литературного языка. Однако нельзя полностью сбрасывать со счетов и отрицательные суждения о языковых фактах: становление норм литературного языка, как и любой динамический процесс, характеризуется не только «плюсом», но и «минусом». И в негативных оценках так или иначе отражается развитие норм литературного языка, во всяком случае наиболее актуальные для данного времени направления этого развития.

Пуризм, то есть отрицательное отношение к тем или иным языковым явлениям, имел в 20-е годы различные истоки и основания. Широко распространяется в это время так называемый «вкусовой пуризм», или, по терминологии Г. О. Винокура, «пуризм как настроение», выражающийся в оценках типа «не нравится», «неприятно», «режет ухо». Критические стрелы он направляет в основном против новых слов и значений. *Испанка*, сетует автор упоминавшейся статьи «Изуродованный русский язык», — это уже не испанка, закутанная в мантилью, а название болезни; *лечебник* — не домашняя медицинская энциклопедия, а лицо, работающее в больничном учреждении. И. Фомин, один из участников дискуссии о языке в 1925 году, как нарушение нормы, «безграмотность» оценивает употребление слова *местничество* в новом значении — «соблюдение только своих узкоместных интересов в ущерб общему делу»: «интересы своей колокольни» — толкует значение

слова И. Фомин («Журналист», 1925, № 4). В этой оценке не учитывается тот факт, что приобретение тем или иным словом нового значения — естественный процесс. Существительное же *местничество*, извлеченное из запасников языка (в средневековой Руси так назывался порядок замещения должностей в зависимости от знатного рода и важности должностей, занимавшихся предками), по своей форме вполне подходило для обозначения нового понятия.

Однако как бы ни субъективен был «вкусовой пуризм», мы вправе вслед за Г. О. Винокуром говорить о его естественности и «законности», потому что русский язык (особенно лексика) переживал в 20-х годах период значительных изменений, и разобраться в них современникам было далеко не просто.

Отрицательное отношение к изменениям, происходившим в языке, нередко имело и более глубокие корни, чем просто нежелание принимать новшества. Скрытые и явные противники Советской власти под видом критики языка вели идеологическую борьбу с новым строем. В этой среде называли русский литературный язык революционной эпохи языком «непо» (от слова *непонятный*) и «большевистским волапуком», говорили о «сумасшедшем состоянии русского языка». Такой вид пуризма возник на социально-идеологической основе: языковые оценки здесь несли отчетливый отпечаток враждебного отношения к революции, к молодой Советской республике. В области лексики он проявлялся, прежде всего, в нападках на слова, выражающие понятия новой, социалистической действительности. Естественные для языка процессы (скажем, появление у некоторых слов новых значений) толковались как надругательство над русским языком, «преступление» против духа русского языка. Совершенно иначе, например, звучало после революции слово *товарищ*: оно обогатилось новыми значениями (так стали называть человека советского общества, члена коллектива) и значительно расширило сферу своего употребления, сохранив и прежние значения — «близкий человек», «человек, которого объединяет с кем-нибудь общность в чем-либо». Пуристы же антисоветского толка, в частности С. Волконский, расширение значения и функций этого слова стремились представить как превращение его «в совершенно бессодержательное обращение, — выдуманное, выпотрошенное слово» (критику этих взглядов см. в журнале «Коммунистическая революция», 1928, № 7, с. 73).

Характерен для этого периода и так называемый «ученый» пуризм, который отрицательное отношение к языковым явлениям стремится обосновать «научно», исходя из самого языка. В данном случае тот или иной факт не просто отвергается, а отвергается «сознательно» — как нарушающий языковые закономерности. Наиболее яркий образец «ученого» пуризма — оценка аббревиатур.

Аббревиация стала необычайно продуктивным способом словообразования уже в первые послереволюционные годы. Число сложносокращенных слов росло с каждым днем, особенно в сфере государственно-административной терминологии. Первоначально в большинстве случаев аббревиатуры являлись сокращенными наименованиями органов Советской власти, государственных учреждений, общественных организаций. Например: «Губернские и уездные *Соведы* [Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.— С. В.] должны принять самое активное участие в организации Комитетов бедноты» («Беднота», 15 июня 1918); «В особых условиях приходится работать и *Совнархозам*, и *Военкомам* [Военные комиссариаты], и *Чрезвычайкомам*, и всем другим органам Советской власти» («Известия», 16 января 1919); «В России организуется соответствующее отделение *Главсахара* [Главный сахарный комитет]» («Известия», 23 марта 1919).

Несмотря на то, что функции, да и область распространения аббревиатур были весьма ограничены, они расценивались современниками как едва ли не самое типичное явление языка революционной эпохи. Распространенным было представление о таких словах как «неправильных», образованных с нарушением законов русского языка и вопреки его нормам, о чем якобы свидетельствовало их отсутствие в «дореволюционном» русском литературном языке. Однако вывод о чисто «революционном» происхождении аббревиатур не соответствовал действительности.

В начале XX века в русском языке было образовано и вошло в употребление немало сокращенных наименований: *Земгор* — Комитет Всероссийского земского и городского союзов, *ОСФРУМ* — Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи, *РОПИТ* — Российское общество пароходства и торговли, *кадет* — конституционный демократ, *эсер* — социалист-революционер и многие другие. Правда, уже в первые послереволюционные годы процесс образования сложносокращенных слов резко усилился, возросло количество аббревиатур и частота их употребления. Показателен такой факт: в словаре сокращений русского языка Л. Болье (Париж, 1918) зафиксировано всего 386 сокращений, а в «Словаре вошедших в обиход сокращенных названий» И. М. Серокузова (Владивосток, 1924) — уже 1007.

Нередко аббревиатурам вообще отказывали в праве называться словами, отводя им роль «номенклатурных этикеток». Такой взгляд представлен, в частности, в брошюре А. Г. Горнфельда «Новые словечки и старые слова» (Пб., «Колос», 1922): «Они [сложносокращенные слова.— С. В.] не развиваются изнутри, не

дают новых образований» (с. 15). Подобная оценка страдала очевидной односторонностью и была излишне категоричной (или, по крайней мере, преждевременной).

Многие аббревиатуры оказались словообразовательно активными, например в образовании названий лиц: *исполкомовец* (и *исполкомщик*), *чекист*, *чоновец*, *фабзавучник* (и разг. *фабзаяц*); во главе целого семейства стилистически разнородных производных стала аббревиатура *нэп* — *нэпман*, *нэпач*, *нэпачка*, *нэпачонок*, *нэпманиха* и др.

Не было полностью справедливым и суждение о «номенклатурной» природе сокращений, вследствие которого они будто бы не в состоянии «развиваться изнутри». Эта точка зрения была опровергнута Г. О. Винокуром в книге «Культура языка» (изд. 2. М., 1929) на примере слова *нэп*. Уже в середине 20-х годов это слово «получает яркую эмоциональную и этическую окраску» и по значению в известной мере обособляется от полного наименования. Сокращение все чаще осознается как название новых частнокапиталистических элементов, а точнее — самого духа предпринимательства, торгашества, спекуляции, царящего в «нэпманской» среде (недаром выражение «угар нэпа» становится устойчивым словосочетанием). В связи с этим представляет интерес юмористическое (но достаточно точное) толкование значения слова *нэп*, приведенное в журнале «Крокодил» (1923, № 2): *Нэп* — это «упрощенное (но не сокращенное, а скорее расширенное) толкование новой экономической политики. Отождествлять последнюю с нэпом отнюдь не следует: новая экономическая политика ведет к коммунизму, а нэп — в ревтрибунал».

К середине 20-х годов способ сокращения, по словам Г. О. Винокура, «выходит уже отчасти из сферы своего первоначального применения» (то есть из сферы называния учреждений, организаций) («Культура языка», с. 130). Особенно тематически разнообразными становятся слоговые аббревиатуры: *кожизделия* и *совработа*, *промпотребление* и *ссыпункт*, *пролетписатели* и *совпартшколец*.

Все это говорит о том, что признание новообразований — аббревиатур ненормативными, «неправильными», насильственно навязанными русскому языку фактами не имело достаточно серьезных оснований. Хотя следует сказать, что для словоупотребления того времени было порой характерно не всегда оправданное увлечение сокращением. Недаром, пожалуй, никакое другое языковое явление не вызывало такого числа пародий. Вспомним строфу из известного стихотворения В. Маяковского «Прозаседавшиеся» (1922):

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваньч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

В одном из журналов была помещена карикатура, на которой изображались два крестьянина, тщетно пытавшиеся расшифровать надпись на двери — *ВХОД*. У московской молодежи приобрела известность бойкая пародийная частушка: «На Твербуле у Пампуша ждет меня миленок Груша» [Твербул — Тверской бульвар, Пампуш — памятник Пушкину].

Злоупотребление сложносокращенными словами вызывало справедливый протест и со стороны общественности. Однако одно дело — критика крайностей, речевых перегибов, связанных с этим способом словообразования, другое — объявление его «вне закона». Сегодня, когда образование и применение аббревиатур достаточно упорядочено, понятно, что «ученый пуризм», стремившийся доказать инородность сложносокращенных слов русскому языку и вывести их тем самым за пределы литературной нормы, был весьма далек от науки.

Если говорить о пуристическом умонастроении 20-х годов в целом, то его основной характерной чертой является, по-видимому, противоречие между частным характером наблюдения и категоричностью выводов. В то время достаточно было привести два-три факта — и заключение о «порче» русского языка казалось вполне обоснованным. Разумеется, столь безапелляционный вывод не соответствовал тем реальным процессам, которые происходили в литературном языке, хотя в известной степени и свидетельствовал об их интенсивности.

Следует учитывать, однако, что применительно к 20-м годам далеко не всегда критическое отношение к тем или иным словарным и стилистическим новшествам можно назвать пуризмом. Многие современники (общественные деятели, писатели, ученые) справедливо выступали против засорения речи жаргонизмами и словечками «блатного» языка, против злоупотребления аббревиатурами и чрезмерного увлечения иностранными словами. Эти выступления диктовались не языковым консерватизмом, а искренней и вполне естественной заботой о чистоте родного языка, о сохранении его богатейших традиций и сыграли заметную роль в стабилизации норм русского литературного словоупотребления. Конечно, они имеют очень мало общего с пуризмом как таковым,

с его охранительно-консервативными тенденциями и паническим страхом перед всем новым, что приходит в язык.

В те годы категоричность и односторонность были присущи не только пуристам, но и тем современникам, которые придерживались прямо противоположных взглядов на русский литературный язык. Первые считали, что язык изменяется слишком быстро, что он «испорчен», «изуродован», «искалечен». Вторые выдвигали требование его более существенного изменения, предлагали программу языковых взрывов и катаклизмов, которые привели бы к созданию нового, «революционного» языка, не имеющего ничего общего с литературным языком предшествующей эпохи. Типичны для этой программы призывы такого рода, появившиеся на страницах одной из анархистских газет: «Подлинные революционеры! Вы должны выйти из тесного круга национальных жаргонов и научиться вулкану — языку. Вы должны ступить на путь творческого взрыва, разрушающего структуру дряхлого языка. Вы должны говорить огненным языком, который из недр духа лижет голубой простор, сжигает луны, отсекает хвосты комет и угрожает последним пределам мира». Подобные декларации, разумеется, не могли сколько-нибудь повлиять на развитие русского литературного языка, они так и остались образчиками псевдореволюционного фразерства на лингвистические темы.

Более серьезным было другое направление языкового «новаторства», сущность которого составляли антинормализаторские взгляды на язык. Они, как правило, выражались в признании права на неограниченное употребление диалектной, просторечной и жаргонной лексики. Отчетливо сформулирована эта позиция в выступлении одного из участников «Дискуссии о порче языка», организованной журналом «На литературном посту» (1929, № 11—12), поэтом С. Третьяковым: «Процесс жаргонизации языка есть процесс положительный. Надо приветствовать всякое нарушение канонов русского языка, если это нарушение расширяет слои, пользующиеся этим языком, и не отражается в то же время сколько-нибудь значительно на понимании». Подобный подход к литературному языку и его нормам («канонам») был в известной мере отражением реальных процессов в словоупотреблении того времени. Рост активности просторечных, жаргонных и арготических слов во многом был вызван обстановкой острой политической, военной и идеологической борьбы, когда особенно велика была потребность в непринужденно-грубых, отчетливо-сниженных, резко-оценочных словах и выражениях.

Стали употребительны, особенно в речи молодежи, слова жаргонного и арготического происхождения: *буза*, *забуреть*, *засыпаться*, *сдрейфить*, *шамать*, *шкет* и др. Однако это не привело и

не могло привести к полной ассимиляции диалектизмов, элементов внелитературного просторечия и жаргонов в литературном языке, что неизбежно бы означало его растворение в диалектах, жаргонах, массе необработанных разновидностей речи и его фактическую гибель как культурной ценности народа. Поэтому антиформализаторские взгляды на русский литературный язык, призывы к его неограниченной «жаргонизации» не были реалистичными, хотя и имели известную опору в самих языковых процессах.

Пуристическим неприятием новшеств и «новаторством» на антиформализаторской основе далеко не исчерпывается содержание дискуссий о русском языке первого послереволюционного десятилетия. Именно в 20-х годах поднимаются различные вопросы культуры речи, или, как тогда говорили, «организации языкового быта». Большую роль здесь сыграли взгляды В. И. Ленина на литературный язык. Достаточно сказать, что поводом к одной из первых дискуссий о языке (проведенной на страницах журнала «Журналист»), в которой приняли участие такие видные языковеды, как Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, послужило опубликование в 1924 году ленинской заметки «Об очистке русского языка».

Воплощением ленинского замысла создания нормативного словаря современного русского литературного языка стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940. Работа над словарем была начата в 20-е годы). Словарь не только широко включал лексические новообразования 20-х — начала 30-х годов — новые слова и значения (они сопровождаются специальной пометой «новое»), но и последовательно проводил их нормативную оценку. Трудно переоценить ту роль, которую сыграл первый толковый словарь советской эпохи в стабилизации норм словоупотребления, в повышении речевой культуры нашего общества.

Большое значение для осмысления процессов, протекавших в языке, имели появившиеся в 20-х годах работы советских языковедов (Г. О. Винокура, А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова и др.).

В книге Г. О. Винокура «Культура языка» представлены интересные наблюдения над сложносокращенными словами, речевыми штампами, языком и стилем периодической печати. Говоря об ограниченности пуристического умянастроения, автор в то же время подчеркивает, что повышение культуры речи — одна из насущных задач, стоящих перед страной в области культуры.

Очень большой материал по лексике 20-х годов собран в работах А. М. Селищева — его статьях, например «Революция и язык»

(«На путях к педагогическому самообразованию», М., 1925), а также в книге «Язык революционной эпохи» (М., 1928). Ученый не просто приводит список словарных новшеств, но и показывает причины их появления в русском языке, устанавливает социальные и стилистические границы их распространения, дает им оценку с точки зрения литературной нормы.

Эти и другие исследования 20-х годов не свободны от упущений и неточностей. Несомненное же достоинство заключается в том, что в них последовательно прослеживается влияние общественных преобразований на русский литературный язык.

Развитие словарного состава русского языка в первые после-революционные годы привлекает внимание ученых в наши дни. Значительное место, например, уделяется этой проблеме в коллективной работе «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка» (М., 1968), которая вносит ряд существенных уточнений и дополнений в сложившееся представление о лексических новообразованиях 20-х годов.

В данной статье нет возможности подробно говорить обо всех оценках языка революционной эпохи, тем более о научных исследованиях в этой области. Поэтому здесь приведены лишь некоторые, в известной мере крайние взгляды современников, которые тем не менее отражают сложность и многообразие изменений, происходивших в русском литературном языке первого послереволюционного десятилетия.

С. И. ВИНОГРАДОВ

Мост— телемост— воздушный МОСТ

Специалисты каждой области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, кроме общеупотребительной лексики русского литературного языка, пользуются

еще «своей», специальной, необходимой для того, чтобы называть предметы и явления, связанные с их родом деятельности. Такая лексика называется терминологией — терминологией физики, химии, машиностроения, медицины, лингвистики, архитектуры и т. д. В последние десятилетия изучению терминологии уделяется много внимания. Это объясняется, во-первых, возникновением новых областей производства и науки, обра-

зованием новых терминологических систем, во-вторых, бурным развитием «старых» отраслей, значительным увеличением и изменением уже существующих терминологических систем.

Каждая область терминологии, как и вся терминология в целом, — только часть общей лексической системы русского языка. Однако своеобразие функции терминологической лексики (она должна называть предметы и явления разных отраслей общественной жизни — выполнять номинативную функцию) обусловило и некоторые особенности терминологии вообще и каждой терминологической системы в частности. Как часть словарного запаса языка терминология подчиняется общим законам развития русского языка. Это относится и к способам словообразования: они в терминологии такие же, как и в общеупотребительной лексике русского языка, но вместе с тем обладают и своими, специфическими особенностями.

Пожалуй, самым старым, исконным для русской терминологии является способ, который называют семантическим — перенос названия общеупотребительного понятия на понятие специальное. Так были образованы первые технические, военные, общественно-политические и другие термины: *блок* в Древней Руси назывался *векшей*, то есть

белкой; *лебедь* — «ось или вал с колеччатой рукоятью» (отсюда современное слово *лебедка*) и др. (П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Изд-во МГУ, 1956, с. 277—278).

Особенно интересна такая разновидность семантического образования, как метафоризация — перенос названия одного предмета на другой по сходству признаков этих предметов. Сходные признаки могут быть разнообразными: по цвету, форме, расположению предметов, выполняемым функциям. Очень часто перенос происходит на основании не одного, а нескольких признаков. Вот примеры, в которых метафорический перенос осуществляется на основании сходства формы: *веер* — группа путей небольшой длины, расходящихся в разные стороны от одной общей... *вытяжки* (терминология железнодорожников); *мост* — (в гимнастике) дугообразное, максимально прогнутое положение гимнаста. Приведем другие примеры:

ножницы — термин, употребляемый в некоторых видах спорта для обозначения движений или их элементов; эти движения в воздухе или воде, на снегу и т. д. напоминают движения ножниц при разрезании чего-либо; *гидрозамок* — управляемый обратный

клапан, применяется в системах гидропривода горных машин (горное дело) — метафорический перенос основан на сходстве функций (запирать, преграждать) клапана и замка; *грибок* — вид пробки, которой заделываются проколы бескамерных шин, — автомобильный термин, образован по сходству форм; то же у технического термина *звездочка* — название детали; *колпаки* колес (автомоб.) — на сходстве формы и функции (покрывать что-либо).

Признаки метафорического переноса в терминологии те же, что и при образовании новых значений слов употребительной лексики. Перенос часто совершается на основании сходства не только одного или нескольких конкретных признаков, но и по сходству эмоционального восприятия человеком нескольких предметов или явлений (или по аналогии). Например: *золотое* сердце, *золотой* характер. У слов *сердце* и *характер* нет никаких признаков, сходных с признаками слова *золотой* (сделанный из золота). Но *сделанный из золота* — это 'прочный', 'не изменяющийся', 'очень ценный'. Эти признаки и используются для образования переносного значения 'хороший' у слова *золотой* (душа, сердце, характер, голова). *Свинцовые тучи* — значения слов *свинцовый* — 'сделанный из свинца' и 'тяжелый, цвета

свинца, мрачный' — имеют общий признак — цвет; кроме того, такие тучи кажутся тяжелыми, как свинец. Перенос названия происходит на основе признака цвета и сходства эмоциональных впечатлений, по аналогии.

Осуществляется ли перенос по аналогии в терминологической системе языка?

Если слово или значение слова образовано по сходству эмоциональных впечатлений, оно обязательно приобретает эмоциональную окраску: в нем выражается отношение говорящего к предмету, явлению, обозначаемому словом, а также возникает экспрессивность — выразительность. А термин должен только называть — в этом его основная и единственная функция. Тем не менее, и при метафорическом образовании терминов

возможен перенос по сходству эмоциональных впечатлений.

В медицинской терминологии: *мраморный позвонок* или *позвонок из слоновой кости* — затемнение тела позвонка на негативных рентгенограммах; *глазурные органы* — своеобразное поражение серозной оболочки органов брюшной полости — резкое утолщение серозного покрова, который превращается в плотный белесоватый полупрозрачный панцирь; по отношению к печени употребляется термин *леденцовая печень*. Здесь происходит сопоставление большого позвонка с *мрамором* и *слоновой костью* или белесоватого налета, покрывающего пораженные органы, с *глазурью* и *леденцом* не только по сходству цвета и структуры, но и по аналогии.

Материалом для метафорического образования терминов служат разнообразные тематические группы общеупотребительной лексики.

Названия частей тела и внутренних органов человека: (лежащий) *бок* — совокупность горных пород, залегающих под пластом или жилой полезного ископаемого (горное дело); *кулак* (кулачок) — основная деталь механизма, сообщающая заданные перемещения ведомой детали (техн.); *жила* — трещина в земной коре, заполненная минеральным веществом (горное дело); *головка* цилиндра —

крышка цилиндра (техн.); см. также: *палец* (техн.); *бровка* (горное дело), *зуб* — зубец (техн.), *пята* (техн., архит.).

Названия животного мира: *кошка* — легкий якорь с 3—6 лапами (морск); *выдра* — отход металла при пробивке отверстий в ковочных и штамповочных операциях (техн.); *ёрш* — зазубренный железный гвоздь (судострое-ние); а также: *ёж* (воен.), *гусеница* (техн.), *пáук* (техн.), *барашек* (техн.), *шкурка* (техн.), *хобот* (машиностр.), *хвост* (техн.), *хвосты* (горное дело).

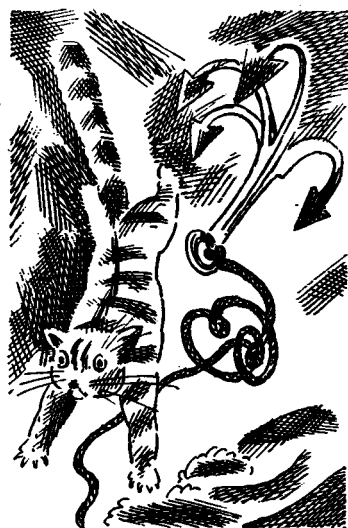
Названия одежды, обуви, головных уборов, украшений: *рубашка* — полость, окружающая цилиндр тепловых машин (техн.); *корона* — электрический заряд вокруг провода (электр.); *каблучок* (архит.), *подошва* (горное дело), *серьга* (техн.).

Названия предметов домашнего обихода: *вилка* (электр.), *ковш* (строит.), *коромысло* (техн.), *гребенка* (техн.), *полотно* (ж/д, техн.), *подушка* (горное дело).

Названия продуктов питания, кушаний: *зерно* (мед.), *корж* (горное дело), *баранка* (техн.), *гремучий студень* (горное дело), *пирог ковсовый* (металлург.).

Термины образуются и от названий жилища и его частей, средств передвижения, сель-

скохозяйственных орудий, музыкальных инструментов и т. д. Из общеупотребительной лексики, участвующей в образовании терминов, наиболее активна лексика, обозначающая понятия, связанные с жизнью человека. Уподобление предметов, явлений, процессов в различных областях производства, науки, культуры явлениям и процессам, связанным с человеком, называется антропоморфизацией. В большинстве терминологических систем происходит называние деталей, материалов, изделий обозначениями частей тела человека, предметов домашнего обихода и др.

Более сложным видом антропоморфизации является уподобление процессов в технике, экономике процессам физической и психической жизни человека: *старение металла* — изменение свойств металла во времени вследствие внутренних процессов (металлург.); *вовбуждение* (электрической машины) — создание магнитного поля, необходимого для работы машины (электр.); *спокойная сталь* — сталь, получающая полное раскисление на сталеплавильной печи (металлург.); см. также: *усталость* металла (техн.), *болезни и пороки* древесины (лесотехнич.), *память* машины (киберн.).

Ствуют общеупотребительные слова — названия предметов и явлений, не подверженных или мало подверженных изменениям, так как они являются необходимыми или очень важными для жизни человека. Эти слова издавна живут в языке, активны в словообразовании, большинство из них исконно русского происхождения или же очень старые, прочно вошедшие в русский язык заимствования.

Некоторые такие слова участвуют в семантическом терминологическом словообразовании. От них на основании сходства различных признаков образовано несколько терминов-метафор, функционирующих в нескольких терминологических системах. Например: *башмак* — 1) нижняя часть колонны, служащая

Чаще всего в метафорическом терминологическом словообразовании уча-

для равномерного распределения давления на основание (архит.); 2) *башмак кабельный* — наконечник, при помощи которого электрический кабель присоединяется к клеммам (электр.); 3) *башмак сбрасывающий* — прибор, устанавливаемый на железнодорожном рельсе, чтобы воспрепятствовать прохождению поезда дальше определенного места (ж. д.); 4) *башмак свайный* — стальной наконечник, надеваемый на нижний заостренный конец сваи с целью его предохранения и для преодоления вращающихся в грунте препятствий (строит.); 5) *башмак теннисной площадки* — кусок металлической трубы, заделанный в грунт (спорт.).

Мост — 1) *телемост* — телевизионная связь на дальние расстояния (телевизион.); 2) *мост передний ведущий* —

часть автомобиля (автомоб.); 3) *воздушный мост* — вентиляционное сооружение (горное дело); 4) *варолиев мост* — часть стволового отдела мозга (мед.); 5) в борьбе — положение борца, в гимнастике — положение гимнаста (спорт.); см. также: *гнездо* (автомоб., машиностр., мед.), *мешок* (спорт., автомоб., мед.), *голова, головка* (автомоб., горное дело, мед.).

Но в отдельных случаях, наряду со словами основного словарного фонда, используются и названия распространенных в момент образования термина предметов, слова, иногда устаревшие в литературном языке, но остающиеся активными в терминологической подсистеме: *жалюзи* — металлические, поворачивающие пластины, устанавливаемые перед радиатором системы охлаждения (техн.); *брыжейка* — складка брюшины, покрывающая ножку каждого внутрибрюшного органа (мед.), термин происходит от старинного названия воротника со сборками (*брыжи*), на который похожа брыжейка тонкого кишечника, и представляет собой уменьшительную форму от слова *брыжи*.

Термины часто образуются при помощи суффиксов *-к, -ок (-ек)*: *корешки* нервов, *глазная ямка, роднички* черепа (мед.), *канавки* вала, *колпачки, кулачки* (маш.), *бровка, щиток* (ж/д); они могут образовываться от главного слова и от

слова с суффиксом, причем на основе сходства различных признаков понятий: *пирамида* — 1) композиционно оформленная фигура в гимнастике, 2) конструкция, на которой хранятся штанги; *пирамидка* — один из способов проведения соревнований (спорт).

●

Метафорическое образование терминов происходит на базе существительных (особенно часто и последовательно), глаголов, прилагательных (последние выступают как термины не самостоятельно, а только в составных терминах). Использование общеупотребительных слов как терминов на основе сходства признаков характерно для всех терминологических систем русской терминологии и на всех этапах ее образования. Недавно сложившиеся терминологические системы новых областей производства и науки также активно используют метафорический способ терминообразования. Вот некоторые термины автоматизации производства и промышленной электроники: *ферритовая па-*

мять, фазовый портрет, управляющая, узнающая машина, звуковой ветер, запаздывание.

Распространенность и активность метафорического терминообразования свидетельствует о том, что специальная терминология со всеми ее подсистемами — часть лексической системы русского языка, активно взаимодействующая с другими ее частями.

Кандидат
филологических наук
В. Н. ПРОХОРОВА

ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Образование слов чаще всего происходит путем присоединения морфем (суффиксов, приставок) к основе слов: *лопата* — *лопатка* или к целому слову: *большой* — *пре-большой*, а также путем соединения основ нескольких слов: *строение самолетов* — *самоле-*

гостроение или сращения нескольких (обычно двух) слов в одно: *быстро растворимый* — *быстрорастворимый*.

Реже используется противоположный способ создания слов — отсечение суффиксов, приставок или просто фонем, не обладающих значением, то есть усечение основ мотивирующих (производящих) слов. Такой процесс называют «обратным словообразованием» или регрессивной деривацией (редеривацией). В результате этих процессов восстанавливается «пропущенное звено», свойственное «прямому» словообразованию. Слово, созданное таким способом, отличается от исходного только тем, что в нем отсутствует какое-то количество фонем, находившихся в начале или в конце основы исходного (мотивирующего) слова. В русском языке так создаются главным образом окказионализмы, слова, образуемые (а не воспроизводимые) говорящим или пишущим и не закрепляющиеся в языке.

С помощью отсечения суффикса (или отрезка, по составу фонем тождественного суффиксу, но лишённого значения) образуются только существительные и только от существительных. Чаще всего отсекается *-к(а)*. Во многих словах этот суффикс имеет уменьшительное значение: *нога* — *ножка*, *береза* — *березка* и т. п., но в словах *пушка*, *сыроежка*, *кошка*, *палка*, *лягушка* *-к(а)* не имеет этого значения; уменьшительно-ласкательное значение имеют слова *пушечка*, *сыроежечка*, *кошечка*, *палочка*, *лягушечка*.

В устной речи и в художественной литературе (обычно в речи персонажей) встречаются такие формы, как *пуха* (от *пушка*), *сыроега* (от *сыроежка*), *лягуш* и *лягуза* (от *лягушка*), *пивнуха* (от *пивнушка* или от *пивная*): «У Ивана вдруг сердце заныло и он спросил все так же спокойно и дурковато: — А без *пузи* можно долг выполнять? *Пуха* у тебя с собой? — Какая еще „*пуха*“? — сказал азербайджанец... — Ну, какая *пуха*, — спокойно сказал Иван. — Обыкновенная пушка, пистолет, называй, как хочешь» (Амлинский. Возвращение брата); «— *Сыроеги* прут кой-где, а масляткам слой не вышел» (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей); «*Лягуш* на лягушку глядит, и нет для него никого прекраснее» (Лиханов. Обман); «*Лягузу* давай!» (Тендряков. Весенние перевертыши); «...толкаясь у деревяшки, у *пивнухи*...» (Амлинский. Возвращение брата).

Вероятно, говорящий воспринял элемент *-к(а)* в словах типа *пушка* как суффикс со значением уменьшительности или ласкательности и с помощью отсечения суффикса «отсек» и эти значения. Слова *пуха*, *сыроега*, *лягуза* выражают отрицательное отношение к обозначаемым предметам. Некоторые из таких слов, по видимому, имеют увеличительное значение: *пуха*, а также такие образования детской речи, как *пала* «большая палка», *коша* «боль-

шая кошка»; в устной речи встретилось слово *кабак* в значении 'большой кабачок': «Не потащу я этот здоровый *кабак* по жаре», образованное путем отсечения элемента *-ок* в слове *кабачок*, также воспринятого как уменьшительный суффикс. Образования типа *пуха*, *кабак* являются результатом словообразовательного процесса, протекавшего в прямо противоположном направлении, нежели у слов типа *мушка* от *муха*, *кабачок* 'маленький кабачок' от *кабак*: *муха* → *мушка*, но *пушка* → *пуха*.

«Обратный» словообразовательный процесс сопровождается «обратным» чередованием согласных *ч — к*, *ш — х*, *ж — г*. «Прямым» чередованием (сопровождающим присоединение морфем) является *к — ч*, *х — ш*, *г — ж*.

Отсечение суффиксов довольно широко представлено в ряде языков. В польском такие образования тоже имеют либо отрицательно-оценочное значение: *plotkarka* 'сплетница' → *plotkara*; либо увеличительное: *księga* 'большая книга' от *książka* 'книга' и др. Распространены усечения в романских языках.

Слова типа *пуха*, *сыроежка* осознаются как образованные от слов типа *пушка*, *сыроежка* в силу необычности, новизны, окказиональности, стилистической отмеченности. Если бы они потеряли эти качества, то превратились бы в мотивирующие слова, а слова типа *пушка*, *сыроежка* — в мотивированные. Именно так и произошло со словом *зонг*. Оно возникло, как полагают историки языка, путем отсечения элемента *-ик* в слове *зонтик*, которое восходит к голландскому *zondek* (*-ик* был воспринят как суффикс уменьшительности).

Образование слов (обычно окказиональных) может происходить также путем отсечения постфикса (частицы) *-ся* или приставок. В результате отсечения *-ся* образуются переходные глаголы от непереходных. Эти переходные глаголы чаще всего имеют значение 'заставить совершить то действие, которое названо мотивирующим глаголом с постфиксом *-ся*': *разговорить* 'заставить разговариваться': «Удалось вам *разговорить* его? — спросил я» (Семина. Семеро в одном доме); *разболтать*: «Да вот заговорили меня, товарищ лейтенант, будь они неладны, *разболтали* старого» (Смирнов. Эшелон); *прохудить*: «Лодка-то *прохудилась*. Это ты ее вчера *прохудил*» (из устной речи); *приснить*: «Его нельзя днем *приснить*, постараюсь увидеть его во сне» (из радиопередачи «С добрым утром»); *встретить* 'заставить встретиться': «Все попытки ввести в новую речь давно конченные слова или „*встретить*“ их с новыми словами вызывали дружный отпор» (Бортовой. Путь слова).

Заметим попутно, что если непереходный глагол не имеет постфикса *-ся*, то его окказиональное превращение в переходный глагол осуществляется без изменения состава его морфем: «Он не

сам ушел, его „ушли“» (из устной речи); «Куда я попал? Куда меня *попали*?» (Маяковский. Клоп); «Я в отпуск, а вы и удрали.— Это меня „удрали“» (Дьяков. Повесть о пережитом); «Но Дито выбыл из соревнований, а точнее его „выбыли“» («Советский спорт», 8 ноября 1971); «Ты скоро сносишь эту кофту? Только, пожалуйста, не *выгорай* ее» (Белкина. Главная книга) и т. п.

Посредством отсечения приставок образуются окказиональные глаголы, существительные, прилагательные, наречия от слов, относящихся к тем же частям речи. Отсечение приставок используется, во-первых, для образования антонимов (слов, противоположных по значению); во-вторых, для образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида.

Антонимы образуются обычно в результате отсечения отрицательных приставок (чаще *не-*, реже *без-*). Исходное слово с отрицательной приставкой часто употребляется в непосредственно предшествующем контексте: «Больно ты *неуклюжий!*— А сам ты *уклюжий?*» (из устной речи); «Ну их к черту. *Нельзя!*— *Льзя!*— с остервенением крикнула тетка» (Н. Погодин. Янтарное ожерелье); «У тебя, что ли, с женой *нелады?*— Нет,— сказал я,— *лады*» (Огнев. Трусакки.— «Юность», 1973, № 5); «— ...А мне невдомек...— ...Ты не представляйся глупее, чем ты есть. Все тебе „*вдомек*“» (Иванов. Тени исчезают в полдень); «Призывать, чтобы все спектакли были прекрасными, можно, но — *несбыточно*. „*Сбыточно*“ другое: не надо превозносить плохие» («Литературная газета», 13 июня 1973); «Может быть, вы что-нибудь *недовыяснили*.— Благодарю. Все „*довыяснил*“» (Лиханов. Паводок); «— Варя,— тихо произнес он,— *неужели*...— Уходите.— Но *неужели же*...— *Ужели, ужели*,— быстро и деловито сказала Варвара; надевайте вашу роскошную шубу и уматывайте отсюда» (Герман. Я отвечаю за все); «— Вы сегодня с Гришей полегче, а то у него *неприятности* с работой. Он очень расстроен.— Да ведь когда *были приятности?*» (Трифонов. Долгое прощание); «— Надо сходить к врачу.— *Бессмысленно*.— Разве ты знаешь, *смысленно* или бессмысленно. Может быть, *смысленно*» (из устной речи).

Сопоставление в тексте двух антонимов, различающихся только приставкой, усиливает выразительность высказывания. С той же целью иногда используется сближение слов, близких лишь формально, но не по значению: «Под влиянием все более убыстряющегося, все более нервного, все более *бесшабашного* (а вернее бы сказать *шабашного*) ритма жизни на нашей планете появилась тенденция, которую иногда называют лаконизмом» (Солоухин. Осенние листья).

Если мотивирующее слово (*неуклюжий, нелепый* и т. п.) является немотивированным, то приставка выделяется в нем на ос-

нове соотношений со словами, содержащими ту же приставку в том же значении; сравните немотивированное *неуклюжий*, поставленное в один ряд с *некрасивый*, *несообразительный* и т. п.: «На меня глядел холостой человек, на лице которого ясно были написаны все его пять „не“: это был человек

-красивый
-уклюжий
Не-сообразительный
-выдающийся
-везучий

К этому перечню можно добавить еще одно „не“: немолодой» («Литературная газета», 1 февраля 1967).

Разговорные окказионализмы, образующиеся в речи путем отсечения приставки, нередко совпадают с вышедшими из употребления словами, от которых в прошлом было образовано слово с приставкой. Так, слово *нельзя* было образовано с помощью приставки *не-* от *льзя* 'можно'. В дальнейшем *льзя* вышло из употребления, а современное окказиональное разговорное *нельзя* возникло путем отсечения приставки в слове *нельзя*.

Иногда в качестве приставки может быть воспринят звуковой комплекс, в прошлом не являвшийся приставкой: «— Извините, я *неглиже*...— *Гляже, гляже*,— не скромничай!» (Савченко. Чико, Чико). Слово *неглиже*, выступающее здесь в значении 'небрежно одевшись, в небрежном виде', заимствовано из французского языка (франц. *négligé* 'неопрятный' восходит к латинскому *negligere* 'пренебрегать'); в просторечии имеется форма *негляжа*, возникающая под влиянием *не* + *глядеть* (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 3).

Процессом, родственным образованию антонимов с помощью отсечения приставки, является окказиональное свободное появление слов, обычно употребляемых лишь с *не-*: «Еще я бы сказала: „Ох, и *не поздоровится* же этому смельчаку!“— А заводу ... *поздоровится?*» (Николаева. Битва в пути).

При образовании антонимов с отсечением приставки целиком «отсекается» выражаемое ею значение. В процессе образования глаголов, отличающихся от производящего глагола видовым значением, словообразовательное значение приставки нередко не отсекается вместе с ее отсечением. Окказионализм *кулачить* 'раскулачивать', образованный путем отсечения приставки глагола *раскулачить*, сохраняет выражаемое ею значение — 'лишить свойств того, кто назван мотивирующим словом' (см.: М. А. Михайлов. Депревербация и семантика приставки.— «Советское славяноведение», 1972, № 2): «— А тебя, часом, не *раскулачили*, Иван Петрович? — вдруг тихо спросил гость.— Чего меня *кулачить?* —

вздыхнул лесник — Невыгодно им меня *кулачить*» (Б. Васильев. А зори здесь тихие...).

Вот еще примеры глаголов несовершенного вида, образованных с помощью отсечения приставки у глагола совершенного вида: «Прошлипили мы с тобой, так пусть хоть в ручную помогут... Но *шлапил*-то, конечно, он, Юрочка» (Владимов. Три минуты молчания); из устной речи: «Можно с ума спянуть! — Не *пязь* с ума!»; «Надо эти бусы куда-нибудь приспособить! — *Способь, способь*»; «Придется его принудить. — Не хочу его *нудить*»; «— Пойду закручусь (о волосах). — *Кругись!*»; «Надо эту штуку куда-нибудь присобачить! — А куда *собачить?*»; «Тебя не *сглазишь!* — А ты и не *глазь!*».

«Отсечение» видового значения префикса иногда вызывает появление нового значения у бесприставочного слова. Префиксальное слово в этих случаях в одном из своих значений мотивируется одним из значений бесприставочного слова, а в другом — само является мотивирующим для бесприставочного во втором значении. Так, словом *чесать* в значении «причесывать, расчесывать волосы» мотивируется приставочный глагол *прочесать* — «вычесать, расчесать как следует», который имеет также переносное значение «тщательно осмотреть, обследовать (какое-нибудь пространство, участок)». С обоими значениями — прямым и переносным — соотносится суффиксальный глагол несовершенного вида *прочесывать*. Но occasionally на базе переносного значения *прочесать* возникает новое значение у глагола *чесать* — «тщательно осматривать, обследовать (какое-нибудь пространство, участок): «Думаю лес *прочесать*... — Погоди *чесать*, Васков» (Б. Васильев. А зори здесь тихие...).

Аналогичны соотношения между глаголами *вязать* и *связать*, *сыпать* и *засыпать*, *валиться* и *провалиться* и др.:

<i>вязать</i>		<i>связать</i>
1) «закручивая ягутом, веревкой, стягивать»	→	1) «закрутив жгутом, веревкой, стянуть»
2) окказ. «лишать свободы действия»	←	2) перен. «лишить свободы действий»

«Наша задача — не давать противнику покоя, отвлечь на себя возможно больше его сил, *связать* их здесь, сковать... — Чем *вязать* будем, товарищ командующий?» (Березко. Дом учителя);

<i>сыпать</i>		<i>засыпать</i>
1) «ронять или заставляя падать (сыпучее или какие-н. мелкие частицы)»	→	1) «покрыть слоем чего-нибудь сыпучего»
2) окказ. «задавать много вопросов с целью добиться чьего-нибудь провала на экзаменах»	←	2) перен. «задав много вопросов, добиться чьего-нибудь провала на экзаменах»

«Я слышал, как его *сыпали*» (из устной речи); ср. также *сыпануть*: «И я сдал бы, но меня — видали, — встряхивает он шевелюрой, — из-за волос на математике *сыпанули*» («Литературная газета», 6 сентября 1972);

валиться

1) «повергаться, тяжело па-
дать вниз»

2) отказ, «терпеть неудачу»

провалиться

1) «упасть в какое-нибудь от-
верстие»

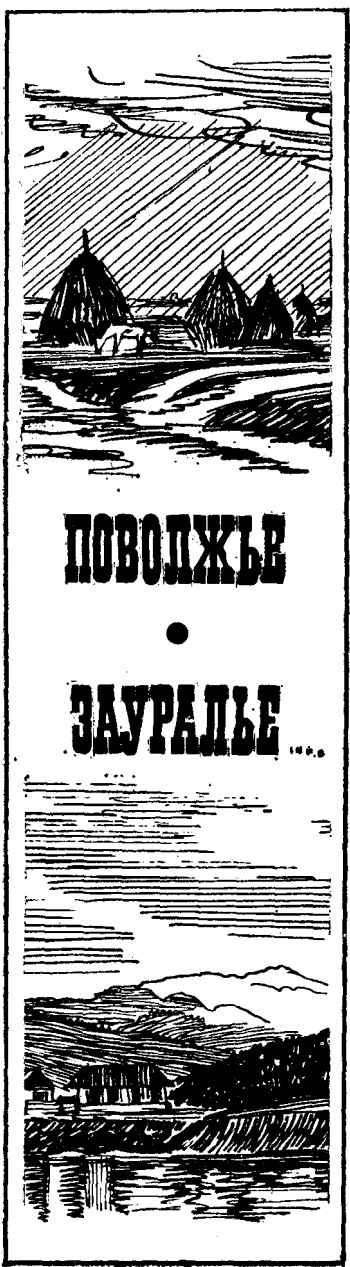
2) перен. «потерпеть неудачу»

«Пьесы *валятся* одна за другой» (Письмо М. Н. Ермоловой С. И. Смирновой-Сазановой. — «Советская культура», 13 июля 1973).

Рассмотренным материалом исчерпываются случаи, когда отсечение суффиксов, приставок и постфиксов служит словообразовательным средством. Во всех других случаях этот процесс лишь сопровождает образование слов с помощью других словообразовательных средств, например, в процессе суффиксации: *читать* — *читка* (отсечение конечной гласной фонемы *a* основы инфинитива); *пролетарий* — *пролетарский* (отсечение элемента *-ий* основы слова *пролетарий*); *безлюдный* — *обезлюдеть* (отсечение суффикса *-н* прилагательного) и т. п. Нередко отсечение свойственно лишь части слов с тем или иным суффиксом: ср. отсутствие *к* в словах типа *робеть* (*робкий*), *усладить* (*сладкий*) и наличие его (чередующегося с *ч*) в словах *мягчать* (*мягкий*), *горчить* (*горький*) и т. п.

Отсечение основ не является словообразовательным средством и тогда, когда в мотивированном слове нет дополнительных словообразовательных аффиксов по сравнению с мотивирующим, однако мотивирующее и мотивированное относятся к разным словоизменительным типам (разным склонениям или спряжениям). Эта смена парадигмы (системы форм слова) и является словообразовательным средством: *выходить* — *выход*; *синий* — *синь*; *интимный* — *интим* и др. Усечение является словообразовательным средством лишь в том случае, если мотивирующее и мотивированное слова относятся к одному и тому же типу склонения или спряжения, выполняют тождественные синтаксические функции. Как словообразовательное средство усечение используется главным образом в разговорной речи при образовании окказионализмов.

Доктор филологических наук
И. С. УЛУХАНОВ

В современных речевых контекстах, особенно в языке прессы, все более активное употребление получают географические наименования типа *Поволжье, Зауралье, Забайкалье, Приэльбрусье*. Насколько закономерно их употребление? Как они образуются? Для обозначения каких территорий используются? Ответам на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Слова приведенного типа являются названиями территорий, земель, прилегающих к рекам, горам, озерам, морям и иным географическим объектам: *Задонье, Присаянье, Забайкалье, Приазовье, Заполярье*. Как географические названия, они относятся к разряду топонимов, складывающихся естественным путем, а не искусственно. Сам способ их образования искони существовал в русском языке (ср., например, старые названия территорий Москвы — *Залузье, Замоскворечье*). В большинстве случаев это неофициальные названия, свободно даваемые географическим объектам.

Неофициальный, необязательный характер их определяется тем, что они административно, законодательно не закреплены за называемыми объектами. Кроме того, в большинстве случаев сами географические объекты не представляют собой административно выделенных и определенных четкими границами территорий. Именно это в значительной

степени обуславливает необязательный характер самих топонимов (за исключением тех случаев, когда они принимаются в качестве узаконенных официальных названий различного рода географических объектов).

Данные географические наименования являются мотивированными (производными) оттопонимическими, то есть называющими географические объекты через посредство других географических объектов: по названию рек — *Поволжье*, *Поднепровье*; по названию озер — *Забайкалье*; по названию гор — *Приуралье*, *Приэльбрусье*. В основе наименования отдельных, единичных топонимов лежат иные территориальные связи. Так, топонимы *Заполярье*, *Приполярье* называют территории, прилегающие к Полярному кругу; *Приморье* является синонимом официального географического названия Приморский край; *Подмосковье* называет как территорию, примыкающую к городу Москве, так и Московскую область.

Как же образуются эти названия?

Наиболее распространенный способ образования данных названий — от основ имен существительных посредством суффикса *-j(e)*, орфографически *-ье* (после сочетаний согласных выступает суффикс *-овj-е*, графически *-овье*: *Приднепровье*) и различных приставок пространственного значения.

В качестве производящих основ выступают: географические наименования рек — *Приобье* (Обь), *Поочье* (Ока), *Поволжье* (Волга), *Прионежье* (Онега), *Замоскворечье* (Москва-река), *Заяузье* (Яуза), *Приамурье* (Амур), *Прииртышье* (Иртыш); географические наименования озер — *Прибайкалье* (Байкал), *Прибалхашье* (Балхаш); географические наименования морей, заливов: *Причерноморье* (Черное море), *Присивашье* (Сиваш); географические наименования гор: *Приуралье* (Урал), *Предкавказье* (Кавказ), *Приэльбрусье* (Эльбрус), *Закарпатье* (Карпаты), *Присаянье* (Саяны); лишь у одного топонима производящей основой является географическое название города: *Подмосковье* (от Москва).

Такие образования, как *Заполярье*, *Заазовье*, *Заонежье*, семантически соотносятся с составными географическими наименованиями (*Заполярье* — территория, находящаяся за Полярным кругом; *Зааралье* — за Аральским морем; *Заонежье* — за Онежским озером). Формально же, то есть структурно, данные названия образуются от основы имени прилагательного, являющегося первым членом словосочетания — составного географического наименования.

Как уже говорилось, большинство анализируемых топонимов образуются посредством одновременного присоединения к производящей основе суффикса *-ье* и приставок пространственного значения. При этом такие приставки в топонимических образованиях могут быть не равнозначны приставкам в образованиях, не отно-

сящихся к топонимии. Так, например, сама по себе территория, примыкающая с той или другой стороны к Уральским горам, не может называться Зауральем. Это обозначение местность получает лишь по отношению к какой-то точке отсчета. Исследователи русской топонимии показали, что исторически подобные топонимы образовались исходя не из чисто географических факторов, а в зависимости от направления экономического развития: исходной позицией было положение центра развития. Такие географические названия существуют и понимаются лишь по отношению к этому центру. «Название Замоскворечье прямо указывает, с какой стороны оно дано, — с кремлевского берега, из центра. Так и названия Заволжье, Задонье, Зауралье... зафиксировали направление исторического движения — каждое из них означало сторону, противоположную центру» (В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, с. 87—88).

Наиболее распространены в названиях рассматриваемого типа следующие приставки, с помощью которых образуются топонимы: *по-* — названия местности, расположенной вдоль географического объекта, который назван производящей основой: *Почье, Пообье, Поволжье* (территории, расположенные соответственно по Оке, по Оби, по Волге); *пред-* — названия территорий, расположенных перед объектами, которые обозначены производящей основой: *Предуралье, Предкавказье* (перед Уралом, перед Кавказом); *за-* — территории, расположенные по ту сторону географических объектов, названных производящей основой: *Закарпатье, Зауралье, Заюжье* (за Карпатами, за Уралом, за Юзой); с приставкой *при-* топонимические образования называют территории, не вообще расположенные вблизи или около чего-то, а находящиеся до, по эту сторону объектов: *Приуралье, Приполярье, Прикарпатье, Прибайкалье* (противопоставленные им понятия выражаются топонимами с *за-*: *Зауралье, Заполярье, Закарпатье, Забайкалье*).

Многочисленность данных названий, широкий круг производящих основ свидетельствуют о том, что сам способ образования префиксально-суффиксальных топонимов от географических названий является очень продуктивным в словообразовательной системе современного русского языка. Именно так характеризует этот словообразовательный способ «Грамматика современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970, с. 153—155).

Образования беспрефиксные с тем же суффиксом составляют значительно меньшую группу по количеству, производящие основы аналогичны: *Пинежье* — от названия реки *Пинега*; *Ставрополье, Оренбуржье* — от названий городов Ставрополь, Оренбург; *Азовье* — вариант составного наименования Азовское море (о топониме *Азовье* см.: Е. С. Отин. Азовье — Азовщина — Азов. — «Рус-

ская речь», 1976, № 5). Сюда примыкают и образования последнего времени *Нечерноземье* и *Черноземье*, которые соответствуют составным наименованиям *Нечерноземная зона* и *Черноземная зона*.

Приведем примеры употребления рассматриваемых топонимов в текстах публицистических и научных, в произведениях художественной литературы.

От названий рек: «В суровом северном районе *Приамурья* создан могучий очаг энергии» («Правда», 28 ноября 1975); «В нефтяном *Приобье* самая высокая в стране скорость проходки на бригаду» («Правда», 17 ноября 1974); «Большинство веков, живущих в Карельском *Прионежье*, — знаменитые мастера, умеющие „читать“ камень, „слышать“ его голос» («Правда», 30 октября 1974); «Электроград в *Прикамье*» (заголовок. «Правда», 13 января 1976); «Если ... и в районах Верхнего *Приангарья*, где лес в последние годы вырубается особенно сильно, происходит опустынивание территории под воздействием ветровой и водной эрозии, то этот удар по всему хозяйству данного района» («Литературная газета», 18 февраля 1976); «Неизвестные языки *Почья*» (название статьи В. А. Никонова. «Вопросы языкознания», 1960, № 5); «Земным островом среди степей Павлодарского *Прииртышья* возвышается... горнолесной массив» («Турист», 1975, № 8).

От названий озер и морей:

«Сейчас в *Прибалхашье* произрастает более 350 видов сортов древесных растений» («Правда», 3 декабря 1975); «В степном *Присивашье* — радуга над полями, прилегающими к более чем четырехсоткилометровой трассе канала» («Правда», 3 ноября 1975); «Рядом с каменными пустынями Удокана лежит песчаная пустыня Чарской долины, где... раскинулось самое крупное в *Забайкалье* скопление подвижных песков» («Турист», 1975, № 7); «В Северовосточном *Прибайкалье* ... находится красивый лабиринт высокогорных озер» («Турист», 1975, № 6); «Циклоны обрушили на северозападную часть *Причерноморья* снегопады, дожди, ураганные ветры и стужу» («Правда», 27 ноября 1975).

От названий гор: «Заканчиваются посадки полезащитных полос в *Зауралье*...» («Правда», 1 октября 1974); «Знакомый директор леспромхоза говорит: — В поселке Таежный, в отрогах *Присянья* есть сад» («Правда», 7 декабря 1974); «Я ушел на войну из десятилетки, из небольшого городка в *Предуралье*» (В. Субботин, Поколение), «...Я увидел схему *Приэльбрусья* с возможными посадочными площадками, где указаны их высоты и ориентации по окружающим вершинам» («Турист», 1975, № 6).

От иных географических названий: «В *Заполярье* выросли многоэтажные жилые дома, построены детские сады и школы, созданы все условия, чтобы люди, живущие за *Полярным кругом*, не чувст-

вовали себя оторванными от Большой земли» («Правда», 2 декабря 1975); «Сотрудники лаборатории зоологии ... уточнили распространение, численность и образ жизни млекопитающих от Чукотской тундры до южных районов *Приморья*» («Правда», 15 марта 1975); «Закончились Дни советской литературы в *Подмосковье*. В таком широком масштабе Дни советской литературы в *Московской области* проводились впервые» («Правда», 23 ноября 1975); «На пятом миллионе гектаров ведут жатву механизаторы *Оренбуржья*» («Правда», 2 сентября 1976); «Долго еще бродил я со стариками по благодатным лесам родного *Пинежья*...» (Ф. Абрамов, Михай и Иринья); «У свекловодов *Черноземья* немало резервов, которые надо полнее использовать в предстоящей пятилетке» («Правда», 10 января 1976); «В Московском городском Дворце пионеров и школьников торжественно открылась встреча секретарей комсомольских организаций сельских школ *Нечерноземной зоны РСФСР*... Из двадцати девяти областей и автономных республик *Нечерноземья* приехали в столицу сельские старшеклассники» («Комсомольская правда», 6 января 1976).

Топонимы названного словообразовательного типа в современном русском языке, особенно в языке газеты, получают безгранично широкое употребление. Это в значительной степени определяется тем, что анализируемые географические названия лишены официальности, лишены окраски деловой речи. Поэтому они более емки и выразительны, стилистические границы их употребления не имеют пределов.

Кандидат филологических наук
Г. И. МИСЬКЕВИЧ

ЗАМ, ЗАВ...

ТЕЛИК, МУЛЬТИК

В современном русском языке наблюдается формирование сокращенных слов. От сложносокращенных они отличаются прежде всего типом словообразования. Сложносокращенные слова, как известно, образуются от словосочетаний, так или иначе отражая в своем строении состав этих сочетаний: ЦК — Центральный Комитет, вуз — высшее учебное заведение, комсомол — коммунистический

союз молодежи, *стенгазета* — стенная газета. Сокращенные слова образуются от отдельных слов: *зам* — *заместитель*, *спец* — *специалист* и *специальный*. Сам способ такого словообразования для русского языка не является новым. Об этом свидетельствуют, по крайней мере, сокращенные формы имен, бытующие параллельно с полными: *Лиза* — *Елизавета*, *Костя* — *Константин*, а также некоторые давно известные названия: *Питер* — *Петербург*, *баки* — *бакенбарды*. В последние годы появились такие, например, образования: *телик* — *телевизор*, *мультик* — *мультипликационный фильм*, *велик* — *велосипед* и другие.

По морфологической структуре среди сокращенных слов выделяются прежде всего единицы, представляющие собой усеченные части полных слов: простых — *зав* — *заведующий*, *пред* — *председатель*; сложных — *опер* — *оперуполномоченный*. К этой разновидности следует отнести и широко известные обозначения марок самолетов первым слогом фамилии их конструкторов: *ТУ* — *Туполев*, *ЯК* — *Яковлев*, *ЛА* — *Лавочкин*, *АН* — *Антонов*, *ПЕ* — *Петляков*. В русском языке есть также усечения, заимствованные из других языков. Одни из них воспринимаются как произвольные образования от полных слов: *баки*, *мини*, *макси*, *профи*. Другие осознаются как первые основы сложных слов: *кино*, *кило*, *метро*, *авто*.

Вторую разновидность составляют образования, возникшие в результате новой суффиксации усеченных частей полных слов. Они сохраняют смысловую соотнесенность с породившими их словами: *общага* — *общезитие*, *телик* — *телевизор*, *велик* — *велосипед*, *мультик* — *мультифильм*.

От собственно сокращенных слов следует отличать «короткие» самостоятельные образования с нулевым суффиксом, бытующие параллельно с однокорневыми суффиксальными формами: они отличаются по значению от последних. Таковы слова с собирательными значениями — *закусь*, *пьянь*, *интим*: «День рождения у меня... Выбрал свободный вечер, гости ботинки начищают, жена *закусь* раскладывает» («Крокодил», 1975, № 37). Эти слова не являются сокращенными формами соответственно от *закуска*, *пьяница*, *интимность*. Но в индивидуально-речевом употреблении возможно метонимическое (по смежности) соотнесение первых со вторыми: «...Разве можно понять человека за четыре часа? Дельный он или *пьянь*? Хороший или плохой?» («Крокодил», 1976, № 1).

К этому же разряду относится слово *настрой*, которое обозначает не просто настроение, а устремленное к чему-либо настроение. Причем это слово применяется обычно не к отдельному лицу, а к коллективу, группе — совокупности лиц: «Сама обстановка, весь *настрой* располагает к изяществу чувств и мыслей» (Л. Зорин. Неоконченное письмо).

Лексико-семантические отношения между сокращенными и полными словами сводятся к отношениям между однокорневыми синонимами. В своем большинстве сокращенные слова и полные слова, от которых они образованы, оказываются идентичными по лексическому значению, различаясь стилистическими особенностями. Носителем лексического значения полного слова является и сокращение от него, например, в парах *зав* — *заведующий*, *зам* — *заместитель*, *пред* — *председатель*, *псих* — *психопат*, *телек* — *телевизор*, *велк* — *велосипед*, *кило* — *килограмм*, *метро* — *метрополитен*, *профи* (*профе*) — *профессионалы* (в спорте) и т. д. «Дюжий поэт критически оглядел *зав*» [заведующего отделом редакции] (Полищук. Бортблокнот); «Тихо стало в тресте. Пригласишь иной раз *зама* по механизации...» («Известия», 15 мая 1975); «*Авто* конкурирует с автобусом, а *авто* разных фирм между собой. ...Предлагая сесть в *авто*, [мексиканец] говорит: „Прошу вас сесть в свой автомобиль“» (Маяковский. Мое открытие Америки); «Бобби Орт вновь доказал, что более универсального игрока среди „*профи*“ не было и нет. ...И Хоу и Халл в числе наиболее результативных игроков... Очевидно, все эти фамилии читателю теперь хорошо знакомы по прошлогодней серии матчей сборной СССР против сборной канадских „*профи*“» («Известия», 15 мая 1975); «Это [справедливые штрафы] наверняка поубавило бы „*профе*“ *пыл...*» («Известия», 7 января 1976).

Смысловые отношения между сокращенными словами и соотносительными с ними полными могут быть осложнены известными различиями в значениях тех и других. Так, слово *кино* обозначает: 1) кинематография, 2) кинофильм и 3) кинотеатр. Следовательно, соотносить его с одним определенным полным словом уже не представляется возможным. Или: сокращение *баки* — это не просто «бакенбарды», а «коротко подстриженные бакенбарды».

Между сокращениями от фамилий, обозначающими марки самолетов, и самими фамилиями отношения метонимические: «От *яка* — к *ЯК-40*... Над Памиром регулярно курсируют комфортабельные *ЯК-40*» (Ходанов. На Крыше Мира); «Новый скоростной воздушный лайнер создан в конструкторском бюро старейшего авиаконструктора С. В. Ильюшина» (Козлов. Над Сибирью — *ИЛ-76*. — «Известия», 15 мая 1975).

В сокращенных словах обнаруживается отчетливая стилистическая характеристика, которая во многих случаях противопоставляет их соотносительным полным словам. В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) говорится: «Аббревиация используется также в разговорной речи при образовании сокращенных стилистически сниженных синонимов существительных: *заведующий* — *зав*, *специалист* — *спец*, *председатель* — *пред*,

заместитель — зам, факультет — фак. Тип продуктивен» (с. 176). Следовательно, в жанрах литературного языка подобные сокращения используются для стилистических целей, для характеристики разговорно-бытовой речи персонажей: «Став заведующим отделения, я никак не решился выбрать себе преемника... Обычно в таких случаях происходит простое передвижение: „сам“ на ступеньку вверх и *зам* — вверх на ступеньку» («Литературная газета», 6 августа 1975); «...Мама и бабушка заняты беготней от *зава* к *заму*, сидением в приемных, снятием копий и переписыванием прошений...» («Крокодил», 1975, № 32).

Сокращенные слова могут иметь ту или иную экспрессивную окраску, например жаргонные *общага* — *общезитие* или *алкаш* — *алкоголик*. Образование *мультик*, *телик*, *велик* возникли в языке детей, склонных к уменьшительно-ласкательным формам. Эти слова и в речи взрослых сохраняют характер стилистически разговорных, окрашенных детской непосредственностью, фамильярностью. Отдельные слова бытуют главным образом в жаргоне той или иной социальной или профессиональной среды. Сокращение *наив* от *наивность* встречается в речи актеров: «Все третье действие Лапшину отравил [актер] Днепров. Каким-то образом он подсел рядом и... иронически произносил не очень понятные и раздражающие Ивана Михайловича слова, например: — Ах, какой *наив*! Или: — Полное отсутствие специфики режиссерского видения!» (Герман. Один год).

Обычно и в пределах литературного языка к разным стилистическим разрядам относятся сокращенные слова и полные, от которых они образованы. Так, *кино*, *метро* стали стилистически общеупотребительными на фоне их полных синонимов, относящихся к единицам специальным, терминологическим, официальным *кинематография*, *метрополитен*: «В целях осуществления единого руководства работой *метрополитенов* Совет Министров СССР принял постановление о передаче их в ведение Министерства путей сообщения. ТАСС» («Известия», 5 июня 1975).

Займованные сокращения в русском языке расширяют свои стилистические возможности. Слова *мини*, *макси* приплыли к нам как средство обозначения длины женского платья, но, например, *мини* встречается уже и в другой номинативной функции — в наименовании футбола в помещении (игра на поле сокращенных размеров): «Приз еженедельника „Неделя“ по *мини-футболу* завоевали спортсмены ленинградского „Зенита“...» («Правда», 2 февраля 1976). (О словах *мини*, *миди*, *макси* см. статью К. А. Логиновой «Мини — макси». — «Русская речь», 1970, № 6).

Не всякое «укорочение», если даже это ведет к образованию самостоятельных словообразовательных форм, находит широкое

одобрение. Вот одно из мнений: „*Интимная обстановка*“, став „интимом“, приобретает вульгарный оттенок (как и „настрой“, вытесняющий „настроение“)» («Литературная газета», 8 октября 1975). Такая оценка, думается, слишком категорична. Во-первых, «вульгарный оттенок» не лишает слова права на существование, а лишь ограничивает его стилистические возможности. Следовательно, если слово обладает этим оттенком, то нельзя употреблять его в речи, особенно в художественной литературе, без учета такого качества. Во-вторых, почему «вытесняет», а не «становится рядом»? Ведь слово *интим* со своей стилистической окраской и семантической особенностью пополняет фонд выразительных средств русского языка, а не вытесняет оборот *интимная обстановка*. Вот один из примеров его удачной реализации: «— Зачем нам бра? — Над тахтой. Для *интима*. Интеллигентные люди не могут жить без *интима*» (Поляков. История одного брака) — здесь именно *интим*, а не *интимная обстановка* в устах персонажа соответствует его мещанской природе.

Слово *настрой*, как уже говорилось, не заменяет слов *настроение* и *настроенность*, а формируется как самостоятельная лексическая единица со своими семантическими и стилистическими свойствами. «Деловой *настрой* заседания, глубина и острота звучащих на нем суждений в немалой степени объясняются тем, что депутатам — членам подготовительной комиссии хорошо знакомы проблемы, вынесенные на повестку дня» («Известия», 15 ноября 1975) — в этом примере слово *настрой* невозможно заменить ни словом *настроение*, ни словом *настроенность* без ущерба для смысла.

Некоторые сокращенные слова стали историзмами, словам, обозначающими исчезнувшие явления: *бакены* — *бакенбарды*, *унтер* (*ундер*) — *унтер-офицер*. Какое-то время существовала синонимическая пара слов *радио* — *радиограмма* в значении ‘телеграмма, переданная по радио’: «...В тексте описание отелей ... да жиденький столбец новостей — сегодняшнее меню и последнее *радио*, вроде „В Марокко все спокойно“» (Маяковский. Мое открытие Америки); «Гарри послал в газетах Старого и Нового Света *радио* о том, что им, Пьером Гарри, занят в Тихом океане остров...» (А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина). Теперь пользуемся только словом *радиограмма*. Слово *авто* в значении ‘автомобиль’ не вышло из живого употребления, но встречается редко: «Зарайский ехал в своем *авто* — стареньком „Москвиче“...» (Бахнов. Операция «Зависть»).

Кандидат филологических наук
Н. Ф. ШУМИЛОВ

ПАСПОРТ

Академик Лев Владимирович Щерба писал, что каждое мало-мальски сложное в семантическом отношении слово «должно быть предметом научной монографии» («Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. 1, Л., 1958). Эту мысль по-своему повторил Ф. П. Филин: «Каждое слово — особый микромир, раскрыть тайны которого не только поучительно, но и увлекательно» (Теоретические проблемы языкознания, «Вестник АН СССР», № 7, 1970).

К таким словам, заслуживающим внимательного рассмотрения их истории в русском языке, можно отнести — *паспорт*. Слово пришло к нам в середине XVII века. И. И. Огиенко датирует *пашпорт* 1633 годом («К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом», РФВ, т. 66, № 3—4, 1911); его же отмечает и М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка, т. III, с. 213). Примеры, взятые нами у Н. А. Смирнова («Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». — Сборник ОРЯС, т. 88, СПб., 1912), относятся к началу XVIII века: «Король шведский послал генерала к его величеству, однакож не дав ни полной мочи [полномочия], ни кредитива, ниже *паспорту* под протестом таким...» (П. П. Шафиров. Рассуждение какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый, к начатию войны против Короля Карла XII Шведского 1700 году имел, СПб., 1717); «Награжден будет годовым жалованием, и дать *пашпорт*» («Устав морской», СПб., 1720); «В конце у того *паспорта* по окончании датума прописано...» («Журнал или поденная записка Петра Великого с 1698 года...», СПб., 1770—1772).

В 1970 году в газетах появилось сообщение ТАСС под названием «Опровержение легенды»: «В „Ревизских сказ-

ках Куростовской волости“ — официальных документах первой и второй переписи населения старых поморских деревень — в графе „Каким случаем невозвратно убыл“ против имени Михайло Ломоносов, сын Василия Дорофеева, написано: „Отпущен в 1730 году с *пашпортом* для работы в разные города, который потом не явился...“.

Из примеров видно, что слово *паспорт* на русской почве сразу же обрело более широкую сферу употребления, ибо во французском языке, откуда пришло к нам через немецкий, оно обозначало ‘разрешение на отплытие’. Запись о Михайле Ломоносове свидетельствует о том, что слово *паспорт* получает и новое значение ‘покормежная’, то есть документ, разрешающий владельцу уход на промысел, „кормление“.

Обстоятельное толкование значений слова *паспорт*, оформившихся на русской почве в XVIII веке, дает Н. Яновский: «*Паспорт* или *пашпорт*, фр. Подорожное, пропуск, письменный вид или свидетельство, даваемое от Государя или от правительства, или же помещика тому, кто куда едет, дабы мог иметь на учреждаемых заставах свободный пропуск до желаемого места» («Новый словотолкователь... расположенный по алфавиту», ч. III, 1806).

Выражение «письменный вид или свидетельство» Н. Яновский полностью взял из Словаря Академии Российской (т. IV, с. 723) как определение значения слова *пропуск*, а именно: «Письменный вид или свидетельство, даваемое от присутственного места или помещика тому, кто куда идет или едет, дабы мог иметь свободный путь до желаемого места». Таким образом, *паспорт* и *пропуск* оказались дублетными формами, одна — русская, другая — заимствованная.

Словари первой половины XIX века сохраняют у слова *паспорт* значение «временности» документа. Словарь Академии Российской (т. IV, изд. 2-ое, 1822, с. 803) определяет *паспорт* как ‘пропуск, письменный вид’; «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) как ‘свидетельство, письменный вид для свободного перехода или переезда’. Впоследствии эти слова, как обозначающие документы, начинают различаться именно тем, что *пропуск* становится „временным“ свидетельством, а *паспорт* — ‘постоянным’. Литературные примеры первой половины XIX века не противоречат этим определениям.

Неоднократно употреблял слово *паспорт* А. С. Пушкин, однако ни в одном примере нельзя уловить четкого совре-

менного значения. Не раскрывает различных оттенков значения этого слова и «Словарь языка Пушкина»: «У ворот часовые остановили нас и потребовали наших *паспортов*» (Капитанская дочка) — ‘пропусков’. (Здесь явственно слышится значение «временности»).

Или: «Крестьян от обид и притеснений защищать, для работы и промыслов, по вашему рассуждению, отпустить с законными видами, так же и дворовых отпускать по *паспортам* с наложением оброка» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 15, М., 1937—1949). Следующий пример говорит о том, что *паспорт* мог обозначать что-то вроде «метрической выписки»: «Матушка отыскала мой *паспорт*, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукой. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо» (Капитанская дочка). В. И. Даль отмечает новое значение слова *паспорт*: «Вид, свидетельство, лист или письмо для проходу, проезду или проживанья». А коль есть «проживанье», то появляется и «паспортист» — «*петерб.* служащий в полицейском участке и занимающийся пропискою паспортов» (см.: Толковый словарь живого великорусского языка, СПб.-М., 1907). Впоследствии И. А. Бодуэном де Куртенэ в текст статьи Словаря В. И. Даля был включен интересный пример: «Всякий порядочный русский человек состоит из трех частей: души, тела и паспорта» (там же).

Как видим, *паспорт* приобретает значение документа, удостоверяющего личность.

Только в литературном языке второй половины XIX века встречается это слово с явным современным значением. «Крестьянин разъяснил Нехлюдову, что они все высланы и заключены в тюрьму за то, что у них не было *паспортов*. *Паспорта* же у них были, но только просрочены недели на две» (Л. Н. Толстой. Воскресение). Утвердившись в значении «постоянного» документа, *паспорт* уже не только удостоверяет личность. В него вписывались царскими властями «характеристики» рабочим, интеллигентам, студентам («смутьянам») с отметкой об исключении со службы, из учебного заведения и т. п. Такой *паспорт* стали называть «волчьим паспортом» или «волчьим билетом».

В техническом производстве *паспорт* приобретает значения, впервые отмеченные Д. Н. Ушаковым: «Регистрационное свидетельство на каждую единицу транспорта (автомобиль, мотоциклет и т. п.; спец.). *Паспорт* автома-

шины» и «Документ, содержащий подробное описание составных частей, свойств, особенностей какого-н. устройства (спец.). *Паспорт станка*» (Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1939). В «Сельскохозяйственном словаре-справочнике» (М.-Л., изд. II, 1934) зафиксировано, что слово *паспорт* употребляется наряду с «карточка-паспорт» и «карточка». А 17-томный Словарь свидетельствует еще одно значение: «Регистрационный документ машины, предметов хоз. оборудования и т. п.». «Машина для Букова означала больше, чем сказано казенно в ее *паспорте*: «Одноковшовый полноповороточный экскаватор типа прямая лопата на гусеничном ходу» (В. Кожевников. Особое подразделение). Может быть и «психологический *паспорт* машины» («Правда», 3 декабря 1969). В таком употреблении уже заложена возможность дальнейшего расширения значения слова, так как «паспорт — формуляр», «паспорт — регистрационная карточка», «подробное описание чего-либо» (изделия, машины, предмета) начинают уживаться с понятием «характеристики» — описания почв, местностей, рек, сортов злаков, овощей, деревьев, насекомых, учреждений и т. п. «Вызываемые ими болезни оказались как бы вписанными в *паспорта* соответствующих местностей» («Правда», 17 ноября 1967); «*Паспорт* земли» («Известия», 6 февраля 1968); «Фразеологические контексты являются своеобразным ключом для понимания смысловой структуры слова, для отнесения его к той или иной лексической серии, для установления его стилистического *паспорта*» (А. И. Ефимов. «Язык сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина», М., 1953); «Нужен хороший *паспорт* водоема...» («Юный натуралист», № 5, 1971); «На маточные колонии муравьев, пригодных для расселения, заведены *паспорта*» («Труд», 12 сентября 1972); «*Паспорт* дома культуры» («Известия», 19 марта 1971); «*Паспорта* получили более двадцати рек» («Труд», 1 мая 1972); «Дерево получит *паспорт*. Сейчас здесь готовится паспортизация всех ценных деревьев» («Правда», 29 сентября 1972). Это следующий шаг в расширении значений слова *паспорт*, при котором понятие «характеристики» еще крепко связано с понятием физической конкретности предмета. Впоследствии эта связь ослабевает и слово получает возможность более свободной сочетаемости, утрачивая при этом значение «письменного документа», например: «*Паспорт* зрелости» («Известия», 7 октября 1966); «Раздольное пшеничное поле. Это — *паспорт* высокой культуры земледелия»

(«Правда Украины», 6 августа 1968); «Паспорт рабочей чести» («Известия», 19 марта 1971); «Лицо — это не *паспорт* жизни» (М. А. Светлов, Беседы, М., 1969); «Паспорт качества» («Известия», 18 октября 1973); «ГТО — *паспорт* здоровья» («Южная правда», 10 октября 1972). Примеры свидетельствуют о том, что слово *паспорт* приобретает здесь неопределенное значение, без каких-либо семантических и стилистических ассоциаций и становится стойким языковым штампом.

Развитие значений слова идет в таком направлении: письменную вещественную «характеристику» начали присваивать животным, давая подробное описание их родословной, внешности, психологических свойств, повадок и т. п. Такие паспорта установлены в СССР на всех племенных животных. «Варя была строгая, каждой корове вела учет, *паспорт* точный составляла и доярок способных, заботливых да нежных подбирала» (Ф. Гладков. Маша из Заполярья); «Лада [собака] имела *паспорт*, значительно превосходивший размерами владелицу, и родословную до седьмого колена» («Наука и жизнь», № 8, 1970). Существует и еще один *паспорт*, ставший номенклатурным наименованием: «Китовые *паспорта* имеют вид небольших трубочек из нержавеющей стали, которые будут выстреливаться из ружья и застревать в жировом слое животного» («Советский Союз», № 11, 1974).

Такова та особая (и, конечно, неполная) история слова *паспорт*.

И. К. МАРКОВСКИЙ

1917—1977

Мирное сосуществование

Противники мира и дружбы между народами утверждают, что термин *мирное сосуществование* чужд ленинской теории и практике и что советские юристы якобы изобрели его лишь после XX съезда КПСС (1956 год) и задним числом приписывают его ленинской политике предшествующего периода (См.: Курс международного права, М., 1966).

Но подобного рода измышления безо всякого труда опровергаются первыми (относящимися к началу 20-х годов) письменными фиксациями этого термина.

Как известно, идея мирного сосуществования государств двух систем родилась с появлением на международной арене Страны Советов. В своем первом декрете — Декрете о мире (от 8 ноября 1917 года) — Советское правительство предлагало прекратить войну и установить мирные отношения между государствами. В. И. Ленин в «Проекте резолюции по вопросу о международной политике» VIII Всероссийской конференции РКП(б), написанном 2 декабря 1919 года, подчеркивал, что «Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 366).

Говоря о мирном сосуществовании социалистического и капиталистических государств, В. И. Ленин употребляет словосочетание *мирное сожительство*, которое в силу актуальности обозначаемого им единого понятия вскоре превращается в устойчивое словосочетание терминологического характера. Впервые В. И. Ленин использует это словосочетание в ответе на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal service» Карла Виганда 18 февраля 1920 года: «Наши планы в Азии?» Те же что в Европе: мирное сожительство с народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимися к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 40, с. 145). Слово *сожительство*, без сопровождения прилагательного-определения, В. И. Ленин употребляет в беседе с корреспондентом японских газет «Осака Майнити» и «Токио нити-нити» К. Фусэ 4 июня 1920 года. На вопрос корреспондента «Как Вы представляете себе добрососедские отношения между социалистическими и капиталистическими государствами?» Ленин ответил: «Наши условия о сожительстве с капиталистическими странами изложены подробно в проекте договора, который недавно американский представитель Булит опубликовал в Вашингтоне» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 133).

Словосочетание *мирное сожительство* в значении 'совместная жизнь людей без войн' употреблялось и рань-

ше — в сочинениях юристов-международников. «Для того, чтобы определить, как должно быть поставлено разрешение споров между государствами для обеспечения прочного мирного их сожительства, необходимо изучить существующие мирные средства разрешения международных столкновений» (В. В. Тенишев. Вечный мир и международный третейский суд. СПб., 1909, с. 22). Но В. И. Ленин использует его применительно к существованию двух социальных систем — социалистической и капиталистической, наполняя его, таким образом, новым содержанием.

Это словосочетание в 20-х годах употреблялось в официально-деловом языке и в смысле 'совместная жизнь людей в многонациональном государстве, основанная на началах равенства, взаимном уважении и исключаящая национальные распри; подлинно братские отношения между народами социалистического государства'. «Съезд с удовлетворением констатирует, что с успехом закончено дело оформления Союза ССР и тем создана прочная база для братского и мирного сожительства всех национальностей, населяющих СССР» («Резолюции и постановления (XIII) съезда РКП(б)», 1924 г.— «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 8. Т. 3, М., 1970, с. 39).

К ленинскому словоупотреблению *мирное сожительство* обращается Л. И. Брежнев в речи на XI съезде Венгерской социалистической рабочей партии (18 марта 1975): «Результаты совещания будут, мы уверены, представлять собой хорошую принципиальную основу, прочный фундамент для развития, говоря словами В. И. Ленина, мирного сожительства между европейскими народами» («Правда», 19 марта 1975). «Понадобились гений и несгибаемая воля Ленина, мудрость и политическая зрелость выпестованной им партии, чтобы выработать, а затем последовательно проводить в жизнь единственно верную политику — политику мирного сосуществования, или, как тогда говорили, мирного сожительства, двух систем собственности, двух противоположных экономических и общественно-политических систем» (Из Доклада Ю. В. Андропова на торжественном заседании в Москве, посвященном 106-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.— «Правда», 23 апреля 1976).

В настоящее время словосочетание *мирное сожительство* в значении 'совместная жизнь, совместное существование' изредка используется в публицистике. «Научатся ли завтрашние поколения снова ценить океан и землю... А не

научатся — тогда не спасут нас ни мирное сожительство, ни тем более потасовки на борту нашей общей маленькой лодки» (Тур Хейердал. Экспедиция. — «Юность», 1971, № 6).

С начала 20-х годов в русском языке параллельно с составным наименованием *мирное сожительство* употребляется его семантический эквивалент *мирное сосуществование*. Едва ли не впервые его использует Г. В. Чичерин в Докладе на заседании ВЦИК 17 июня 1920 года: «Наш лозунг был и остается один и тот же: *мирное сосуществование* с другими правительствами, каковы бы они ни были. Сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами. Эти длительные отношения нам повелительно навязываются экономической действительностью» (Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 145). Заметим: существительное *сосуществование* 'одновременное или совместное существование', как и глагол *сосуществовать* 'существовать одновременно или вместе с кем-чем-нибудь', от основы которого оно произошло, регистрируется в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. 4, М., 1940) с пометой «книжное» и иллюстрируется таким примером: «Сосуществование разных признаков в одном предмете». Еще раньше, в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 3, СПб., 1903), слово *сосуществование* использует И. И. Срезневский для объяснения существительного из Изборника 1073 года: «*Съсущие* — сосуществование, совместное существование»; в «Дополнениях» к «Материалам...»: «*Съсущьствьньи* — существующий совместно».

Со второй половины 20-х годов в дипломатических документах, статьях по вопросам международной жизни применяется только составной термин *мирное сосуществование* и его «сокращенный вариант» *сосуществование*.

Существительное *сожительство* оказалось вытесненным из международно-правового языка и перешло в иную сферу применения — интимно-бытовую. Термин же *сосуществование*, представляя полное соответствие с латинизмом coexistence 'совместное существование', утвердился в русском дипломатическом языке в сочетании с прилагательным *мирный* как термин международного права.

Отстаивая свое право на законное существование наравне со странами капиталистической системы, Советский Союз на международных конференциях неуклонно добивался того, чтобы *мирное сосуществование* было возведено в *принцип* всеми странами. В русском дипломатическом языке (в языке литературы, связанной с международными отношениями и международным правом) появляется устойчивое словосочетание *принцип(ы) мирного сосуществования* и позже *политика мирного сосуществования*: «Советский Союз, уверенный в своих силах и всецело поглощенный выполнением поставленных перед собой задач внутреннего строительства, готов по-прежнему держаться *принципа мирного сосуществования* двух систем в данный отрезок истории, не питая никаких агрессивных замыслов против других стран ни в политическом, ни в экономическом отношениях» (Речь М. М. Литвинова о Европейском союзе. 18 мая 1931 г.— Документы внешней политики СССР. Т. 14, М., 1968).

Принцип мирного сосуществования начал превращаться в принцип международного права только в период второй мировой войны, когда идея мирного сосуществования нашла мощную поддержку народов. Этот принцип признан всеми государствами антигитлеровской коалиции и был положен в основу Организации Объединенных Наций, устав которой разрабатывался в то время, когда шла кровавая мировая война (принят 26 июня 1945). Хотя термин *мирное сосуществование* не встречается в Уставе ООН, принцип мирного сосуществования проходит через весь Устав этой международной организации. В преамбуле и статье I Устава прямо говорится: «Мы, народы объединенных наций, преисполнены решимости... проявлять терпимость и *жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи...*», «осуществлять *международное сотрудничество* в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера...» (В. Н. Дурденевский, С. Б. Крылов. Организация Объединенных Наций. М., 1956).

С 50-х годов в дипломатическом языке и в публицистике заметно активизируется употребление термина *мирное сосуществование*. Сравним заголовок статьи по случаю шестой годовщины со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией: «Договор, показывающий возможность *мирного сосуществования* двух систем» («Правда»,

7 апреля 1954). В Совместном советско-индийском заявлении от 22 июня 1955 года читаем: «Председатель Совета Министров и Премьер-Министр желают, в частности, выразить свое удовлетворение в отношении принятой конференцией (стран Азии и Африки в Бандунге в апреле 1955 г.— Ф. С.) Декларации об укреплении международного мира и сотрудничества, в которой изложена концепция *мирного сосуществования*» (Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств. 1954—1957 гг. М., 1957, с. 157).

Мирное сосуществование является составной частью внешнеполитического курса Коммунистической партии Советского Союза и Правительства СССР. И вполне естественно, этот термин нашел отражение в партийных документах, например, в материалах XXV съезда КПСС: «В соответствии с *принципами мирного сосуществования* последовательно продолжать развитие долговременного взаимовыгодного сотрудничества в различных областях — в политике, экономике, науке и культуре — с Соединенными Штатами Америки, Францией, ФРГ, Великобританией, Италией, Канадой, а также с Японией и другими капиталистическими государствами» (Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики.— «Правда», 25 февраля 1976 года).

В Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 года), раскрыта сущность понятия «мирное сосуществование»: «Мирное сосуществование предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга: невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8, М., 1972).

В дипломатическом языке для передачи одного из принципов мирного сосуществования используется и составное наименование *мирное сотрудничество*.

Наблюдаются случаи употребления составных наименований *мирное сосуществование* и *мирное сотрудничество*

В одном и том же контексте: «...за последние годы соединенными усилиями всех миролюбивых сил удалось добиться того, что международная атмосфера в целом стала здоровее, политика мирного сосуществования, мирного сотрудничества между государствами дает весомые реальные результаты» (Речь Л. И. Брежнева на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 года. — «Правда», 27 октября 1973).

Таким образом, утверждение норм мирного сосуществования в отношениях между государствами мира способствовало и появлению соответствующего обозначения во многих языках мира. Моделью для такого обозначения послужило русское составное наименование *мирное сосуществование*.

Ф. П. СЕРГЕЕВ

ЧАБАН, ОВЧАР, ПАСТУХ

Слово *чабан* интересно не только своей этимологией, как это показано в статье А. У. Урусилова (Русская речь, 1976, № 3), но и «внутренней» жизнью в русском языке во взаимодействии с целой группой синонимичных слов *овчар, овчук, пастух, баранщик, кайдальщик*.

История названия *чабан* не может быть оторвана от его живого употребления в украинских говорах, и прежде всего, в говорах

старой Новороссии. Ведь помета *юж(ное)*, которую ставит В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (СПб.— М., 1882, т. 4, с. 597), чаще всего обозначала именно говоры Новороссии. Южнорусские говоры В. И. Даль давал, как правило, точно: *курские, орловские, воронежские* и т. п.

Первое упоминание в словарях украинского языка относится к сороковым годам XIX века: «Чабан. Пастух овечий. Овчар. Потатарски и по-молдавски тоже» (П. Білецький-Носенко. Словник української мови, Київ, 1966). Один из ранних исследователей украинских говоров Фортунат Пискунов во 2-ом издании своего «Словаря живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи» (Київ, 1882) определяет существительное *чабан* как «степной пастух», в отличие от *овчар* «овечий пастух». «Словарь украинского языка» под редакцией Б. Д. Гринченко значения этих слов раскрывает одинаково, как «пастух овец», но при слове *чабан* стоит помета *херсонское* (Київ, 1907—1909, по переизданию 1958—1959). Старшего пастуха, чаще пастуха овец в украинском языке называли *личманом*, или *отагасом*, а также *югасом*. Даже пример к слову *пастух* в словаре связан со значением «человек, пасущий овец»: «А овечка й каже: го ж то треба *пастуха* слухать, як пасе». Слово *чередник* в украинском языке несло значение «пастух стада рогатого скота». Для русского языка XVIII—XIX веков из указанных названий привычными были *пастух* и *овчар*. Материалы 17-томного Словаря показывают, что слово *пастух* отмечал еще в 1704 году Федор Поликарпов в своем знаменитом труде «Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище». *Овчар* приводят «Немецкий лексикон с латинским, переложенный на русский язык» Э. Вейсмана (СПб., 1731) и «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (СПб., чч. I—VI, 1789—1794). Название же *чабан* в XIX веке употреблялось только в народных говорах юга России. Однако и на юге его знали не везде.

В донских южнорусских говорах слово *чабан* даже сравнительно недавно было известно только в отдельных населенных пунктах. Со значением «овечий пастух» в начале нынешнего века его регистрирует В. Ф. Соловьев в статье «Особенности говора донских казаков» (Сборник ОРЯС АН, т. 68, 1901). В «Донском словаре» А. В. Миртова (Ростов-на-Дону, 1929) указывается распространение этого слова лишь на юге и западе Области Войска Донского. Словарь специальной пометой *нет* отмечает отсутствие слова *чабан* в бывших Усть-Медведицком и Хоперском (восточных) округах, территория которых теперь входит в состав Волгоградской области. Здесь с давнего времени употреблялось словосочетание *овечий*

пастух и, в отдельных населенных пунктах, *кайдальщик* в том же значении (А. В. Миртов. «Донской словарь»). Наименование *чабан* в этих говорах новое, оно пришло вместе с научной терминологией овцеводства после коллективизации. Сейчас местными жителями оно воспринимается как слово «учепос» и имеет значение «знающий, квалифицированный овцевод». *Овечьими пастухами* теперь называют только тех людей, которые сезонно пасут овец колхозников и рабочих совхозов. Слово же *кайдальщик* «пастух кайдала, овечьего стада», повсеместно употреблявшееся в старом Усть-Медведицком округе Области Войска Донского, совсем вышло из употребления. Таким образом, между профессионализмами *чабан* и *овечий пастух* в современном говоре произошло разграничение в значении и оценочной окраске: за новым, диалектным по своей первичной природе, но пришедшем в говоры через литературный язык, названием *чабан* закрепилось значение «квалифицированный овцевод», в соответствии с чем и слово воспринимается носителями говора как стилистически высокое; старое выражение *овечий пастух* явно сузило свое значение.

По наблюдениям диалектолога Н. П. Чуйко в русских говорах Алтайского края чабанами стали называть лиц, пасущих крупный рогатый скот (Н. П. Чуйко. Место алтайских слов в лексической системе русского говора Онгудайского района.— В кн.: «Вопросы языка и литературы». Тематический сборник. Вып. I, ч. I, Новосибирск, 1966, с. 173).

Наименования *чабан*, *овчар*, *пастух* встречаются чаще всего в профессиональной речи животноводов. Поэтому особый интерес представляет вопрос о формировании значений данных слов как научных терминов. Слово *чабан* впервые отмечает «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промысла и быта народного» В. П. Бурнашева: «Чабан. 1. Десятник над работниками. Название малороссийское. 2. В Повороссии так называется пастух» (т. 2, СПб., 1844, с. 330). Такое же определение дает через двадцать лет «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Под ред. Ф. Толля и В. Зотова» (т. 3, СПб., 1864).

В тридцатые годы XX столетия, в период развития общественного овцеводства, этот диалектизм, известный вначале лишь на юге России, входит в профессиональную речь и постепенно закрепляет за собой права научного термина. В «Толковом словаре русского литературного языка» под редакцией Д. Н. Ушакова при нем ставится помета с.-х. [сельскохозяйственное] и дается определение «пастух, преимущ[ественно] пасущий овец» (М., 1940). Старое литературное слово *овчар* в специальных словарях-справочниках того времени уже только регистрируется с отсылкой к термину *чабан*, где он определяется не только как «работник по уходу за

овцами', но и как 'бригадир чабанской бригады' (Словарь-справочник по животноводству. М.—Л., 1935). А сельскохозяйственный словарь-справочник 1937 года уточняет: «Старший в бригаде [чабанской] — чабан, его помощник — подпасок, остальные трегьяк, арбич».

Дальнейшее повышение квалификации работников овцеводства нашло свое отражение и в профессиональной лексике. Чабанами стали называть любых членов овцеводческой бригады, а также и производственников, обслуживающих отары коз (Справочник заведующего овцеводческой и козоводческой фермой. М., 1951). Это последующее расширение значения отмечено и в словарной статье «Энциклопедического словаря-справочника по животноводству» (М., 1960): «Чабан — работник животноводческой бригады по обслуживанию отар овец и коз... Руководит бригадой старший чабан».

Широкое распространение слова чабан в профессиональной речи, его общеизвестность способствовали тому, что первоначально областное название было признано литературным. Академические 17-томный Словарь (1950—1965) и 4-томный Словарь (1957—1961), определяя слово чабан как 'пастух, пасущий стада овец', уже не дают к этому слову никаких стилистических помет ограничительного характера.

Специализация значения термина чабан в профессиональной речи способствовала и «разгрузке» значений существительного пастух. Во всех сельскохозяйственных словарях и справочниках оно определяется как 'работник, обслуживающий крупный рогатый скот на пастбище'. В уже названном «Энциклопедическом словаре-справочнике по животноводству» 1960 года подчеркивается, что пастухами должны быть опытные люди, прошедшие специальную подготовку.

Интересно, что термин пастух, имеющий и в донских говорах значение 'человек, пасущий крупный рогатый скот', даже в наши дни воспринимается местными жителями как слово «просторечное», с уничижительным оттенком в значении. Это связано, по-видимому, с тем, что раньше процесс пастбы не требовал специальных знаний и особого умения. В пастухи, как правило, нанимались люди, не пригодные для других работ. Работники общественного животноводства, занимающиеся выпасом крупного рогатого скота, предпочитают называть себя не пастухами, а скотниками. Даже в местной печати стараются избегать термина пастух. Сравните, например: «Сегодня... пасти коров не буду,— заявил управляющему скотник Пиляев» («За урожай», 12 августа 1975, Клетский район).

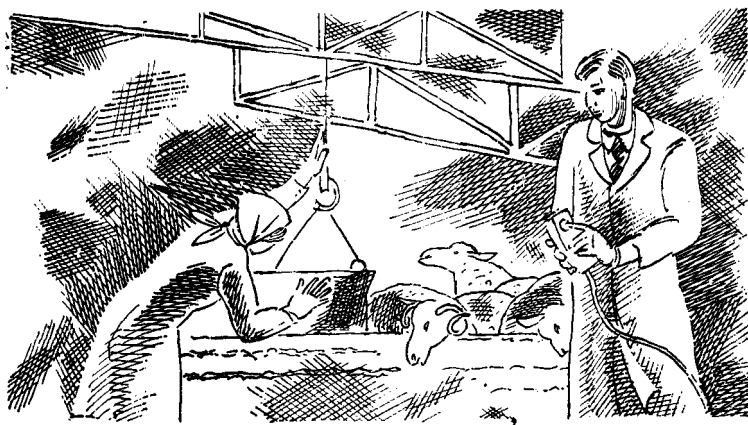
В волжских говорах Волгоградской области термин чабан вытеснил из речевого употребления старое диалектное слово баран-

щик 'овечий пастух'. Это слово было раньше известно и в говорах бывшей Самарской губернии со значением 'человек, пасущий баранов и овец или торгующий ими' («Словарь русских народных говоров», со ссылкой на «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852). Сравните также у В. И. Даля: «Баранщик. Овечий пастух, особенно при отгоне, гуртовщик, приказчик или пастух». Место распространения слова не указано.

Исторические лексикографические материалы показывают, что из названий, обозначающих в русском языке овечьего пастуха, в древнерусский период активными были общеславянские формы *овчук* (*овчух* в южнорусской огласовке) и *овчар*[ь] (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, 1895; Материалы для терминологического словаря Древней России, составил Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937). Из Материалов Кочина видно, что словоформа *овчук* (*овчух*) в письменных памятниках того времени встречалась гораздо чаще. К XIX веку в живой разговорной речи она, по-видимому, уже перестает употребляться. На это указывает помета *старое* к слову *овчук* у В. И. Даля. Широкое распространение получает существительное *овчар*.

В других славянских языках общеславянские словоформы активно употребляются и в наши дни. Сравните: чешское *ovčák*, польское *owczak*, болгарское *ovčár*, сербскохорватское *ovčár* («Восьмизычный сельскохозяйственный словарь», Прага, 1970; «Сербскохорватско-русский словарь», М., 1970).

В советский период, вначале в профессиональной речи, а затем и в общелитературном языке, начинает активно употребляться слово *чабан*. Оно постепенно вытесняет свой дублет *овчар*. Выход из профессионального речевого употребления термина *овчар* повлек

за собой и постепенное вытеснение образованного от него слова *овчарня* 'помещение для овец'. Все более широкое распространение получает областной по своему происхождению термин *кошара*. Более того, по аналогии со структурой слова *овчарня*, изредка в речи животноводов встречаем образование *чабарня*.

Л. Л. ОРЛОВ

НЕУКЛЮЖИЙ И ЕГО РОДСТВЕННИКИ

В современном русском литературном языке обращают на себя внимание слова-«одиночки», не имеющие родственных слов. К ним относится прилагательное *неуклюжий* и наречие *неуклюже*. Слово *неуклюжий* имеет своеобразное значение, трудно передаваемое одним словом. Обычно его употребляют по отношению к человеку нескладному, с некрасивой, несоразмерной фигурой, неловкому, мешковатому в движениях. Наречие же *неуклюже* употребляют, если хотят сказать, как идет, двигается нескладный, мешковатый человек.

Судьба этих слов загадочна: они не только не имеют родственных слов, но и отсутствуют в памятниках древнерусского языка; письменная история их начинается довольно поздно. Как показывают материалы картотеки Словаря русского языка XVIII века, *неуклюжий*, *неуклюже* начинают использоваться писателями не раньше последней трети XVIII века в произведениях, в той или иной степени отражавших разговорный язык,— комедиях, баснях, притчах. В притче А. П. Сумарокова «Высокомерная муха» употреблено наречие *неуклюже*: «Ярится муха дюже; Хотя она болярня мелка: И жестоко кричит на лошака, За то, что он везет телегу неуклюже» (Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1787).

Ненормированность вообще языка комедий, басен, притч, использование в них грубопросторечных и диалектных слов затрудняет решение вопроса о том, было ли *неуклюжий* в данный период словом общенародным. Во всяком случае его отсутствие в произведениях других жанров позволяет думать, что *неуклюжий* не было стилистически нейтральным словом и, возможно, еще не входило в систему литературного языка. Например, в двуязычных

словарях XVIII века *неуклюжий* не употреблялось для перевода близких по смыслу иностранных слов. Только в Полном немецко-русском лексиконе, изданном в самом конце XVIII века (1798), немецкое *Plump* впервые переводится русским *неуклюжий*. Его пет и в Словаре Академии Российской.

В дневнике поэта В. А. Жуковского за 1827 год читаем: «Бенжамен Констан напоминает Фридриха. Прекрасный профиль, худощав, несколько неуклюж, говорит без претензий, но хорошо». Стилистически так же его употребляет А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого», Н. В. Гоголь в «Мертвых душах», М. Ю. Лермонтов в «Княгине Лиговской». К этому времени относятся и первые примеры переносно-образного употребления слова: *неуклюжие* стихи, обороты (В. Г. Белинский); *неуклюжий* этикет (А. С. Пушкин); *неуклюжий* период (речи) (Н. В. Гоголь) и другие, что свидетельствует о развитии у слова *неуклюжий* значения, возникшего на чисто литературной почве. Закрепление слова в литературном языке было отмечено академическим «Словарем церковно-славянского и русского языка» 1847 года.

Позднее появление слов *неуклюжий*, *неуклюже* в литературном языке и отсутствие их в древнерусских памятниках как будто свидетельствует о том, что мы имеем дело со словами заимствованными, неславянскими. Однако от данного предположения сразу же приходится отказаться. М. Фасмер указывает на несомненное родство русского *неуклюжий* со словами того же корня в других славянских языках, например, в чешском: *kloudný* «порядочный», *klidný* «спокойный» и других, не говоря уже об очень близких по значению украинских *некляжий* и *невкляжий*. Итак,

с одной стороны, мы знаем, что *неуклюжий* — слово славянское, а с другой стороны, что оно до XVIII века не было известно русскому литературному языку.

Это противоречивое обстоятельство в судьбе слова *неуклюжий* нам помогают объяснить народные говоры, нередко сохраняющие старинные особенности, уже утраченные литературным языком. Диалектные материалы свидетельствуют об исконности, древности слов с корнем *клюж-* в русском языке. Прежде всего само слово *неуклюжий* находим в списках диалектных слов в «Трудах общества любителей Российской словесности» (см. списки слов Тульской, Рязанской, Владимирской, Вологодской и Нижегородской губерний) за 1820—1824 годы.

Если же мы обратимся к картотеке Словаря русских народных говоров, то обнаружим, что в говорах имеется целый ряд очень старых слов, родственных литературному *неуклюжий*. Так, на севере Европейской части России не раз было записано бесприставочное прилагательное *клюжий*, которое известно здесь со значением «хороший». Оно попало в первый академический областной словарь (Опыт областного великорусского словаря, СПб., 1852), где сочетание *клюжий конь* толкуется как «статный конь» (Вологодская губерния), а *клюжа девка* как «пригожая девка» (Моложский уезд Ярославской губернии). Слово *клюжий* приведено и в рукописном словаре вологодских слов П. А. Дилакторского (1902); причем, автор его более подробно, чем составители Опыта, говорит о значении слова *клюжий*. По его наблюдениям, слово *клюжий* известно в вологодских говорах в двух значениях: «хороший, полезный» и «красивый, видный, бойкий».

Со значением «приличный, хороший, красивый» находим слово *клюжий* в олонецком словаре Г. И. Куликовского (1898). С этим же значением оно записано в Ярославской губернии и в Суздальском уезде Владимирской губернии. *Клюжим* здесь называют высокого статного человека. *Клюжий* и *клюже* отмечены Словарем В. И. Даля, по сведениям которого в Костромской и Вологодской губерниях *клюжий* значило «хороший, красивый, статный, видный», а *клюже* — «ладно, хорошо» (*клюже сработано*).

Таким образом, существование слова *клюжий* на русском Севере не вызывает сомнений. Различные собиратели не раз подтверждали наличие его там. «На Ояти ни проезду, ни клюжего переходе», — читаем мы в записи 1895 года из Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Употребляется оно на Севере и до сих пор. В 30-х годах известный диалектолог С. А. Еремин записал в Вознесенском и Лодейнопольском районах Ленинградской области: «У тебя тоже клюжего-то чайку нет». — «Думала, клюжий, пустила — а он вор». А вот запись из Подпорожского района Ле-

нинградской области: «Клюжего (хорошего) не видели. Сама клюжего не видела» (1956).

На Севере же известны были наречие и сравнительная степень от прилагательного *клюжий*. В «Опыте областного великорусского словаря» читаем *клюжо* — «хорошо» (Кинешма Костромской губернии, Ярославская губерния), *клюже* — «лучше, полезнее» (Вологодская губерния). Несколько неожиданной оказалась старая запись данного слова на территории южнорусских говоров, сделанная в 1850 году в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии: *клюже* — «лучше», «удобнее»; *неуклюже* — «дурно», «нехорошо». Поиск других слов этого же корня показывают, что они были известны не только севернорусским говорам, но бытовали и на юге России.

Известное на Севере прилагательное с приставкой *не-*: *неуклюжий* (записано со значением «нехороший» в 1896 году в Петроаводском уезде Олонецкой губернии), по свидетельству собирателя И. И. Карпова, употреблялось со значением «некрасивый» в Псковской губернии, в Осташковском уезде Тверской губернии (1855) и в Мещовском уезде Калужской губернии. Встречаются однокорневые слова и в других говорах: в Смоленском словаре В. Н. Добровольского находим слово *клюжа*, которое употреблялось в смоленских говорах как ласкательное (*Возьму свою клюжу и положу в люльку*, 1914), а в Рязанской губернии в 1898 году было записано *неуклюж*, имеющее значение «дурень».

Таких слов в говорах довольно много. Кроме уже приведенных, имеется еще ряд слов с другими приставками. В записях слов из Владимирской губернии, сделанных в 1820 году, встречается знакомое нам прилагательное с приставкой *у-*: *уклюжий* в значении «имеющий приятную фигуру (о человеке)»; от этого прилагательного уже легко произвести наше литературное *неуклюжий*. «Опыт областного великорусского словаря» приводит слово *уклюжий* с тремя значениями: кроме уже отмеченного из Владимирской губернии, еще два: одно — «ловкий», записанное в Наровчатском, Нижнеломовском уездах Пензенской губернии, и второе — «удобный, уютный» (Тихвинский уезд Новгородской губернии). И теперь еще в Пензенской области говорят: *уклюжий парень, шить уклюжая* (Наровчатский, Нижнеломовский районы, 1960).

В рукописном словаре Карпова (1855), где собраны диалектные слова Осташковского уезда Тверской губернии и Псковской губернии, *уклюжий* отмечено со значением «приличный»: (*Уклюжее ли дело пьяному толкаться?*).

Диалектные записи сохранили нам слова с любопытным корнем в несколько иной форме: *клюд*, употребительной в современном чешском (ср. чеш. *klid* «покой», «спокойствие»).

Близкое чешскому *klid* по значению и форме находим, например, в «Опыте областного великорусского словаря»: *клюдь* «порядок», «приличье»; слово приведено в сочетании *в клюдь*, что значит «как следует», «прилично» (Нерех. Костром.) Данные сведения подтверждает и словарь В. И. Даля, в котором *клюдь* (костромское) со значениями «краса», «стать», «порядок», «приличье». Употребление слова хорошо показывает поговорка: *без клюди мы не люди*. В 1853 году во Владимирской губернии было записано выражение *вклюдь слова не молвит* — «как следует, в согласии, мирно слова не скажет». В тех же говорах записан и глагол *уклюдиться* — «утихнуть, успокоиться» (Владимирская губерния, Дополнение Опыта 1858).

От этого же корня известен на Севере и другой глагол *склюдиться* — «согласиться, сладиться» (*Ужели склюдились с лошадыми?* Олонецкое). В ином значении — «собраться» глагол встретился в современных записях онежских былин (Онежские былины, 1948).

Еще во второй половине XIX века вологодские говоры сохраняли существительные *неуклюд*, *неуклюдок* в значении «неуклюжий, неловкий человек» (1883—1889).

Приведенные материалы показывают, что слова с корнем *клюдж-*, *клюд-* некогда были широко известны в русском языке. Отсутствие их в памятниках древнерусского языка можно объяснить тем, что они, возможно, принадлежали языку разговорному или имели местное распространение, в то время как памятники письменности отражают, главным образом, язык письменный, литературно обработанный.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

С Л О В О ИЗ НАРОДНЫХ ПОВЕРИЙ

Боярыня Вера Шелого в первом действии драмы Л. А. Мей «Псковитянка» рассказывает своей сестре Надежде о том, как, пойдя в лес по грибы, она заблудилась:

... А лес густой; березы да осины
Переплелися, спутались ветвями...
А впереди деревья, гуще, гуще,
Темней — темнее: так к себе и манят...
Вот и иду... кустарник чаще, чаще...
Трущоба, глушь!... а сучья, словно руки...

Образ олицетворенного леса столь сильно впечатляет Надежду, что посреди рассказа с ее уст срывается: «Жутко!», и в этом

восклицанию выражен трепет юной псковитянки перед таинственными силами природы.

К середине минувшего столетия (драма Л. А. Мея была закончена в 1859 году) слово *жутко* уже стало достоянием литературного языка. Его можно встретить, например, в романе «Юрий Милославский или русские в 1612 году» М. Н. Загоскина (1829), в сказке «Конек-горбунок» П. П. Ершова (1834). Оно зафиксировано в «Общем церковно-славяно-русском словаре» П. С. Соколова (1834) в значении «весьма чувствительно» с пометой: нар., простонар. (Заметим, что в «Словаре Академии Российской», который был издан в 1809 году, этого слова еще нет.)

Что же до прочих слов того же корня и, прежде всего, существительного *жуть*, то их путь из уст народа в уста литературных героев оказался куда дольше. Так, впервые слово *жуть* было отмечено лишь в 1863 году В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка» в единственном значении «очень много, множество, тьма, бездна, пропасть» и с ограничительной пометой: народное, Калужское. Именно это значение отмечалось и собирателями. В Жиздринском уезде Калужской губернии, например, они зафиксировали слово *жуть* в значении «много, очень много» (1848). В 1880–1882 годах, при переиздании Словаря В. И. Даля было добавлено в качестве первого еще одно значение слова *жуть* — «ужас, страх, испуг». Одновременно была шире определена и география слова: народное, Западное. Между тем почти все образцы употребления слова *жуть* в литературных произведениях подтверждают его еще более широкую, юго-западную географию, а большинство писателей, перенесших это слово на страницы своих книг, — выходцы из южных краев России.

Наиболее ранние примеры литературного бытия слова *жуть* встречаются в повестях и рассказах 60-х годов писателя-народника Александра Ивановича Левитова (1835—1877), южанина, уроженца Тамбовской губернии (Лебедянский уезд, село Доброе): «Страшная тоска напала на весь дом. Собаки даже по ночам выть принимались. Соседи шептались:... Даром собаки не завоют. Опять же — и жуть у них только в избе, братцы мои! Ходют все, ровно шальные, от мала до велика...» (Сельские тревоги). *Жуть* писатель помечает звездочкой и дает в сноске следующее его толкование: «Жуть — страшная, беспричинная тоска. По крестьянским поверьям, жуть нападает на людей перед большими несчастьями, например, перед покойником, перед пожаром, перед отдачею в солдаты и т. д.». То обстоятельство, что слово еще нуждалось в специальном объяснении, свидетельствует о его новизне и необычности для современного А. И. Левитову читателя.

Даже одного этого примера довольно, чтобы заметить оттенок таинственности, наваждения, заключенный в основном значении слова *жуть*, которое всякий раз оказывается в окружении ярко эмоциональной лексики: страшная, по ночам, выть, шальные. А вот как звучит это же слово в других левитовских рассказах: «А в избушке такая-то жуть, такая-то бедность! Печка совсем развалилась» (Сапожник Шкурлан); «Такая-то жуть по всему посаду после обеда стоит, словно в царстве каком заколдованном» (Накануне Христова дня). Таким образом, первое появление слова *жуть* в литературном языке может быть датировано шестидесятыми годами прошлого столетия.

Поначалу новое слово звучит лишь в речи действующих лиц, преимущественно крестьян, простолюдинов: «О — о!... У меня баба смерть! Мастеровой выполз из погребя, весь в паутине и стал до едать пеклеванку... — Какую жуть нагнала — а?...» (Глеб Успенский. Правы Растеряевой улицы). Герои пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» (1886) — обитатели патриархальной деревни, и писатель вложил в их уста слова и речения, слышанные в народе: «А ня тка. Дедушка, золотой! не гаси совсем. Хоть в мышный глазок оставь, а то жуть. М и т р и ч (смеется). Ну, ладно, ладно (Присаживается подле нее). Чего жутко-то? А ня т к а. Как не жутко, дедушка! Нянька как билась. Об рундук головой билась...».

Лишь значительно позже *жуть* входит и в авторскую речь. Так, у Леонида Андреева читаем: «Ему тридцать четыре года, а в памяти от этих лет ничего, так, серенький туман какой-то, да та особенная жуть, которая охватывает человека в тумане, когда перед самыми глазами стоит серая непроницаемая стена» (У окна). Чаще всего слово *жуть* встречается в сочинениях писателей, изображавших среду мелкой буржуазии города и разоренной деревни на

рубеже минувшего и нынешнего столетий. Это, как правило,— психологические портреты неуравновешенных, неустойчивых личностей, которым свойственны апатичность, бесплодный самоанализ, страх перед будущим. Слово *жуть*, равно как и однокорневое *жуткий*, как нельзя вернее обозначает состояние души, смутное и смятенное: «Барышню била лихорадка, она готова была покатиться в судорогах на пол, когда, сидя в сумерках в спальне, ожидала она появления на пороге Клина... С ног до головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возле нее» (И. А. Бунин. Суходол); «Осенняя лунная пустая ночь охватывала Карташова каким-то особенным жутким одиночеством» (Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты).

Нельзя не отметить следующую особенность значения слова *жуть* (и его однокорневых) во всех случаях его употребления: обозначенное им тревожное движение человеческой души всегда отвечает тревожному состоянию природы или находится в связи с мрачным интерьером, зловещим пейзажем. Например: «темней — темнее», «трусоба, глушь» (Мей); «по ночам» (Левитов), «погреб», «паутина» (Успенский); «туман», «непроницаемая стена» (Андрев); «в сумерках» (Бунин); «пустая ночь» (Гарин-Михайловский).

Очевидно, главный смысл слова *жуть* со всеми известными его оттенками берет начало в наивных представлениях народа об окружающем его мире, составлявших основу для разного рода поверий о леших, ведьмах, нечистой силе, знамении небесном и проч. В этом слове отразилась беспомощность человека, лишенного знаний, не ведающего законов природы, не способного правильно истолковать значения света и тьмы, звуков и безмолвия.

Первоначальная, основная семантика не стерлась до конца и в позднейших, литературных примерах слова, где оно все чаще обозначает такое душевное состояние человека, в котором невозможно объективно постичь и трезво оценить происходящее. Эту прочность понятийного стержня, несмотря на значительное продвижение слова в слои нормативного литературного языка, подтверждают материалы из народной речи и словари русского языка. В конце XIX — начале XX веков значения 'страх', 'тоска' остаются главными в слове *жуть*, именно они и отмечены собирателями и диалектологами В. И. Чернышевым и Е. Ф. Будде. В Словаре русского языка, изданном в 1898 году (Шахматовский выпуск, т. II), против слова *жуть* в качестве первых значений указаны: 'тоска', 'волнение, наводящее страх', 'чувство беспокойства'.

Проникновение этого слова в литературный язык почти не сказалось на его значении, но заметно повлияло на развитие в нем грамматических функций наречия и междометия (подобно развитию тех же функций у ряда других близких по смыслу слов: страх,

ужас, смерть, страсть и проч.): «„Годунова“ я задумал, кажется, до жути интересно» (В. И. Немирович-Данченко. Письмо Л. В. Баратову от 10 августа 1924 года); «А вот вралем был — просто жуть!» (А. Безыменский. Выстрел. Комедия в стихах). Но даже и в этих случаях слово сохраняет все то же первоначальное значение, связанное с понятием необычайного, фантастического: «до жути интересно» — «необычайно интересно», а «просто жуть» — «просто фантастика!».

Вышедшее из народа, слово *жуть* и родственные ему слова *жуткость*, *жутковатость*, *жутковатый*, возникшие уже на литературной почве, и поныне остаются живыми элементами нашего языка, сохраняя в себе память о бытовавших в народе поверьях.

Ю. И. ОРОХОВАЦКИЙ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

УЧИТЕСЬ ВИДЕТЬ ТЕКСТ

Если бы редактором были Вы, то какую ошибку постарались бы устранить в предложенном тексте:

«Вот фильм, обреченный, без всякого сомнения, на редкий, ошеломляющий успех у самых широких кругов публики» («Спутник кинозрителя», сентябрь, 1975, с. 20).

Ответ на с. 119

СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Прочитайте два стихотворных отрывка. В каком значении и с каким стилистическим заданием употреблено наречие *окрест*? Покажите на анализе текста уместность или неуместность этого слова в данном художественном контексте.

1. Вот свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
Ни тому, кто не понял вещания звезд,—
Нестерпим окружающий мрак,

А. Блок,
«Ты твердишь, что я холоден,
замкнут и сух...

2. Неужто свинцовой метелью
Земля запыляет окрест,
И снова в солдатских шинелях
Ребята уйдут от невест?

В. Лазарев. Березы

Ответ на с. 160

АНТОНИМЫ

В

«Мертвых душах»

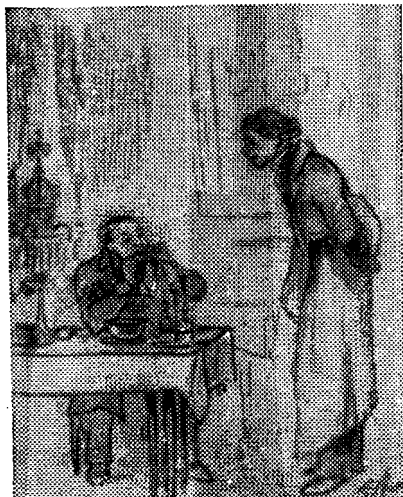
Н. В. Гоголя

Контраст, противопоставление — излюбленный прием Н. В. Гоголя, с чем связано широкое использование им антонимов.

Функции антонимов в поэме «Мертвые души» различны. Одни антонимы конструктивно организуют текст, другие оттеняют определенные черты характеров персонажей, третьи выступают в нейтрализующей роли, четвертые — в уточняющей.

Антонимы, выражающие координационные понятия, представлены существительными, прилагательными и наречиями, обозначающими время и место (утро — вечер, зима — лето, ранний — поздний, прежде — теперь, раньше — позже, сегодня — завтра; наружный — внутренний, верхний — нижний, справа — слева, вверху — внизу, вдали — вблизи), и составляют пространственное или временное обрамление текста. Такова, например, зарисовка гостиницы, в которой остановился Чичиков: «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою...» (Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. VI, Л., 1940—1952, с. 8).

В «Мертвых душах» Гоголь описывает всю Русь. Поэтому он прибегает к обобщениям, типиза-

*«Мертвые души». Чичиков
и трактирный слуга.
Рисунок А. Агина. 1846*

*«Мертвые души». Приезд
Чичикова в город NN
Акварель Петра Соколова.
70—80 годы XIX в. →*

ции явлений, изображая типичный город, типичную гостиницу, типичные факты русской жизни. Устойчивость, постоянность изображаемого достигается не только указанием на то, что «...гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах...», но и антонимами.

Картина проливного дождя, вымочившего до нитки Чичикова по дороге к Собакевичу, рисуется Гоголем также при помощи антонимов, выражающих пространственные понятия. С их помощью писатель как бы обновляет семантику фразеологизма «хлынуть как из ведра», создавая реалистическое описание дождя: «Наконец громовой удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг как из ведра. Сначала, принявши косое направление, хлестал он в одну сторону кузова кибитки, потом в другую, потом, изменивши образ нападения и сделавшись совершенно прямым, барабанил прямо в верх его кузова...»

Н. В. Гоголь — мастер характеризующих деталей, ярко раскрывающих внутренний мир его персонажей. Например, читатель на основании внешних деталей в описании мостовой, ведущей к дому Плюшкина, деревенских строений, самого имения, дома подготавливается к тому, что владельцем имения является именно такой помещик, как Плюшкин. В создании этих выразительных деталей не по-

следную роль играют антонимы, которые усиливают картину всеобщего запустения: «Скоро однако же дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатой мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и неберегавшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб...»; «Из-за хлебных кладей и ветхих крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того, как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся»; «Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы».

Антонимы с временным значением оттеняют не только последовательность событий, но и те или иные черты характера персонажей: например, любознательность Чичикова («...он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор, о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь...»), его умение приспособливаться к любым жизненным обстоятельствам («С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни душевными, ни телесными силами, писал он, погрязнув весь в канцелярские бумаги...»),

страсть к деньгам, стяжательству («Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему лучше выдать деньги завтра, а не сегодня»).

При раскрытии характеров персонажей, показе их социального положения Гоголь использует антонимы, выражающие качественную противоположность понятий (оценочные существительные, качественные прилагательные и т. п.): достоинство — недостаток, толстый — тонкий, молчаливый — разговорчивый, молодой — старый.

Вспомним мужскую половину светского общества города NN: «Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам... Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то-есть не так чтобы слишком толстые, однако же и не тонкие... Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям, или только числятся и виляют туда и сюда... Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а всё прямые...»

Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам «Мертвых душ» показывают, как взыскательно относился Гоголь к выбору антонимов. В материалах к главе восьмой находим варианты зарисовок чиновничьего мира: 1) «Что касается до благовидности, то и в этом нельзя было найти в них ничего, что бы было неприлично. Известное дело, что очень дурно быть (невзрачну собою) худенькому или низенькому: никогда почти не получить важного места, а толщина то же, что чин. Толстому сейчас дадут место: надежный человек».

2) «Другие люди эти тоже были насчет благовидности уже нечего и говорить: читатель видел, что между ними никогда не было какого худенького и чахоточного, а все народ был взрачный и таки в теле... все слава богу, словом, такой, как нужно для занятия хороших и надежных мест».

3) «Танцы для молодых. Карты для почтенных людей».

Как и в окончательной редакции, в основе черновых набросков лежит принцип противопоставления людей по их социальному положению. Варианты интересны прежде всего в плане поисков писателем антонима к слову *толстый*, наиболее точно выражающего общественные контрасты. Гоголя, видимо, не удовлетворили контекстуальные антонимы *худенький* — *толстый*, *взрачный* — *худенький* и *чахоточный*, *молодые* — *почтенные люди*. Он остано-

ливается на антонимах *толстый* — *тонкий*, ставших после него и А. П. Чехова показателями социального преуспеяния или непреуспеяния.

Иногда портретные зарисовки строятся не на противопоставлении антонимов, а на их отрицании, что приводит к нейтрализации их семантики. Писатель великолепно использует такой прием для показа серости и заурядности своих персонажей, отсутствия в их характерах ярких привлекательных черт. Таков «рыцарь копейки» — Павел Иванович Чичиков: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако же и не так, чтобы слишком молод».

Портрету Манилова Гоголь предпослал пейзажную зарисовку, дошедшую до нас в двух редакциях.

Первая сохранившаяся редакция:

«Погода в это время очень кстати прислужилась к пополнению этой картины. День был не то ясный, не то серый...».

Окончательная редакция:

«Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светлосерого цвета...»

В окончательной редакции Гоголь изменяет характер эпитетов-антонимов.

В композиции «Мертвых душ» важное место занимают лирические отступления. «Мертвые души» — самое задушевное произведение Гоголя. В нем выражены эстетические и общественные идеалы писателя, его вера в будущее России.

Сам Гоголь высоко ценил такое качество писательского мастерства, как лиризм, видя в нем необходимое свойство поэтического таланта. Лирическая поэзия, по словам автора «Мертвых душ», «есть чистая личность самого поэта и чистая правда», в ней «отчет ощущений самого поэта», который повсюду высказывает «личные тайны ... собственной души».

В поэме лирические отступления контрастируют с реалистическими описаниями. Так, в лирическое отступление «Русь» включаются реплики Чичикова и фельдъегеря: «„Держи, держи, дурак!“ кричал Чичиков Селифану.— „Вот я тебя палашом!“ кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин». Гоголь находил, что такое смешение стилей усиливает патетическое звучание лири-

ческих отступлений. Стиль лирических отступлений создается специальным отбором лексики, использованием риторических фигур, тропов и т. д.

Многие лирические отступления художник перерабатывает по несколько раз. Сопоставление разных редакций показывает напряженные поиски Гоголем нужного ему слова.

Черновой набросок:

«И долго еще определено мне чудной властью итти об руку с моими странными героями сквозь смех и мгновенные неведомые миру слезы, всю проносящуюся мимо текущую жизнь озирать сквозь яркий... и искренние неведомые миром слезы».

Окончательная редакция:

«И долго еще определено мне чудной властью итти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

Формулируя одну из особенностей своего художественного метода — соединение юмора с сатирой, Гоголь первоначально использует одну пару антонимов: *смех* — *слезы*. В Окончательную редакцию Гоголь вводит новые антонимы *видный* — *незримый*, чем не только усиливает контрастность сопоставления, но и придает ему особую яркость и образность.

В Черновом наброске антонимы лирического отступления по поводу внезапной смерти прокурора отсутствовали: «Еще одна жизнь убежала из мира, и все совершилось в одну минуту».

Использование антонимов в Окончательной редакции сообщает сцене больший драматизм: «А между тем появление смерти так же было страшно в малом, как страшно и в великом человеке...»

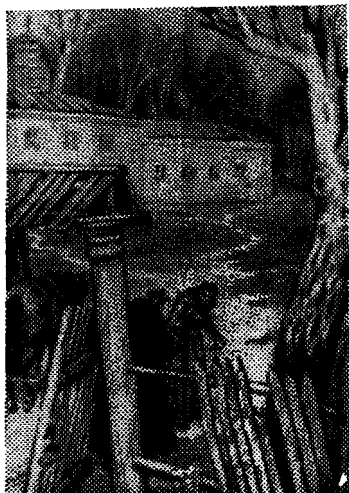
И еще сопоставление.

Черновой набросок:

«Манилова ли, Коробочка ли, к чему в них пристально всматриваться? Хозяйственная ли жизнь, или не хозяйственная, зачем их сравнивать, лучше мимо и быстрее проходить все. Иначе веселое мигом обратится в грустное, если только долго остановиться перед ним, и бог знает, какие тогда набредут мысли...»

Окончательная редакция:

«Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь или не хозяйственная — мимо их! Не то на свете дивно

«Мертвые души».
Чичиков у Плюшкина.
Черная акварель А. Лаптева.
1951

устроено: веселое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда бог знает, что взбредет в голову».

Правка Гоголя состояла прежде всего в сокращении текста. Далее он заменяет прилагательное *грустный* на *печальный*, замена прилагательных усиливает контрастность в описании светлых и мрачных сторон жизни.

Как средство поэтической выразительности антонимы используются автором «Мертвых душ» и для осуществления приема антитезы.

Осмеивая чинованию и чиновопочитание, Гоголь пишет: «Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии... Прометей, решительный Прометей!... В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем делается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку!».

Слова *Прометей* и *муха* противопоставлены по значению. Но противопоставление носит индивидуальный, авторский характер, оно возможно только в данном контексте.

Еще пример антитезы с авторскими антонимами: «Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню ... старался я угадать, кто таков сам помещик ... весельчак ли он сам или хмурен, как сентябрь в последних числах...». Антонимы принадлежат к одной и той же части речи, и поэтому нельзя считать антонимами в точном смысле слова существительное *весельчак* и прилагательное *хмурен*. Однако, в приведенной цитате очевидна антонимичность семантики этих слов. *Весельчак* и *хмурен* — контекстуальные, авторские антонимы.

Н. В. Гоголь правил этот текст несколько раз, особое внимание обращая на выбор антонимов. В «Первой сохранившейся редакции» читаем: «...весельчак ли он сам, или сурьезен, глядит в окно и читает один календарь», то-есть к существительному *весельчак* индивидуальным антонимом было прилагательное *серьезен*, что, конечно, менее удачно, чем *хмурен*.

Черновой набросок к шестой главе первого тома «Мертвых душ» позволяет проследить работу писателя над антонимами *узкий* — *широкий*.

«Когда подъезжал я к какой-нибудь деревушке незнакомого помещика, я смотрел с любопытством на какую-нибудь неможжно непохожую на обыкновенные ветряную мельницу, на узкую, высокую деревянную колокольню или широко разъехавшуюся старую деревянную церковь». Антонимичность семантики слов *узкий* и *широко* бесспорна, но это не антонимы. В Окончательной редакции наречие *широко* заменено Гоголем на прилагательное *широкую*: «...смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь».

Образ Плюшкина, как известно, завершает галерею мертвых душ. В «Первой сохранившейся редакции» несоответствие нищенского облика Плюшкина его социальному положению выражалось конструкцией с противительным союзом *но*: «Но [между тем] это был помещик, да и какой помещик!». В Окончательной редакции Гоголь с помощью контекстуального антонима усиливает противопоставление: «Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик».

Принцип противопоставления положен Гоголем и в само название произведения — «Мертвые души». Антонимия — отражение системных отношений в лексике, фиксирующихся в сознании человека. Поэтому наименование

одного члена антонимического ряда (в данном случае *мертвые*) неизменно порождает в сознании читателя ассоциативную связь с другим противочленом. В самом тексте поэмы антонимическая пара слов — мертвые души — обыгрывается несколько раз: «Народ мертвый, а плати как за живого», «Да кто же говорит, что они живые? Потому-то и в убыток вам, что мертвые...», «Подумайте не о мертвых душах, а <о> своей живой душе, да и с богом на другую дорогу.».

Не случайно А. И. Герцен писал: «Гоголь чувствовал, — и многие другие чувствовали с ним — позади мертвых душ души живые». Живые души — это народ, вера в который и составляет пафос поэмы. Пафос «Мертвых душ» В. Г. Белинский усматривал в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким народным началом. Выражению этого кричащего противоречия крепостнической России служила вся система художественных средств Гоголя. Мы остановились только на одном из них — антонимах, стараясь показать их функции в тексте.

Сравнение разных редакций «Мертвых душ» показывает, как тщательно Гоголь работал над лексикой своих произведений, в данном случае над антонимами, добываясь предельной точности, ясности и красочности языка.

Б. И. МАТВЕЕВ

«Гоголь стремился к тому, чтобы в его творчестве живое и меткое слово отражало „как в зеркале предмет“. В языке Гоголя весь смысловой строй слова приходил в движение и сиял яркими красками художественной выразительности. Тонкие смысловые оттенки слова, его стилистические нюансы, его связи с параллельными, синонимическими выражениями, его звуковые переключки с другими словами далекого значения (омонимами) — все это учитывалось Гоголем и активно использовалось для художественно-изобразительных целей. Все эти потенциальные выразительные ресурсы слова служили великому художнику средством идейного замысла».

В. В. Виноградов

●

**Язык
и стиль
повести
Н. В. Гоголя
«Тарас
Бульба»**

●

Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» по своему языку и стилю — оригинальнейшее явление в русской художественно-исторической литературе 30—40-х годов XIX века. В этой повести-эпопее, повести-думе органически объединились, как отмечал В. В. Виноградов, «разные и притом далекие, даже как будто противоречивые, экспрессивные средства и художественные стили: беззаботный юмор и высокий гражданский пафос, народно-песенный лиризм и торжественно-эпический стиль, новые качества реалистического изображения и многообразные элементы романтизма» (В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, М., 1959, с. 602).

Вслед за Пушкиным, который ставил перед историческим романистом задачу «воскресить минувший век во всей его истине», Гоголь придавал большое значение глубокому художественному проникновению в прошлое, реалистическому воспроизведению отдаленных событий и характеров в их конкретно-исторических, национальных формах, «чтоб народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и costume, в каком был он в минувшие времена» (Н. В. Гоголь. О преподавании всеобщей истории, Полное собрание сочинений, т. 8, М., 1952, с. 27). В целях колоритного, конкретно-исторического описания запорожской казацкой вольницы XV столетия Гоголь тщательно изучал исторические источники, как «Описание Украины» фран-

цузского инженера Боплана, «Летописное повествование о Малой России» Ригельмана, «История о казаках запорожских» Мышецкого, «История Малой России» Бантыш-Каменского и многие другие.

Формально основные герои повести «Тарас Бульба» являются вымышленными. Но быт и нравы украинского казачества XV века описаны Гоголем с исключительной достоверностью, на документальной основе, поэтому историческое повествование в целом и по содержанию, и в деталях носит глубокий конкретно-исторический характер. Историзм проявляется и в языке произведения. В повествовании нет внешней, нарочитой стилизации, и тем не менее колорит эпохи и социальной среды ярко воспроизводится посредством умелого сочетания конкретно-исторических наименований, слов и форм, несущих на себе отпечаток украинской народной экзотики, элементов яркого народного просторечия. Немногими, но яркими языковыми средствами Гоголь стремится воспроизвести, передать самый дух народа того отдаленного времени.

Речевые характеристики героев, их диалоги у Гоголя даны в целом на русской языковой основе. Но в них очень искусно вкраплены колоритные элементы украинской народной языковой стихии, воссоздающие особенности казацкого образа жизни, типические черты казацкой речи. Часто это наименования лиц, предметов, явлений общественной жизни, позволяющие писателю в точных речевых формах воспроизвести далекое прошлое: *куреной агаман, кошевой, войсковая скарбница, бандура, бандурист, рада, шаровары, чуб, чуприна, оселедец* и т. п. Нередко также — это слова, словоформы, выражения, выполняющие в основном функцию национально-речевой стилизации, как *батяка, горелка* (в украинском *горилка*), *Сичь, люлька, утекать* (в укр. *утикати*), *пошарковаться с товарищами* и т. п.

Характерные особенности речи прошлого Гоголь очень тонко передает посредством выразительных прозвищ: «Остап и Андрий слышали только приветствия: „А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!“... „Ты как сюда зашел, Долого?“ „Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?“ И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно; и тут понеслись вопросы: „А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?“ И слышал только в ответ Тарас Бульба, что *Бородавка* повешен в Толопане, что с *Колопера* содрали кожу..., что *Пидсышкова* голова поселе-

на в бочке и отправлена в самый Царьград.— Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: „Добрые были козаки“» (цитируется по изданию: Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в шести томах, т. 2, М., 1952). На стилистическом обыгрывании колоритных прозвищ автор строит чрезвычайно драматичный и вместе с тем исполненный глубокого народного юмора диалог запорожских казаков во время выборов нового кошевого: «— Что значит это собранье? Чего хотите панове? — сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! Клади, чертов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше! кричали из толпы казаки...

— Кого же выберете теперь в кошевые? — сказали старшины.

— Кукубенка выбрать! — кричала часть.

— Не хотим Кукубенка! — кричала другая.— Рано ему, еще молоко на губах не обсохло!

— Шило пусть будет атаманом! — кричали одни.— Шила посадить в кошевые.

— В спину тебе шило! — кричала с бранью толпа.— Что он за козак, когда проворовался, собачий сын, как тарарин? К черту в мешок пьяницу Шила!

— Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

— Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!

— Кричите Кирдягу! — шепнул Тарас Бульба некоторым.

— Кирдягу! Кирдягу! — кричала толпа.— Бородатого! Бородатого! Кирдягу! Шила! К черту с Шилом! Кирдягу!... Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал».

Используя русское просторечие для стилизации речи украинских казаков XV столетия, Гоголь последовательно сохраняет чувство меры и отбирает лишь такие слова, выражения, формы, которые имеют определенную историческую соотнесенность с описываемой эпохой и средой. Он критически относится к тем романистам, которые придерживались установившегося в 30—40-е годы шаблона стилизовать старинную речь в историческом жанре непременно под говор современных мужичков. В рецензии на исторический роман «Основание Москвы, или смерть боярина Степана Ивановича Кучки» И. К... ва (1836) Н. В. Гоголь, характеризуя распространенный, стандартный стиль русского исторического романа и повести того

*«Тарас Бульба». Встреча Тараса с сыновьями.
Автолитография Павла Соколова. 1862*

времени, писал: «Автор обыкновенно заставляет говорить своих героев слогом русских мужичков и купцов, потому что у нас в продолжение десяти последних лет со времени появления романов в русском кафтане возникла мысль, что наши исторические лица и вообще все герои прошедшего должны непременно говорить языком нынешнего простого народа и отпускать как можно больше пошлиц...» (с. 202).

Стремясь преодолеть установившийся стандарт, шаблон в стилизации речи отдаленной эпохи, Гоголь обращается к языковым источникам народного украинского художественно-словесного творчества, к языку народных украинских песен, дум, легенд. В статье «О малороссийских песнях» (1834) Гоголь писал: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа... Историк не должен искать в них [песнях] показания дня и числа битвы... но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий... народа, когда захочет выпытать дух минувшего века..., тогда он будет удов-

летворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии». В письме к Максимовичу он восклицает: «Моя радость, жизнь моя, песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!...» (Письма Н. В. Гоголя. Под редакцией В. И. Шенрока, т. 1, СПб., 1901, с. 621).

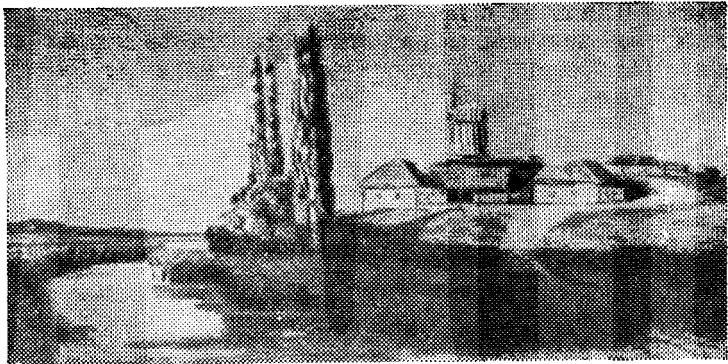
Красочные языковые средства украинского и русского народного творчества Гоголь интенсивно использовал в своей повести. Это прежде всего постоянные эпитеты, почерпнутые писателем из народных песен и дум (*добрый козак, добрый конь, чистое поле, храброе войско, вострый нож, горячая пуля, сырая земля, горькая доля, лютая смерть, вражий лях, чернобровая козачка, червонные мониста*), народно-поэтическая фразеология (*предать честно земле, положить головы, богатырская удаль, истоптать конем; клятву преступить, святая вера, стоять за веру, христианская земля, поганый татарин, бусурманский обычай*), гиперболы фольклорного характера («Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел»), сравнения («И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю»; «Как хлебный колос, подрезанный серпом,.. повис он головой и повалился на траву»; «Ключом хлынула вверх алая, как надречная калина, высокая дворянская кровь»). Нередко писатель искусно инкрустирует в стиль повествования почерпнутые из народных былин своеобразные поэтические формулы: «...Где прошли незамайновцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулоч». По принципу устного народного творчества в повести строятся многие образы, эпизоды, сцены. Так, чтобы колоритнее передать воспоминания Тараса Бульбы о давно минувших казацких подвигах, его глубокую печаль о погибших товарищах и сыновьях, Гоголь использует характерный для фольклора прием сравнения битвы с большим пиром: «Все положили головы, все погибли... и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травой когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая „Лучше б и не было того пира“».

Из языка народной поэзии писатель заимствует и творчески использует различного рода повторы: «И дал совет

поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки»; «Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка». Лексико-синтаксические повторы позволили писателю ярко воспроизвести ритмомелодику живой народной речи и вместе с тем придать ей высокое гражданско-патетическое звучание. Наглядным примером этого может служить речь Тараса Бульбы о товариществе: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей... Нет, братцы, так любить, как русская душа,— любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седею головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может!... Пусть же знают они все, что такое значит в русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать,— так никому из них не доведется так умирать!...». Широко используемые здесь повторы сопровождаются синтаксическим параллелизмом конструкций, характерным для народных песен синтаксическим и смысловым противопоставлением («Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей»... Умные люди, да не те; такие же люди, да не те!), союзным и бессоюзным нанизыванием однородных членов и предложений под стиль народного сказа («И города были пышные, и храмы, и князья...»; «...Сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седею головою, и усом моргнул»; «...Гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает») и т. п.

Широко используя языковые средства народно-поэтической украинской и русской речи, Гоголь вместе с тем далек от внешней стилизации языка повести под фольклор: «Слившиеся с литературным языком во всем его сложном богатстве, отшлифованные рукою гениального художника, элементы народно-песенной речи в повести выступают в новом свете, несут на себе печать индивидуальной манеры писателя» (Н. Ю. Шведова. Принципы исторической стилизации в языке повести Гоголя «Тарас Бульба». Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. III, М., 1953, с. 61). Они тонко сочетаются у Гоголя с речевыми средствами других стилей, других сфер, в частности с элементами высокой книжно-эпической речи, связанной с традициями «Слова о полку Игореве». Это очень заметно проявляется, например, в синтаксисе, в частности в широком использовании характерных для традиционной книжно-эпической речи высокого содержания различных по синтаксической структуре периодов: «Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто торчащими их белыми костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями! Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами. Будут, налетев, орлы выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! Не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошокка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист с седою по грудь бородою, а может еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них».

Высокая книжно-эпическая патетика в повести Гоголя органически сочетается с проникновенным лиризмом, который создается авторским обращением к героям и авторской эмоциональной оценкой описываемых событий: «Не добивай, козак, врага, а лучше повернись назад! Но не повернулся козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею»; «Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска!... Но поздно подоспели козаки... И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под

Украинская ночь. Картина А. Куинджи

руки и понесли к небесам». Авторская оценка событий и характеров у Гоголя неотделима от мироощущения самих героев. Она дается в свете их представлений, их психологии. Такова, например, оценка поступка Андрея, покинувшего навсегда ночью вместе со служанкой-татаркой казачий табор: «И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства!» Оценка и в смысловом отношении, и в стилистическом дана как бы от самих запорожских казаков. Благодаря этому с авторским текстом органически соединяются, образуя смысловое и стилистическое единство, слова самого Тараса: «Чем бы не козак был?... Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

Сочетая различные принципы изображения прошлого, в частности глубокий реализм с народно-песенной, былинной романтикой, Гоголь сумел правдиво и выразительно воссоздать картины героического прошлого из жизни украинского народа. Он открыл неиссякаемый источник языковых средств для русского и украинского исторического жанра, каким является устное народное творчество, и дал блестящий образец их мастерского использования. Гоголевские традиции широкого использования в историческом жанре языка народной поэзии благотворно сказались на дальнейшем развитии стилистики русского исторического романа. Гоголевское влияние заметно проявилось, например, в языке исторических произведений А. К. Толстого. Гоголевские приемы создания проникно-

венного лиризма с яркой народно-песенной окраской нашли свое дальнейшее развитие в творчестве крупнейших мастеров советского исторического романа А. Толстого, В. Шишкова и других.

М. Н. НЕСТЕРОВ

Николаев

«С Гоголя водворился в России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление».

В. В. Стасов. Гоголь в воспоминаниях современников. 1952.

«Нет слова, которое бы было так замашисто, бойко, так вырывалось из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Н. В. Гоголь. Мертвые души.

«Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи».

Н. В. Гоголь. Предметы для лирического поэта в нынешнее время. 1844.

«...сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая с одной стороны высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека,— язык, который сам по себе уже поэт...».

Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенности. 1845.

РИФМОЙ

«СВОБОДНОЙ И СМЕЛОЮ»

О поэзии В. С. Курочкина

Василий Степанович Курочкин — один из выдающихся представителей лагеря революционной демократии 60—70-х годов прошлого века, редактор широко известного в те годы сатирического еженедельника «Искра», видный поэт, блестящий переводчик стихов и песен Беранже. Поэт принимал активное участие в революционном движении своей эпохи, с осени 1861 года состоял в тайном обществе «Земля и воля».

Имя В. С. Курочкина в 60-е годы в демократических кругах пользовалось огромной популярностью и называлось вслед за именами Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова.

Идейные и литературные противники поэта-сатирика утверждали, будто его произведения не имеют ничего общего с искусством, и предрекали им короткую жизнь: такова, дескать, участь всех стихотворений, написанных на «злобу дня». Однако прошло уже более ста лет со дня смерти поэта, а произведения его живут и восхищают современного читателя своей идейной глубиной, сатирической остротой, выразительностью «полемиического» языка.

«Искра», редактором и одним из авторов которой В. С. Курочкин был с 1859 по 1873 год, оперативно откликалась на политические и литературные события эпохи, печатала сатирические стихи, фельетоны, переводы, публицистические статьи. Журнал пользовался огромной популярностью у современников, играл в Петербурге роль «Колокола».

В. С. Курочкин находился на «переднем крае» литературной и политической борьбы эпохи. Власти видели в поэте-сатирике своего противника и установили за ним секретный надзор. Не раз у него производились обыски, а

в 1866 году поэт был арестован и два месяца содержался в Петропавловской крепости в связи с расследованием по делу Каракозова, стрелявшего в императора Александра II — «освободителя». Через два года после этого ареста полиция дала поэту весьма своеобразную аттестацию: «нигилист и мало дает надежды к исправлению».

Царская цензура не давала «искровцам» в полной мере выражать свои антикрепостнические настроения и демократические симпатии. Приходилось, что называется, и «сдерживать» себя, и прибегать к «эзопову языку», чтобы обойти цензуру и донести до читателей свои передовые идеи и настроения. Нередко стихам о современности давались подзаголовки типа «Из былых времен» («Природа, вино и любовь»); свои, оригинальные стихи печатались как переводы («Великие истины»), а в действительные переводы включалась русская тематика («Навуходоносор») и т. д. Наиболее резкие по своей социальной направленности произведения вообще не попадали на страницы печати и распространялись в рукописных списках или издавались за границей. Такова судьба стихотворения «Двуглавый орел», в котором В. С. Курочкин наиболее резко обличает русское самодержавие.

«Дерзостное неуважение верховной власти» В. С. Курочкин продемонстрировал и в пьесе-переделке «Принц Лутоня». Он изобразил в ней произвол, казнокрадство, лакейство и карьеризм «придворных шалопаев», их дворянскую спесь и лицемерие, пренебрежение к народу; высмеял искусство, прославляющее «кесарскую» власть; показал тяжелое положение крестьянства, ограбленного аграрной реформой.

Во многих стихотворениях поэт «рифмой свободной и смелою» выступает против общества, «Где превыше человека // Ставят шпоры и мундир, // Где уму простора нету, // Где бессмысленный силен...» («Старая песня») (Цитируется по изданию: «Поэты «Искры», т. 1, Л., 1955). Поднимаясь от иронии до сарказма, изображает он тунеядство правящих классов, взяточничество и лихоимство («Знаки препинания», «Жалоба чиновника», «Старичок в отставке»), пошлость и безнравственность («Общий знакомый», «Счастливец»). При этом автор нередко ведет свой иронический рассказ от имени «благонамеренного» человека, «изнутри» раскрывает «благородную» натуру своего героя и, доводя до абсурда его утверждения, добивается высокого комического эффекта в разоблачении представителя гос-

подствующего класса. Так, стихотворение «Жалоба чиновника» начинается словами:

Человек я хорошего права —
Право!
Но нельзя же служить, как известно,
Честно.

Характерно, что В. С. Курочкин вслед за Н. А. Некрасовым разрабатывает жанр стихотворного сатирического фельетона. В ряде случаев стихотворения поэта первоначально являлись частью его прозаических фельетонов. К отдельным поэтическим произведениям (например, «Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию») давались прозаические примечания, полные авторского остроумия, сарказма. Таким образом, поэзия в творчестве В. С. Курочкина иногда сливалась с публицистически заостренной прозой.

Обличая дворян и чиновников, поэт в то же время пишет стихи, полные сочувствия к человеку труда, провозглашает право честного труженика на независимую жизнь, любовь, счастье, показывает его презрение к угнетателям («Завещание», «Мудрость бедняка», «Весенняя сказка», «Принц Лутона»).

В. С. Курочкин мечтал о лучшем будущем народа и считал, что «святое дело» его освобождения может быть достигнуто путем свержения самодержавия. Именно в этом плане поэт вспоминал «о 25-м годе» и Пугачеве («Долго нас помещики душили»).

Он чувствовал обреченность старого мира, надеялся на революционное преобразование буржуазного строя, верил, что в конце концов социальная справедливость восторжествует. Этой верой в лучшее будущее пронизаны строки стихотворения «Тик-так! Тик-так!»:

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов понятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

Понимая, что аграрная реформа 1861 года — обман трудящихся, поэт резко критиковал либеральное дворянство, которое восхищалось «достигнутым», всячески превозносило эпоху «гласности». Ведь по существу, говорил поэт,

ничего не изменилось: по-прежнему живы Простаковы, Скотинины, Ноздревы, Коробочки, Молчалины («Семейная встреча 1862 года»). Крики либералов *о прогрессе, об мужичках* — всего лишь пустая болтовня.

Поэт нередко использует в своих произведениях терминологию дворянских публицистов, выставляя на всеобщее осмеяние их «высокие» слова: «Он говорит гуманно, кудревато *об мужичках*»; народ в лексике либералов — «младший брат»: «Мы шествуем путем преуспеванья», «Во всем прогресс! С его победным ходом//В понятиях везде переворот» («На масленице»).

При торжестве «гласности», как показывает поэт, по-прежнему сохраняется цензурный гнет, и можно лишь «возвещать» общеизвестные «великие истины», вроде таких:

Для варки шей нужна капуста;
Статьи потребны для газет;
Тот кошелек, в котором пусто,
В том ни копейки денег нет;
День с ночью составляют сутки;
Рубль состоит из двух полтин;
Желают пищи все желудки
Одиножды один — один.

Великие истины

Последняя строка, завершая каждую строфу, подчеркивает ироническое отношение автора к либералам. Подобное повторение строки-рефрена в конце строфы, куплета характерно для многих произведений поэта.

В. С. Курочкин активно участвует в литературной борьбе эпохи, выступая за утверждение реалистического метода в литературе и искусстве. На страницах журнала «Искра» он ведет полемику со своими противниками, которые, надевая «халат» «искусства для искусства», уводили читателя от острых социальных проблем, выступали против демократической литературы.

Отвечая на упреки своих противников, будто «искровцы» — «на смех стихотворцы», поэт писал:

Ну да! Мы пишем на смех людям;
Смешим, по милости небес,
И до тех пор смешить мы будем,
Пока задерживать прогресс
Стремятся мрака ассистенты,
Глушцов озлобленная рать,—
И на смех критики писать
Дерзают горе-рецензенты.

Возрожденный Паиглосс

В литературной борьбе «искровцы» в выборе слов и выражений не стеснялись. Когда один из рецензентов, упрекая В. С. Курочкина в невежестве, сам спутал Рабле с Вольтером, поэт дал ему «дружеский совет»: «Свежим воздухом дыши, // Без особенных претензий; // Если глуп — так не пиши, // А особенно — рецензий» («Дружеский совет»).

В. С. Курочкин, как и его друзья — «искровцы», нередко выступал с литературными пародиями на поэтов из либерального и реакционного лагеря, мастерски имитировал стиль и фразеологию пародируемых авторов.

Пародийные, полемические стихи В. С. Курочкина нередко включают в себя цитаты из русской классики: «Хоть видим в выпушках, петличках // И в полемических привычках, // Что вы не нашего полка» (Юмористическим чутьем) — у Грибоедова в «Горе от ума»: «А форменные есть отлички: в мундирах выпушки, погончики, петлички»; «Те дни, когда в восторгах млея» (Печальный рыцарь тьмы крошечной), «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи» (Казацкие стихотворения) — у Пушкина: «В те дни, когда в садах лица», «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи»; «Уж от жизни и от службы, видно, // Ничего мне не осталось брать» (В ресторане) — у Лермонтова: «Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть» («Выхожу один я на дорогу...») и т. д. Обращает на себя внимание «переосмысление» классики, которое создает ироническое отношение автора к герою.

В литературной борьбе 60-х годов В. С. Курочкин выступал в защиту писателей революционно-демократического лагеря и нападал на их гонителей — крепостников. В пьесе «Цепочка и грязная шея» он в резко сатирическом плане изобразил тех реакционных публицистов, которые травили вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского. Заметим, что здесь удачно используются образы, сюжетные ситуации и выражения комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Тут и графиня Хрюмина, и Хлестова, и княжны Тугоуховские. Действие, „по соображениям автора, перенесено из Москвы в Петербург“. В глазах реакционеров все «новые люди» — это вольтерьянцы, а их общественные выступления — предзнаменование «последних дней». Каждому «вольнодумцу» здесь грозят тем же, чем и в комедии А. С. Грибоедова: «Тесак ему и ранец!».

Так строки великого драматурга умело используются для борьбы с лагерем реакции, но уже в другую эпоху.

Когда появился роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и реакционная критика обрушилась на автора с градом упреков, обвиняя его в безнравственности, пустых утопических мечтах и т. д., поэт опубликовал ряд пародий на статьи, направленные против романа («Нет, положительно, роман «Что делать?» нехорош!», «Молодая жена! Ты „Что делать?“ взяла...»).

В. С. Курочкин, равно как и другие «искровцы», бичевал журналистов, нападавших на роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и сделавших слово *нигилист* бранным. Слово это стало как бы «лакмусовой бумажкой», выявлявшей — в зависимости от отношения к нигилистам — демократов или реакционеров. Когда цензор правит стихи поэта и вносит в них свои «мысли»; «Пью рюмку в день — и не терплю // Косматых нигилистов — пьяниц» (Природа, вино и любовь) — читателю ясно, что перед ним деятель реакционного толка.

Принадлежность В. С. Курочкина к революционно-демократическому лагерю сказалась на его отношении к слову — «строительному материалу» поэзии.

Если представители «чистого искусства» ратовали за особый поэтический язык — «язык богов», то В. С. Курочкин относился к «высокому» слогу насмешливо и в своих произведениях использовал все богатства народного языка, не стесняясь «прозаизмов» и простонародных слов. В «Принце Лутоне», например, они показывают принадлежность «принца» и Лутоники к народным низам, употребленные в речи придворных, эти слова демонстрируют господскую спесь: «Кланяйся пред этаким холопом!»; «Остолоп, так смотрит остолопом»; «Из лесу, так срублен топором»; «Мужичишко, дрянью дрянь, облом!».

В речи героев живет несколько преобразенная русская поговорка, поговорка, подчеркивающая мудрость представителей народа и их насмешливое, ироническое отношение к господам: «Что твой поп — завистливы глазищи», «Знай, сверчок...», «Хоть изба не красна углами» и т. д.

Пародийное звучание стиха достигается разными способами: поэт использует слова в противоположном их смыслу значении («Твой отец нажил *честным* трудом // Сотни тысяч и каменный дом») употребляет рефрен, расходящийся с основным смыслом стихотворения («Общий знакомый», «Счастливец» и другие); включает в текст харак-

терные словечки канцелярского обихода, штампы литературной журналистики («Я гласности умеренной, здоровой//Желал душой»); ставит в один ряд явления разного плана: «Чтобы везде, в углу, в подвале,// В тюрьме, в нетопленной избе,// Все также Новый год встречали,// Как мы, в роскошной этой зале,// Позабывая о себе!» (Сон на Новый год); прибегает к игре слов («Входят Молчалин и Загорецкий, выходят 70 № «Северной пчелы» и февральская книжка „Библиотеки для чтения“» (Цепочка и грязная шея); «И я бы Пушкина был другом,// Когда бы Пушкин был мне друг» (Стансы на будущий юбилей Бавия).

В. С. Курочкин высоко ценил роль поэзии в общественной жизни. В стихотворении «18 июля 1857 года», написанном в связи со смертью Беранже, он утверждал: «Угас поэт — народ осиротел». Все то, что делал В. С. Курочкин как поэт и редактор сатирического журнала, служило делу русского освободительного движения.

В поэтически выразительных стихах В. С. Курочкина мы слышим сегодня не только отзвуки идейной и литературной борьбы прошлого века, мы находим в них блестящее авторское остроумие, веселую шутку, большой «заряд» иронии, то есть все то, что говорит о большом оптимизме автора, глубокой вере его в светлое будущее, которое он определил как «солнце красное свободы».

П. А. БУЧЕНКОВ

ШКОЛЬНЫЕ ПРАВИЛА И ЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Вспомним правила, издавна изучаемые в школьном курсе грамматики: определение, стоящее перед определяемым словом, обособляется (и на письме выделяется запятыми), если относится к личному местоимению; определение, стоящее перед определяемым именем существительным, обособляется, если имеет оттенок обстоятельного значения. Например: «Усталая, она замолчала»

(М. Горький); «Разморенные жарой, люди двигались медленно, вяло» (В. Шукшин).

Читая, мы встречаемся со множеством других примеров. Рассмотрим некоторые из них.

1. «...в лесу было действительно сыро и, несмотря на конец сентября, очень еще зелено и густо. *Дождливая и безморозная осень не давала лесу выцветиться, пожелтеть*» (И. Велембовская).

Стоящие перед определяемым словом определения в данном контексте имеют оттенок причинного значения (Ср.: «Осень не давала лесу выцветиться, пожелтеть, потому что была дождливая и безморозная»). Однако это само по себе не делает их обособленными членами.

2. «*Одетая в валенки, шапку, шубку, Машенька смеялась-заливалась, вспоминая, как профессор высунул розовый язык и облизнулся*» (Г. Бакланов); «*Длинная, с огромными от худобы глазами, остриженная после болезни наголо, повязанная платочком, Катя до ночи сидела с книгой...*» (М. Прилежаева).

Выделенные определения, стоящие перед определяемым словом, именем существительным, не имеют оттенка обстоятельственного значения, но являются обособленными.

Не подчиняются приведенным правилам и такие конструкции:

3. «*Три года не затихавшие, смолкли военные громы*» (В. Кетлинская); «*Окрыленный, гордый невероятно столь ответственным поручением, полный энергии и жажды выполнить задание, ехал Андрей на станцию*» (В. Богомолов).

4. «*Первый мирный год... Еще разрушенная, еще живущая на скудном пайке, страна только-только начинала восстанавливать хозяйство*» (В. Кетлинская); «*Мастера обернулись на шум; весь красный, старшина еще какое-то время продолжал стоять, затем медленно пошел к выходу...*» (В. Богомолов); «*Ни на какой другой материк не похожа Антарктида... Прикрытый легким снежным одеялом, купол этот почти правильной сферической формы*» (В. Савин).

Когда при анализе текста в школе встречаются подобные случаи, на помощь обычно призываются дополнительные (подчас доморощенные) правила. Так, языковая практика (см., например, третью группу приведенных предложений) заставляет обычно знакомить учащихся с правилом, не входящим в школьный минимум об обособлении и выделении запятыми определений, стоящих перед определяемым существительным и отделенных от него другими словами (См.: «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956, с. 86—87). Для ответа на вопросы, вызванные предложениями типа тех, что даны во второй группе, учителя обычно прибегают к «правилу», в справочниках не зафиксирован-

ному и по существу правилом не являющемуся: если определяемое слово — имя собственное, то стоящее перед ним определение может обособляться [следовательно, может и не обособляться?]. Что же касается предложений четвертой группы, то по отношению к ним каждый ищет свой «выход из положения»: в большинстве случаев учителя (вслед за авторами учебников и пособий для школы) стараются уберечь учащихся от встречи с подобными конструкциями; если же она все-таки происходит, пытаются во что бы то ни стало найти в обособленном определении оттенок обстоятельственного значения.

Между тем именно в таких конструкциях признаки обособленных членов реализуются в наиболее «чистом» виде, не осложняясь дополнительными, сопутствующими, но отнюдь не обязательными характеристиками и условиями проявления.

Какие же это признаки? — Грамматическое значение полупредикативности (добавочного сообщения), наиболее характерное (хотя и не единственное) средство его выражения — интонация обособления, функция второстепенного сказуемого. Особенно отчетливо они выступают при сопоставлении конструкций, в которых один и тот же лексический и морфологический материал используется то в роли сказуемого, то в позиции обособленного члена, то в качестве необособленного второстепенного члена. Так, в произведении В. Липатова «И это все о нем», где одни и те же события раскрываются с точки зрения разных лиц и в разных временных планах, в одной из глав встречаем следующие зарисовки:

1. «Андрей Лузгин говорит, что Женя на царя Петра из кино походил. Это правда... *Он был тоненький, высокий, худой, но сильный*».

2. «...*тоненький, высокий, худой, но сильный*, задрав голову, бежал Женька Столетов по дороге, превратившейся в месиво всего за одни сутки».

3. «*Тоненький, высокий, худой, но сильный* Женька бежал к дому Анны...».

Если принять известную в лингвистике трактовку определения как «погашенного сказуемого», то промежуточное место обособленного члена в ряду категорий, выражающих сопоставимые грамматические значения (предикативное, полупредикативное, определительное), иллюстрируется приведенными примерами достаточно полно.

По установившейся в школе традиции (имеющей основания в характере рассматриваемого языкового материала) обособленные члены распределяются между тремя группами: обособленными определениями, обособленными приложениями, обособленными обстоятельствами. Между тем, став обособленными, определение и обстоя-

тельство приобретают такие значения, которые сближают их, делают сходными по выполняемой синтаксической роли. Рассмотрим с этой точки зрения следующие конструкции:

1. «Но, шумом бала утомленный и утро в полночь обратя, спокойно спит в тени блаженной забав и роскоши дитя» (А. С. Пушкин). 2. «Отец, вздохнув и очевидно смущенный, весьма скоро прервал свою речь» (Л. Н. Толстой). 3. «Она [вода] падала на землю и, прозрачная, веселая, сверкающая на солнце и тихо ворча, точно воображая себя сильным и бурным потоком, быстро бежала куда-то влево» (А. П. Чехов).

Что позволяет соединить в однородном ряду обособленные члены предложения, традиционно соотносимые с разными второстепенными членами (например: *прозрачная, веселая, сверкающая на солнце* — с согласованными определениями, а *тихо ворча* — с обстоятельством образа действия)? Сочинительные отношения между этими членами предложения оказываются возможными потому, что, став обособленными, последние приобретают новое, общее для них грамматическое значение и выполняют одинаковую функцию по отношению к одному и тому же члену предложения. В приведенных примерах это — функция второстепенного сказуемого, основанная на грамматическом значении полупредикативности и связи обособленных членов с подлежащим.

В новом школьном учебнике (курс VII кл.) в освещение темы «Обособленные члены предложения» внесены некоторые изменения. Однако попытка освоить нововведения, опираясь на прежнюю практику изучения данного материала, порой приводит к затруднениям и в конечном счете мешает понять смысл этих нововведений. Обратимся к фрагменту урока.

В VII классе сопоставляются предложения:

Василий Теркин воюет «ради жизни на земле» и верит в победу над фашизмом. — Василий Теркин, воюя «ради жизни на земле», верит в победу над фашизмом. Комментарии даются на основе нового освещения обособленного члена — как второстепенного сказуемого, выражающего добавочное сообщение, сопоставимого по значению с одним из сказуемых однородного ряда в исходном предложении. «Если в первом случае действия, обозначенные однородными сказуемыми, даны как равнозначные, — отмечает учитель, — то во втором случае одно действие передано как главное, а второе — как добавочное».

Но как быть с традиционным толкованием, в соответствии с которым, во-первых, деепричастный оборот всегда выступает в роли обстоятельства и, во-вторых, обособленный член «выделяется по смыслу»? Начинаются поиски обстоятельственного значения в деепричастном обороте: «В. Теркин верит ... как? когда? поче-

му?» — и хотя ни один из этих вопросов не подходит к деепричастному обороту в данной конструкции, обособленный член «подгоняется» все-таки под обстоятельство причины. Далее следует вывод учителя: «Обособленный член имеет два значения — обозначает добавочное действие и имеет значение обстоятельства причины, следовательно, приобретает большой вес, выделяется по смыслу».

Ясно, что последняя часть работы на уроке вызвала непроизводительные затраты времени и главное — привела к искусственному, не соответствующему языковой действительности решению.

Есть основания полагать, что нововведения, внесенные в последнее время в школьную грамматику с целью раскрыть существенные признаки рассматриваемых языковых явлений, могут придать изучаемым определениям и правилам большую объяснительную силу.

А. Ю. КУПАЛОВА

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

УЧИТЕСЬ ВИДЕТЬ ТЕКСТ

Ответ. См.: с. 90

В предложенном тексте *нарушена лексическая сочетаемость*. Перед нами распространенная, к сожалению, ошибка: неоправданно сближаются слова с противоположной эмоциональной окраской, принадлежащие поэтому к различным речевым пластам. Так, страдательное причастие *обречённый* (краткая форма — *обречён*), образованное от глагола *обречь* (видовая пара — *обрёкать*), возможно в сочетаниях таких: *обречен на неудачу, на провал, на гибель, на смерть, на позор и поношение* и т. д. Слово *обречен* допустимо только в эмоционально отрицательно-окрашенном контексте.

Лексическое значение слова определяет и его связи в предложении, возможный контекст: *обречённый* — «такой, которому предопределена, суждена гибель, полное крушение»; *обречь* (несов. вид *обрёкать*) — «предназначить к какой-нибудь неизбежной участи (обычно тяжелой)» — «Словарь русского языка» С. И. Ожегова.

В приведенном же для анализа случае слово *обречен* употреблено ошибочно, так как включено в контекст, несовместимый с лексическим значением данного слова. И поэтому все словосочетание («*обречен... на успех*») стоит в одном ряду с анекдотическими широко известными выражениями, как «*неминуемая радость*», «*скоропостижная победа*» и многими другими, цель которых — создание комического эффекта.

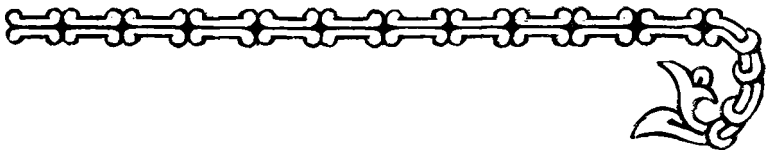
Практикум по стилистике подготовила Л. И. Еремина.

«ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ» НА РУСИ В XI ВЕКЕ

Специалисты в области древнерусской литературы давно отметили необычайно быстрый и яркий расцвет книжности в древней Руси. В. Н. Татищев, например, глубоко верил в высокую образованность, просвещенность русских людей XI—XIII веков (В. Н. Татищев. История Российская, кн. V, М., 1773; кн. III, М., 1774).

Русские люди XI века, как очевидцы событий, оставили оценки явлений, совершавшихся на их глазах и при их непосредственном участии. Давая характеристику культурному строительству при Ярославе Мудром, летописец в «Повести временных лет» под 1037 г. записал: «Как если бы один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил... Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное».

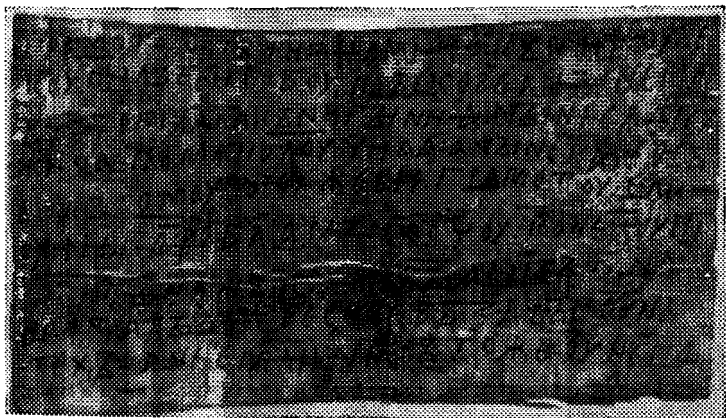
В последние годы гносеологи (гносеология — наука об источниках и границах человеческого познания) много пишут и говорят об «информационном взрыве», охватившем промышленно развитые страны мира. Во второй половине XX века сумма информации начала расти такими темпами, что даже ученые затрудняются освзнить всю литературу, выходящую по их специальности. Раздаются предупреждения о наступающем кризисе информации, о том, что человечество захлебнется в массе знаний, которую оно вырабатывает.

Однако столь пессимистические прогнозы не имеют достаточных оснований. История культуры показывает, что на разных этапах развития человечество переживало аналогичные взрывы и всегда их успешно преодолевало.

Такие выдающиеся ученые, как академики М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, член-корреспондент А. В. Арциховский и многие другие советские историки, литературоведы, искусствоведы, археологи провели огромную работу по изучению культуры Руси XI—XIII веков.

Массовый археологический материал, собранный в послевоенные годы, показал, что грамотность в домонгольской Руси получила значительно большее распространение, чем представлялось раньше. Надписи были обнаружены на многочисленных предметах быта рядовых граждан — керамике, пряслицах, деревянной посуде, утвари, на кирпичках, монетах, образцах оружия. Граффити встречаем почти во всех древнерусских храмах. Сенсационным открытием последних лет была находка берестяных грамот. Такое широкое распространение грамотности создало базу бурного развития древнерусской книжной культуры.

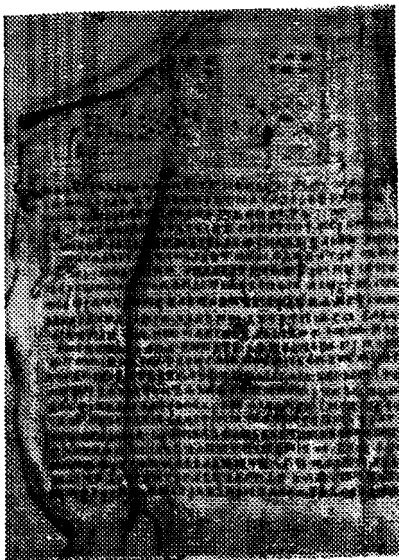
Многолетняя работа в Эрмитаже, изучение различных памятников культуры древней Руси позволяют нам сделать вывод, что в XI веке на Руси совершилось значительно более сложное и масштабное явление, чем просто расцвет или даже крупный скачок в развитии книжности. По-видимому, первым, кто обратил внимание на этот феномен, был В. И. Ламанский. В 1915 году он писал: «Необъяснимо и непонятно, как из 5—7-летних ребят, крещенных

по приказу княжескому в 990-х годах, мог через 30—40 лет явиться на Руси целый ряд известных и неизвестных деятелей христианской культуры, письменности и литературы... Кто решится утверждать, что таких писцов в половине XI века было очень и очень мало» (В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла, как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пгр., 1915). В 30-х годах XX столетия Н. К. Никольский пытался объяснить невероятный успех распространения просвещения в XI веке существованием древних, позже затушеванных византийским влиянием, связей с западным славянским миром (Н. К. Никольский. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры.— Сборник по русскому языку и словесности, вып. I. Т. II, АН СССР, Л., 1930).

Если рассматривать русскую культуру XI века во всем ее объеме и, особенно, духовную культуру, то, прежде всего, вызывают глубокое удивление и восхищение темпы и широта ее развития. Специалисты разных областей исторической науки потратили много сил и времени, пытаясь разобраться в знаках протокириллицы и других неупорядоченных алфавитов, которые существовали на Руси до X века. Попытки дешифровки предпринимали Е. Э. Гранстрем, Н. В. Энгватов, В. А. Истрин, Н. А. Константинов, Б. А. Рыбаков, И. А. Фигуровский и многие другие исследователи. Однако вывод из всех этих работ пока может быть только один — до введения кириллического письма на Руси не существовало письменности, способной передать сложную информацию. Утверждение кириллицы было колоссальным скачком, началом нового этапа в развитии всей русской культуры. Был создан древнерусский пись-

*Повесть временных лет.
Начало XII в.
Первая страница*

← *Надпись на бересте
XI в.*

менный язык. На его основе возникла древнерусская литература. При помощи своей письменности Русь получила из Византии и других стран огромную сумму информации по самым различным областям знаний раннего средневековья — богословию, философию, искусству, истории, юриспруденции, географии, астрономии, зоологии и т. д. Уже к середине XI века, то есть за отрезок времени, равный жизни одного поколения, Русь вышла, как бы сказали теперь, на уровень европейских стандартов в области культуры.

Качественный скачок в развитии русской культуры мог произойти тогда, когда общество получило в достаточном количестве средства хранения и передачи информации во времени и пространстве.

Таким средством была древнерусская книга, ставшая важнейшей составной частью самого процесса цивилизации. А. М. Горький писал, что книга — «...наиболее сложное и великое чудо из чудес, сотворенных человеком на пути его к счастью и могуществу» (М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941).

Древнейшая сохранившаяся русская датированная книга — Остромирово евангелие 1056–1057 годов во всех отношениях является подлинным шедевром «книжного строения». Четкий, красивый почерк, прекрасные миниатюры, умелая компоновка текста, логичность послесловия — все это говорит о том, что к середине XI века

уже сложилась и достигла высокого уровня русская традиция книжного мастерства.

Летописные записи утверждают, что на Руси книги впервые появились в конце X века, при великом князе Владимире Святославиче. А в 1037 году при Ярославе Мудром получили относительно широкое распространение (ИСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись, под 996, 1037 гг.). К концу XI столетия в обращении находилось несколько десятков тысяч рукописей. Среди них были книги светского и полусветского содержания.

Если охарактеризовать процесс распространения книг к XI веку языком математики, то придется говорить о бесконечно большой величине прироста, так как в начале отсчета, до 988 года книг практически не было.

Очевидно, есть основания утверждать, что в середине XI века на Руси произошел «информационный взрыв».

Совершенно естественно, что в условиях раннефеодального общества сам по себе, стихийно, он произойти не мог. Организаторами его не были ученые монахи, оторванные от жизни, копившие знания под защитой монастырских стен. Он не мог быть и результатом личной инициативы тех или иных удельных и великих князей. Для его осуществления нужна была единая, общегосударственная линия в вопросах долгосрочного развития культуры и, прежде всего, книжности.

Высокая книжная образованность сама по себе не является необходимой предпосылкой или следствием возникновения феодального государства. Чтобы занимать административные, хозяйственные, судебные и иные должности, вовсе не нужно было быть «книжным человеком», как говорили на Руси в XI—XIII веках.

Одна из особенностей древнерусского государства заключалась в том, что феодальное общество выросло в нем из доклассового, минуя рабовладельческую формацию. Русские феодалы XI века не обладали разработанным арсеналом средств идеологического воздействия, традиционными приемами и методами утверждения своего господства. С другой стороны, закрепощаемая и угнетаемая масса сельского и городского населения еще не успела забыть те времена, когда не было институтов раннефеодального государства. В связи с этим особенно возросло значение факторов идеологического воздействия и, прежде всего, религии. Старые языческие верования, сложившиеся в доклассовую эпоху, даже после попыток их модернизации, предпринятых великим князем Владимиром Святославичем, не годились для освящения новых общественных отношений.

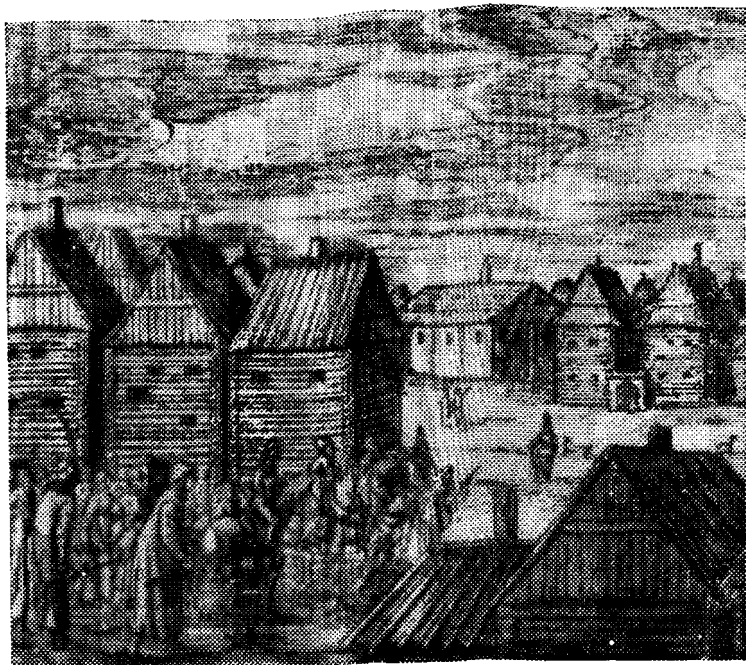
В структуре феодальных государств Европы церковь занимала одну из доминирующих позиций. Ф. Энгельс подчеркивал, что толь-

ко христианство является «... наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией... феодального строя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, изд. 2, М., 1956).

Один из первых русских епископов Лука Жидята, поставленный Ярославом Мудрым в Новгороде в 1036 году, хорошо уловил и точно выразил социальные функции христианства. В своих пасторских поучениях он неоднократно призывал — «Бога ся бойтесе, и князя чтите!».

Крещение Руси в 988 году не могло превратить языческую страну в христианское государство. Акт крещения на практике мог означать только официальное провозглашение христианства господствующей религией и запрещение языческих культов. В России христианство в его восточном варианте столкнулось с большими трудностями. Огромная территория, плохие коммуникации, редкое население, устойчивость языческих обрядов привели к тому, что христианизация миллионных масс разноплеменного населения затянулась на долгие годы и протекала далеко не мирно. Православие распространялось из крупных городских центров, охватывая сперва русское, а затем иноязычное население. На юге оно утвердилось значительно скорее, чем в лесистых районах севера и северо-востока страны. В конце X — начале XI веков деятели церкви и государства огнем и мечом прокладывали дорогу новой вере. Был разгромлен языческий пантеон древнерусских богов, разрушены капища, разбиты идолы, вырублены священные рощи. Языческие обряды заменены пышным, тщательно разработанным ритуалом церковного богослужения. Но выкорчевать из сознания людей языческие верования христианство не могло. Принятие новой веры означало глубокие сдвиги в психологии и мышлении древнерусского человека, то есть было длительным и мучительным процессом. Старые верования, связанные тысячами нитей с повседневной хозяйственной деятельностью широких народных масс, оказались чрезвычайно живучими. В результате сложного взаимодействия поверхностно усвоенного православия с остатками язычества появилось совершенно оригинальное *синкретическое* мировоззрение, которое современники удачно называли «двоеверием».

Есть основания утверждать, что уже в XI веке двоеверие получило широкое распространение. Многочисленные русские курганы, раскопанные как в дореволюционные, так и в советские годы, дают ценный вещественный материал о характере полуязыческих, полухристианских верований сельского населения древней Руси. На обширном материале древнерусских литературных памятников В. Л. Комарович доказал их широкое распространение и в княжеской среде (В. Л. Комарович. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. ТОДРЛ, т. XVI, М. — Л., 1960).

Работу В. Л. Комаровича, написанную более 30 лет назад, можно дополнить и расширить, включив в систему доказательств большое количество сведений, которые автор не использовал, а, возможно, тогда и не знал.

Так, например, памятники древнерусского ювелирного искусства подтверждают выводы В. Л. Комаровича. Золотые змевики, золотые колты, серебряные с зернью лунницы никак не могли быть предметами быта малообеспеченных слоев населения.

Другой характерной особенностью данного периода были ожесточенные взрывы классовой борьбы смердов и горожан. В сознании народа успехи христианства связывались с расширением феодальной эксплуатации и, естественно, что часто во главе восставших оказывались языческие волхвы, а само движение принимало антицерковный характер. Выступления смердов и горожан в 1024, 1066—1069, 1071, 1088 годах, а так же, вероятно, и другие, о которых мы не знаем, всегда жестоко подавлялись. Церковники и государственная власть хорошо понимали, что восстания — это только кульминационные точки религиозно-политической борьбы, сложной по составу

Шлем суздальского князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. XIII в. Слева деталь шлема

← Улица Москвы. XII в.

ву участников и не всегда единой по целям. В решительном наступлении на двоеверие феодальное государство и православная церковь широко использовали методы идеологического воздействия.

Православному духовенству в XI веке приходилось непрерывно решать множество философских, этических, юридических и иных вопросов. В свете христианского учения по-иному начали складываться семейные отношения, взаимоотношения между обществом и индивидуумом, феодальным государством и его гражданами. Церковь стремилась подчинить своему влиянию весь жизненный цикл христианина от рождения до смерти. Решать эти разнообразные, встающие на каждом шагу проблемы, нужно было в строгом соответствии с указаниями апостолов и отцов церкви, записанными в книгах.

В отличие от бесписьменных, примитивных представлений и неунифицированных обрядов язычества, а точнее его остатков в виде двоеверия, христианство с развитой системой идеалистического мировоззрения, метафизического направления, пышным и тщательно разработанным ритуалом богослужения не могло существовать

без письменности и высокой книжной культуры. Православие было одним из основных идеологических стѣлпов, на который опиралось феодальное государство. Но, с другой стороны, церковники широко использовали возможности государственного аппарата и его вооруженные силы для укрепления своего господства. В силу этого жизненные интересы церкви и государства настойчиво требовали обратить особое внимание на изготовление, распространение и почитание книги. Все это рассматривалось современниками как подвиг во имя церкви. Знание христианской литературы представлялось высшей добродетелью, а «книжный человек» как носитель средневековой учености ценился весьма высоко.

Академик Д. С. Лихачев первым обратил внимание на то, что организация переводов с греческого на древнерусский была предметом государственной заботы на Руси (Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952). Мысль Д. С. Лихачева можно развить дальше и сказать, что книжная культура во всем ее объеме стала делом государственной важности.

Правда, церковь и государство очень скоро вынуждены были монять, что книга сама по себе не всегда несла только основы христианской добродетели и служила феодальному государству. Наряду с «верочитными», уставными книгами начали проникать в обращение «отреченные», «сокровенные», которые либо в чем-то расходились с правоверной христианской литературой, либо в той или иной степени отражали взгляды двоеверцев. Возникает религиозная цензура. В этом вопросе, как и во многих других, церковь шла рука об руку с великокняжеской властью. Не случайно первые индексы рекомендованных и запрещенных книг были включены в Изборник 1073 г., написанный по распоряжению великого князя киевского Святослава.

В сложных и напряженных идеологических и политических столкновениях внутри русского общества XI века, в религиозных конфликтах, в борьбе с двоеверием книга превратилась в острое оружие. «Истинная» книга умело использовалась классом феодалов и церковниками для утверждения своего господства.

Производство, распространение и почитание ортодоксальной (ортодоксальный — последовательный, строго придерживающийся правильного учения) книги превратилось в одну из задач государственной политики, рассчитанной на длительное время. На ее решение выделялись большие силы и средства.

Все это в значительной степени объясняет причины блестящего расцвета книжной культуры и «информационного взрыва», имевшего место на Руси в XI веке.

Б. В. САПУНОВ
Ленинград

XVII век был эпохой, в значительной степени определившей оформление русского языка как языка национального и пути его дальнейшего развития. Именно в этот период усиливается натиск разговорной стихии и влияние ее на литературный язык. Данное явление наблюдается прежде всего в деловых жанрах и в жанрах бытовой повести. Прежние литературные каноны, поддерживаемые книжно-письменной традицией, претерпевают стремительные изменения. В данном случае очень показательны произведения сатирической литературы, например, «Праздник кабацких ярыжек» или «Служба кабаку».

САТИРА XVII века имела острую социальную направленность. Неизвестные авторы писали об имущественном неравенстве («Азбука о голом и небогатом человеке»), о непорядках в судах («Повесть о Ерше Ершовиче»), о злоупотреблениях духовенства («Повесть о попе Савве») и т. д. Среди произведений особое место занимает «Праздник кабацких ярыжек» или «Служба кабаку», где пьянство разоблачается и в плане морально-правственном, и в плане общественном. «Царев кабак» предстает как некий символ той силы, которая высасывает из человека все человеческое и выбрасывает его за ненадобностью.

«Праздник» написан как пародия на церковную службу и завершается «житием» пьяницы. Привлечение церковных текстов в целях пародирования было достаточно смелым новаторством для литературы XVII века, когда церковный язык еще во многом сохранял свои господствующие позиции. Форма церковной службы, превращенная по содержанию в «кабацкую» службу, явилась основой резкого и контрастного столкновения двух языковых стихий — церковнославянской и народно-разговорной. В рассматриваемом произведении это явление получает особенно яркое выражение. Пародия, опирающаяся на церковные тексты, была понятна любому, даже не очень образованному, человеку XVII века, так как само обучение грамоте в то время осуществлялось по Часослову, а усердное посещение церкви было обязательным для каждого христианина. Умелое использование в «Празднике» всех видов богослужения дает основание исследователям предполагать, что автором был представитель низшего духовного сословия.

В «Празднике» церковнославянские элементы проявляются в фонетических особенностях, свойственных языку древнего периода: в чередовании согласных *г — з* (*туга — в тузе, многыи — мнози, нагыи — нази*), *к — ч* (*наставник — наставниче*); в употреблении неполногласных форм: *мраз, глад, глава*; в использовании кратких личных местоимений в косвенных падежах: *мя, тя* — родительный падеж, *ми* — дательный падеж и другие; в широком применении автальной формы: *человече, учителю, корчмо*.

Наиболее полно представлены в языке «Праздника» архаичные для XVII века формы прошедшего времени — аориста и перфекта: *придоша, взалкаша, обнищаша, искаху, изволил еси, испил еси, есмь был*. В лексике влияние церковнославянского языка сказывается значительно слабее, потому что автор, используя церковнославянскую форму, наполнял ее новым содержанием, требующим таких слов, которые в первую очередь отражали бы понятия житейские, бытовые. Церковнославянская лексика употребляется постольку, поскольку она способствует сохранению избранной автором формы.

Особенно часто встречается слово *глаголати* («родители глаголют», «люди глаголют», «ты, проповица, глаголил»), которое даже в старший период древнерусского языка (XI—XIV вв.) воспринималось среди многочисленных глаголов речения (*сказати, речи, молвити, беседовати* и др.) как слово церковнославянское. Однако частотное использование *глаголати* не является свидетельством непосредственной языковой близости рассматриваемого памятника с церковнославянскими текстами, а говорит, скорее, о том, что его употребление никак или почти никак не регулировалось.

В ЧЕМ ЖЕ проявляется близость «Праздника кабацких ярыжек» богослужебным текстам? Данное сходство наглядно устанавливается при сопоставлении отдельных контекстов из «Праздника» с контекстами церковными, сравним: «Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напиться нам» («Праздник») — «Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам» (служба); «Изведи из непотребного пьянства душу мою» («Праздник») — «Изведи из темницы душу мою» (служба); «Величаем, тя, кабаце веселыи и безкручинны, и чтем дурость твою и со глупостию» («Праздник») — «Величаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою» (служба). Примеры показывают, что автор «Праздника» сохраняет не только синтаксическую модель, но и некоторые церковные слова. Лексической замене подвергаются такие элементы, которые полностью изменяют содержание: «до пьяна напиться» — «сохранитися», «из непотребного пьянства» — «из темницы», «кабаце веселыи и безкручинны» — «пророче божии», «дурость твою и со глупостию» — «святую память твою» и т. д.

Таким образом, лексика, используемая в «Празднике», по своей тематической принадлежности прямо противоположна лексике, характерной для церковно-религиозных произведений. Фонетические и морфологические признаки церковнославянского языка проявляются здесь крайне непоследовательно: как правило, они сосуществуют с тождественными элементами, свойственными русскому языку. Так, неполногласные формы употребляются рядом с полногласными (*голова — глава, голод — глад*), одно и то же слово используется то в русской, то в церковнославянской огласовке (*нощь — ночь*). Пеструю картину представляет собой система личных местоимений, которая отражает и старые нормы, и становление новых, например, форма родительного-винительного падежа местоимения 1-го лица единственного числа имеет три варианта: «люди *меня* ненавидят», «родители *мене* отвергошася и вмениша *мя* аки пса...».

В пределах одной фразы встречаются как простые, так и сложные формы глаголов прошедшего времени, например: «Днесь *есми*

был пьян, не помню, как с кабака *свели*, в кошеле было денег алтын десять, то все *вычистили*, и сказывают, что со многими *бранился*, а с иными *дрался*.

Столь же нерегулярно используется звательная форма, которая нередко вытесняется формой именительного падежа, причем обе они в тождественной синтаксической функции могут присутствовать в одном контексте: «*Радуися* недостойт глаголати к тебе, *кабаче* непотребный, несытая *утроба*, от всего добра *отводителю*, домовная *пустота*, неблагодарная *нищета*». Традиция сохранения звательной формы обычно обнаруживается у существительных мужского рода, тогда как существительные женского рода чаще используются в форме именительного падежа.

ФОРМЫ звательного падежа, как и именительного в функции звательного, как правило, отмечаются в напыщенных обращениях. Автор обнаруживает незаурядное дарование в построении риторических фигур, где сложное и разнообразное переплетение метафор, обилие эпитетов составляют своеобразное «восхваление» кабака. «Слава», «величание» кабаку — один из лейтмотивов поэтики рассматриваемого произведения. Внешне следуя церковным памятникам, автор «Праздника» еще больше нагнетает традиционные языковые приемы, подчеркнуто гиперболизирует их в целях усиленной экспрессии, например: «*Радуися* да не возглаголет к тебе никтоже, *корчмо* песьтая, людем обнажение в мале часе, а на опосле печали умножение; во всю землю слава идет про тебя *неблагодарная*, мнишскому чину поругание *велие*»; «*Радуися*, *кабаче*, аду сопрестольниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю, именно *источителю*».

САТИРИЧЕСКИЕ «панегирики» кабаку, написанные по образцам церковнославянской письменности, перемежаются контекстами, в которых даются бытовые зарисовки современной автору действительности. Нельзя утверждать, что эти описания производятся с максимальным использованием народно-разговорной речи. Напротив, в некоторых случаях, например, в многократном употреблении форм аориста, как будто сказывается влияние книжно-письменного языка. В то же время сугубо бытовые, житейские описания явно контрастируют с архаичными грамматическими средствами. Этот контраст, эта кажущаяся несовместимость формы и содержания создает комический эффект. Если в «панегириках» экспрессия передается главным образом всевозможными эпитетами, то в «Празднике» она выражается многочисленными глаголами, подчеркивающими быстро развивающееся действие: «*Легок есмь* и добро течение *сотворяю* кабацкому двору, *вшед* в ызбу быстро зрение *содеваю*,

кто чарку оплошно держит или пред собою поставит, аз же не устрашился поушника, взапен пхания, елико возмогах, скочих, взях и востах и на полати текох».

Обращает на себя искусное использование глаголов: при названии действия без оттенка однократности употребляются формы настоящего времени (*течение сотворяю, зрение содеваю*), если необходимо подчеркнуть стремительность действий — формы аориста (*возмогах, скочих, взях, востах*).

Реалистические описания, отнюдь не свойственные церковной литературе, в «Празднике» не единичны: «Много было имения, из дому все выносил, и на тебя (то есть в кабаке) пропилил, и к жене прибрел, и наг и бос, борже спать повалился, а в нощи пробудился, и слышах жену и детей злословящих мя: ты пьешь и бражничаешь, а мы с голоду помираем». Сравним новые формы прошедшего времени *пропилил, прибрел, повалился, пробудился* и форму аориста *слышах*; полную форму родительного падежа местоимения 2-го лица *тебя* и краткую форму родительного падежа местоимения 1-го лица *мя*.

Элементы реализма здесь проявляются и в красочных описаниях внешности посетителей кабака. Если «панегирики» кабаку основаны главным образом на метафорах и эпитетах, то в «Празднике» живость описанию придают сравнительные обороты, создающие зрительное впечатление, сравним: «*аки жуки... выползли, пищат, что щенята, просят денешки на чарку, а инои на хлеб подает; белые руки, что ожоги; рожи, что котелные дна; зубы светлеют, глаза пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут*». Интересно, что при сравнении три раза используется современный союз *что*, а союз *аки*, свойственный языку древнего периода, — лишь дважды.

Влияние разговорной речи в «Празднике» сказывается не только в грамматике и лексике, оно проявляется и в тексте за счет введения в него многочисленных рифмованных прибауток, поговорок: «*когда сором, ты закроися перстом*», «*взявши кошел, да под окны пошел*» и т. д.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ и народно-разговорная стилистика выступают достаточно отчетливо и нередко в контрастном сопоставлении, что и составляет художественное достоинство «Праздника» как произведения пародийного. Вместе с тем, следует иметь в виду, что

форма церковной службы, использованная в «Празднике», была только формой, но не целью самой пародии. В. П. Адрианова-Перетц писала: «„Служба кабаку“ представляет собой типичный образец пародии, осмеивающей общественно-политические и бытовые явления непосредственно, а не через направленность на литературный стиль (...) Цель ее автора, конечно, не осмеяние церковного языка

вообще или формы церковной службы в частности. Изображение пьяницы теми стилистическими приемами, которые приняты для прославления мученика за веру, — это лишь прием, особенно резко подчеркивающий те стороны пьянства, которые автор осуждает» (В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVIII века, М.—Л., 1937). Вовлечение же стилистических приемов церковной литературы в текст бытовой по содержанию повести открывало новые возможности художественного изображения, которое пробивало себе дорогу через жанр сатиры. Стилиевая неоднородность, пестрота грамматических форм, тематическое разнообразие лексики, свойственные «Празднику кабацких ярыжек», были достаточно показательными для эпохи XVII века вообще, когда происходил процесс становления норм национального русского языка.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

СРЕДИ КНИГ

**З. Н. Люстрова,
Л. И. Скворцов,
В. Я. Дерягин.**

БЕСЕДЫ О РУССКОМ СЛОВЕ

Вышла в свет новая книга «Беседы о русском слове» (М., «Знание», 1976), продолжающая цикл научно-популярных рассказов о русском языке и культуре речи, которые были опубликованы в первой книге З. Н. Люстровой и Л. И. Скворцова «Мир родной речи» (об этой книге см. статью В. Н. Хохлачевой «Мир родной речи». — «Русская речь», 1973, № 2). Содержание второй книги, как и предыдущей, подсказано многочисленными письмами и запросами, посланными в адрес Института русского языка, на радио и телевидение, в редакции газет и журналов.

Авторы книги «Беседы о русском слове» — редактор Всесоюзного радио З. Н. Люстрова, заведующий сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР Л. И. Скворцов, старший научный сотрудник Института рус-

ского языка АН СССР В. Я. Дерягин, работая над радиопередачами «В мире слов», познакомились с кругом интересов радиослушателей и читателей. Сама практика работы определила сюжет новой книги. Она построена так, что у читателя создается цельное представление об истории русского языка в его основных и наиболее важных чертах. Книга состоит из трех частей: «Русский язык в его истории», «Язык и культурное наследие», «Русский язык и современность».

Еще мало печатается популярный книги, в которых приводятся научные сведения об истории языка. В «Беседах» рассказывается об одном из самых интересных и важных отделов языкознания — этимологии, науке о происхождении слов. Освещена история таких, казалось бы, обычных слов, как *луна* и *месяц*, *беспечный*, *голубой*, *оранжевый*, *фиолетовый*, старинных названий мер *вершок* и *верста*, разговорных словечек *ишь*, *кумекать*, *запанибрата* и многих других. Мы узнаем, что *январь* — это *просинец*; *май* — *травень*; *июль* — *червень*, *липец*; *август* — *зарев*; *октябрь* — *листопад* и т. д. Наш календарь, русские личные имена, географические названия — вот темы, затронутые в первой, исторической части книги.

Язык — величайшее культурное достояние нашего народа. Поэтому особенно большой интерес представляет вторая часть книги, в которой рассказано о языке как о национальном и культурном наследии. Из этого раздела можно узнать, как появилась письменность и книга на Руси, какова роль корифеев в истории развития литературного языка — М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, В. И. Даля. Страницы о Владимире Ивановиче Дале, собирателе слов, выражений и пословиц, принадлежат к лучшим в книге. Очень ценны помещенные в главе сведения о словарях, являющихся сокровищницей русского языка. Иногда учащиеся и другие читатели не знают, чем отличается один словарь от другого, не знают, что о значениях слов сообщается в толковых словарях, о написании — в орфографических, о произношении — в орфоэпических.

Краткий очерк истории словарей знакомит читателей с основными трудами ученых в этой области. Рассказ о словарях сопровождается живыми примерами того, какой занимательный, интереснейший материал может почерпнуть для себя в словарях любитель отечественного слова. В книге рассказывается о фразеологии (устойчивых оборотах речи), крылатых словах, пословицах.

Многие своеобразные, непере-
водимые выражения подробно
комментируются в книге: *раз-
весистая клюква, попасть в
переплет, без сучка и задорин-
ки, тертый калач* и другие.

Третья часть книги посвя-
щена теме русского языка в
его современном состоянии.
Большое значение имеют
практические советы о пра-
вильном произношении того
или иного слова, ударении в
трудных случаях, правильном
употреблении отдельных слов
и выражений. Читатели часто
спрашивают, как лучше обра-
щаться к незнакомой женщи-
не на улице, в магазине и в
других ситуациях городского
общения. Вспомним, что пи-
сатель В. Солоухин советовал
ввести в обиход слово *судары-
ня!* Однако это обращение к
женщине в широком употреб-
лении не принято, а если и
встречается, то лишь с оттен-
ком иронии или некоторой
шутливости. В «Бесдах о
русском слове» разъясняется,
каково назначение разных
обращений к женщине: когда
удобно обратиться со словами
«товарищ директор, товарищ
Иванова!», а когда уместно
обращение «гражданка!». Ав-
торы рассказывают также о
русском языке в советскую
эпоху. Первые коммунистиче-
ские субботники 1919 года да-
ли новую жизнь слову *почин*.
Немало слов появилось после
Октябрьской революции: *Ок-
тябрь, октябрины, октябренок*.

В книге затрагивается очень
важный для всех говорящих и
пишущих вопрос о речевых
штампах. Механическое вос-
произведение избитых форм
выражения свойственно, в
особенности, учащейся моло-
дежи. Поэтому полезны при-
зывы авторов обогащать свою
речь точными и свежими сло-
вами и оборотами. Авторы су-
мели написать книгу живо и
доходчиво. Они рассказали о
языке как важнейшей стороне
духовной деятельности чело-
века. Книга «Беседы о русском
слове» имеет немаловажное
общеобразовательное значе-
ние, она пропагандирует линг-
вистические знания, расши-
ряет наш кругозор. Ее проч-
тут редакторы и журналисты,
учителя и школьники, все те,
кто хочет овладеть культурой
родной речи.

Н. Н. ВАСИЛЬКОВА

В. В. Одинцов.

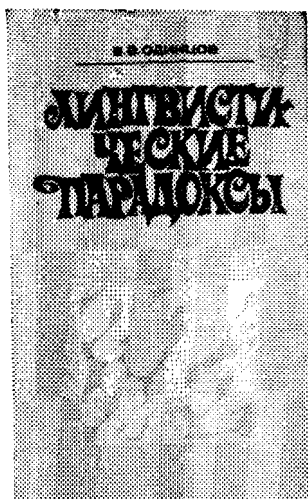
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

В издательстве «Просвеще-
ние» вышла книга В. В. Один-
цова «Лингвистические пара-
доксы» (М., 1976). Это научно-
популярное издание, рассчи-
танное на учащихся старших
классов.

Книга состоит из трех глав:
«Языковая логика», «Из глуб-
ны веков», «Постоянный по-

иск». В них рассказывается о некоторых лингвистических парадоксах, то есть о необычных явлениях в языке, противоречащих «установленным закономерностям, иногда даже здравому смыслу» (с. 5). В обращении «К читателям» автор пишет, что он не стремится дать полные ответы на вопросы, которые решаются современной лингвистикой, а только обращает внимание на то, каким сложным и вместе с тем совершенным инструментом является язык, как удивительно он богат и выразителен.

В главе «Языковая логика» говорится об «узаконенных ошибках» в языке, которые возникли по разным причинам: в результате непонимания иностранных слов, при переписке или печатании книг, в результате возникновения легенд, а также сокращений, искажений ранее вполне понятных выражений. Из-за недоразумения, например, возникло слово *кенгуру*. Европейцы спросили у местных жителей, как называются эти животные, и услышали в ответ: *кенгуру* — «мы не понимаем, не знаем». Слова *зонг* нет ни в одном языке, кроме русского; образовалось оно так: голландское слово *zondek* «покрышка от солнца» по-русски звучит *зонтик*. «Позже *ик* стало восприниматься как уменьшительный суффикс и появилось слово *зонг...*» (с. 11).

Читатель узнает о многозначности слов и синонимии форм, о варьировании и переносном употреблении слов, о богатстве и гибкости языка. *Глухой* — так говорят о человеке, полностью или частично лишенном слуха, но мы говорим также: *глухой голос*, *глухая полночь*, *глухая тайга*, *глухая стена*.

Следующая глава «Из глубины веков» рассказывает об истории того или иного слова, которое теперь на первый взгляд может показаться странным, а раньше было вполне естественным: «В магазине продают мясо свиньи — *свинину*, барана — *баранину*, коровы — *говядину*. Почему не „коровину“? В старые времена словом *говядо* обозначали крупный рогатый скот, в том числе быка, корову. Сло-

во *говядо* исчезло, слово *говядина* осталось, но уже в узком значении — ‘мясо коровы или быка’» (с. 16).

Автор большое внимание уделяет языку Пушкина, словоупотреблению, значению слов в его произведениях. Многое может быть непонятно современному читателю, незнакомому с Пушкинской эпохой, историческими фактами. В. В. Одинцов приводит интересные примеры из «Евгения Онегина», «Капитанской дочки», «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях».

В этой главе рассказывает о правописании местоимений с предлогами. Почему мы говорим и пишем: он дал *ему*, но пошел *к нему*? Такое явление объясняет история языка. Много веков назад предлоги *в*, *к* и *с* имели такой вид: *вън*, *кън*, *сън*. «И тогда писали: *вън ея*, *кън ему*, *сън ими*. А затем предлоги упростились, приобрели постепенно современный вид: сначала *въ*, *къ*, *съ*, позже *в*, *к*, *с*...» (с. 25). А конечное *н* предлога так легко соединилось с начальной гласной местоимения, что «в конце концов стало осознаваться как часть этих местоимений, стало начинать местоимения, когда они стояли после предлогов» (с. 25). Перед предлогами *благодаря*, *согласно*, *вопреки* и др. его нет, так как они образовались сравнительно недавно из других частей речи.

Много страниц в книге посвящено судьбе слов, изменению слова на протяжении веков, его новым значениям. В русском языке есть слова *товарищ* и *товар*, как будто не связанные одно с другим. «А как же было на самом деле?.. Бродили по Руси торговцы, покупали, продавали, носили и возили с собой разный *товар*. Но одному в путь отправляться было опасно, вот и выбирали себе *товарища*, который помогал товар сбывать. Потом слово *товарищ* получило значение ‘друг, приятель’ вообще, а не только в торговле, в путешествии. После Великой Октябрьской революции началась новая жизнь слова *товарищ*» (с. 42). У новых слов и терминов есть и авторы. Так, неологизм *партийность* принадлежит В. И. Ленину. Много новых слов создают писатели, поэты, журналисты. Салтыков-Щедрин впервые употребил слова *благоглупости*, *злосызательство*, *пенкосниматель*, *мягкотельный*.

Большой интерес вызывают у школьников географические открытия, а также связанные с ними географические названия. Познакомившись с книгой, читатель может узнать о происхождении названий континентов, рек, городов. С каждым наименованием связана история народа, населявшего ту или иную страну, местность, материк. «Пора-

жаешься разнообразию географических названий... В названиях городов, морей, островов мы встречаем фамилии, имена исторических деятелей, например *море Лаптевых*, *остров Врангеля*, город *Загорск*, станции *Лев Толстой*, *Ерофей Павлович (Хабаров)*, а иногда и простых людей, таких, как охотник *Егор*, — город *Игарка*, выросший на месте небольшого зимовья» (с. 51—52).

В начале последней главы «Постоянный поиск» идет спор между критиком и лингвистом о чистоте языка, культуре русской речи. Рассудить этот спор смогут читатели, познакомившись с книгой, отдав предпочтение критику или лингвисту.

Увлекательно написаны страницы, посвященные научной терминологии, спорам современников вокруг стиля Гоголя, Пушкина, замечательному русскому лексикографу Владимиру Ивановичу Далю и его Толковому словарю. Здесь также говорится о заимствовании иноязычных слов, об их необходимости и злоупотреблении. Заимствованные слова образуют значительный слой лексики любого языка. Это неизбежный и необходимый результат межнационального и международного общения. Учащиеся, не понимая значения заимствованного слова, часто неправильно его употребляют. «Иногда

сейчас говорят: *своя автобиография*, хотя *авто-* (от греческого *autos* — 'сам') и значит 'свой'. Говорят *старый ветеран*, а это ошибка» (с. 90). Нельзя также употреблять тавтологические сочетания: *опытный ветеран*, *старый ветеран* или *старейший ветеран* (если не имеется в виду возраст человека).

Наше слово многомерно, оно может быть сухим, мертвым, грубым, но может повернуться к нам такими гранями, которые оживят и украсят нашу речь. Наш язык тонок, он помогает выражать тончайшие оттенки смысла. Их нужно чувствовать и видеть, только тогда можно говорить о понимании и владении родным языком, о подлинной культуре речи.

В. В. Одинцов в популярной и интересной форме рассказывает в книге о том, что язык — стройная система с присущими ей логическими отношениями. Книга «Лингвистические парадоксы» помогает раскрыть учащимся тайны жизни языка, показать, что его изучение — увлекательная наука, полная неожиданных находок и открытий.

Т. С. КОЛМАКОВА

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6

Кельяи — из диалектного слова *келья*, которое означало 'небольшую избу', а в Среднем и Нижнем Поволжье — 'посиделки', то есть вечеринки сельской молодежи (Л. И. Баранникова в сборнике «Вопросы русской диалектологии», Куйбышев, 1965); или отчество от нецерковного мужского личного имени Келья, примеры которого даны в Словаре Н. М. Тушкова (с. 177) — крестьянин XV в. Келья Кузьмин и др.

Кикиморин (фамилия в телефонном справочнике Тбилиси 1968 г.) — отчество от прозвища Кикимора; первоначально слово *кикимора* означало ведьму или домового, позже (переносно) — сумрачного, вельюдимого или нелепо одетого человека. Ранняя документация: 1580 г. — Ксения Кикиморина; С. Б. Веселовский сближает слова *кикимора* и *шишимора* (есть и фамилия Шшиморин).

Кирдяшев — отчество от мордовского мужского личного имени Кирдяш из *кирдеш* 'терпеть', 'держат'. От той же основы образованы и другие формы имен, отчества от

которых также стали фамилиями: Кирдеев, Кирдин, Кирдяев, Кирдяйкина, Кирдякин, Кирдяшкин, многие из них — у русских.

Кирилин и **Кирилов** — отчества от различных форм канонического мужского личного имени Кирилл (имя, как предполагают, из греч. *кирос* 'господин, владыка'); суффиксы *-ов* и *-ин* равнозначны, образуют краткие притяжательные прилагательные (чей сын), но *-ин* присоединяется к основам на *-а*, поэтому Кирилин — от формы Кирила, а Кирилов — от Кирил и Кирило. В обоих случаях написание колебалось — с одним *л* или с двумя, современная русская орфография, устранив удвоение согласных во многих паричетельных, позволяет (по не обязывает, так как имена, отчества и фамилии пишутся не по правилам, а по документам) упростить и написание имен собственных.

Кирюхин — отчество 1) от формы Кирюха, возможной из нескольких канонических мужских личных имен — Кир, Кирилл, Кирпак, Кирион, или 2) от прозвища Кирюха из

нарицательного *кирюха* 'пьяница', отмеченного В. Д. Бондалетовым в заволжской части Куйбышевской обл. (сб. «Вопросы русской диалектологии», Куйбышев, 1965).

Клавдиев — отчество от канонического мужского личного имени Клавдий, которое в XVIII—XIX веках употреблялось у русских, хотя и редко, а не от женского личного имени Клавдия (образование фамилий от имени матери несравнимо реже, чем от имени отца, к тому же притяжательное прилагательное от женского личного имени Клавдия требовало суффикса *-ин*).

Климов — отчество от повседневной краткой формы Клим из канонического мужского личного имени Климентий (есть еще форма Климент), полную форму употребляли редко.

Климочкин — отчество от уменьшительной формы Климочка от обиходной формы Клим, в свою очередь образованной из канонического мужского личного имени Клементий; фамилия — в Хвастовическом районе Калужской области, на данной территории (смежные районы Орловской, Калужской и Тульской областей) особенно часты фамилии в этой форме (см. Ефимочкин).

Клюев — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Ключ, подтвержденного документально: в 1638 году по Москве — записан Гаврило Ключ (С. В. Веселовский. Ономастикон, М., 1974). В 1678 году — сибирский казак Бориско Ключев (Н. М. Тупиков. «Словарь древнерусских собственных личных имен». СПб., 1903), но фамилия это или еще отчество — неизвестно. Этимология спорна: «От *клювый* 'красивый, стат-

ный, видный'» (Г. В. Тропин. Русская ономастика и необходимость ее изучения. — В сборнике «Труды кафедр русского языка Восточной Сибири и Дальнего Востока», IV, Улан-Удэ, 1966) или «Человек с длинным, орлиным носом, похожим на клюв» (Ю. А. Федосюк. Русские фамилии, М., 1972). Оба объяснения минуют имя, а фамилия образована именно из него. Имя могло возникнуть из глагола *клевать*, дающего для этого фонетически готовые основы (форму настоящего времени, повелительное наклонение *клюй*), или из отглагольного существительного.

Княжнин — эту фамилию носил знаменитый русский драматург XVIII века, один из потомков жившего в XV веке боярина с прозвищем Княжна. У крестьян эта фамилия означала крепостных, принадлежавших помещикам Княжиным, или княжне (*княжна* 'дочь князя'; сын же ее, конечно, не мог получить эту фамилию).

Князев — в притяжательном прилагательном *князев*, как основе фамилии, безусловно, исключено значение 'сын князя', так как он сам носил тот же титул *князь*. Возможные значения: 'принадлежащий князю, то есть его крепостной'; фамилия действительно часта у крестьян; 'отчество от иронического прозвища Князь', частого в прошлом в крестьянской среде, а в городах Среднего Поволжья оно было обычным обращением к ходившим по улицам сборщикам старья, продавцам сладостей или груш и т. д.

Козлов — отчество от нецерковного мужского личного имени Козел (многочисленные примеры с 1405 г. — Н. М. Тупиков. «Словарь древнерус-

ких собственных личных имен». СПб., 1903). Очень распространенная фамилия, по подсчетам Б. Г. Унбегауна, в Петербурге 1910 года она занимала 36-е место по частоте употребления. Выяснено, как возникала эта фамилия у бояр, когда дробились разросшиеся древние роды; в первой половине XV века Григорий Козел, сын боярина Морозова, стал родоначальником Козловых, другие Козловы — из рода Беклемишевых; У Игнатия Козла (XVI в.) от первого и четвертого сына пошли Козловы, а от второго и третьего — Беклемишевы (Р. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, I, 1887). Позже фамилия Козлов возникала у крестьян от отчества из прозвища Козел.

Кокорин — отчество от прозвища Кокора, документированного еще в XV веке — князь Иван Иванович Кокора Елецкий; 1625 год — крестьянин Карп Кокорин (еще отчество, а не фамилия), особенно многочисленны примеры XVIII века — в Пинежье Гришка Андреев сын Кокорин, то есть сын Андрея Кокоры (Г. Я. Симина. Фамилия и прозвище, — сб. «Ономастика», М., 1969). Фамилия Кокорин широко распространена в Южном Зауралье (Н. Н. Бражникова. История говоров Южного Зауралья, по данным фамилий, — сб. «Антропонимика», М., 1970). Наридательное *кокор*, распространенное на Севере Европейской России, на Урале и в Сибири, имело много значений, из которых основной прозвища могли стать 'мень, кривое дерево', *кокористый* 'упрямый, своенравный, скупой'.

Колдунов — отчество от прозвища Колдун. Но колдунами называли не только отдельных лиц, а и жителей целых селений. По сообщению В. И. Тагуновой, население деревень Будевичи и Тюрьющи в Курловском районе Владимирской области известно под прозвищем *колдуны* («Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969), следовательно, *колдунов* — сын жителя одной из этих деревень. В некоторых говорах *колдуны* 'пльмени'.

Кольцов — отчество от прозвища (или нецерковного мужского личного имени) Кольцо; например, родоначальник княжеской фамилии Кольцов — Василий Кольцо Мосальский (конец XIV века): известен сподвижник Ермака атаман Кольцо; позже фамилия возникала у крестьян.

Колюбакин — отчество от прозвища Колюбака; диалектное *колюбака* означало человека с веснушчатый лицом; фамилия появляется в документах с 1560 года; возможна контаминация с фамилиями Кульбякин, Кульбакин.

Коншин, Коншиня — отчество от производных форм Конша и Коньяца из различных канонических мужских личных имен — Конон, Кондратий, Никон.

Корепанов — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Корепан, документированного с 1545 года — крестьянин Корепан в Новгороде (С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974); в Таможенной книге 1633 года упомянут Корепан из Кокшеньги. В основе — диалектное слово *корепан* от глагола *корепать* 'делать неуклюже, неумело, ломать', по В. И. Далю — владимир., сибир.

Коптелов — отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Коптел, зафиксированного документами 1475 года в Ростове Великом и 1519 года в Вологде (С. В. Веселовский, там же), могло обозначать 'закоптелого или смуглого человека'.

Косоверов — отчество от формы Косовер, вероятно, из католического мужского личного имени Ксаверий; у белорусов, которым это мужское личное имя было хорошо знакомо, обычна форма Ксавер, на почве русского языка пересмысленная по звуковому сходству со словами *косо* и *вера*, то есть 'верующий иначе', 'еретик' и т. п.

Ксандров — отчество от краткой формы Ксандр из канонического мужского личного имени Александр.

Костычев — фамилия связана с диалектным словом *костыч* — 'вид старинной одежды (короткий кафтан с боковыми нашивками)', по Далю — владимирск.; фамилия документирована в Среднем Поволжье (село Чиберчино, Алатарского уезда Симбирской губернии — 1897 год; село Кривая Лука Самарского уезда — 1912 год).

Краснов — отчество от прозвища (или еще нецерковного мужского личного имени) Красный; кроме древнерусского значения 'красивый', слово *красный* в вятских говорах имело значения 'краснощекий' и 'беспечный' (Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907).

Кремнев — отчество от прозвища Кремень, так в вятских говорах называли упрямого или скупого.

Кровоусков — отчество от именованья отца по занятию *кровоуск*, так в XV—XVI ве-

ках называли лекаря (Новгородские писцовые книги. V. СПб., 1905); в 1647 году — посадский Петрушка Кровоусков в Зарайске (Н. М. Тупиков).

Крутиков — отчество от прозвища Крутик (Н. Н. Бражникова. История говоров Южного Зауралья по данным фамилий. — В сборнике «Антропонимика». М., 1971). Прозвище — из диалектного нарицательного *крутик* со значением 'плут', видимо, из глагола *крутить* (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914).

Крутилин — отчество от прозвища Крутила; диалектное нарицательное *крутила*, например, в северных говорах означало 'проворный, неусидчивый' (А. О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885).

Крысанов — отчество от формы Крысан, искаженной из канонического мужского личного имени Хрисанф (греч. *хрисанфос* 'златоцветный'), через русскую просторечную форму Кирсан; фамилия записана, например, в селе Ивашково Волоколамского уезда Московской губернии, 1916 г. (Центральный исторический архив в Ленинграде, ф. 433, оп. 3, № 125) — к этому позднему времени имя Хрисанф вышло из широкого употребления, фамилия, лишаясь этимологической опоры, «повисла в воздухе» и подверглась пересмыслению по звуковому совпадению с хорошо знакомым словом *крыса*.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В 1976 году в нашем журнале по просьбе читателя В. В. Острецова была помещена статья Е. П. Ходаковой, посвященная истории и употреблению слов *картофель* и *картошка*. Публикуем дополнительные сведения, полученные редакцией от академика АН Молдавской ССР Николая Григорьевича Корлягану.

● ЕЩЕ О СЛОВЕ *КАРТОФЕЛЬ*

В «Русской речи» (1976, № 5) по поводу этого слова была опубликована в виде ответа на вопрос читателя хорошая статья Е. П. Ходаковой.

Мне представляется, что этот овощ играет весьма значительную роль в народном хозяйстве не только нашей страны в целом, а соответствующее слово ставит интересные вопросы общелингвистического порядка, ярко показывая путь проникновения растения и слова в различные страны и языки. Поэтому целесообразно ознакомиться с более подробной историей данной лексической единицы.

1. Общеизвестно, что растение, которое носит научное название *Solanum tuberosum*, было завезено в Европу из Латинской Америки в XVI веке. Считается, что экспедиции Христофора Колумба (1451—1506) доставили в Испанию и Италию первые клубни картофеля. Там это растение было названо *patata* или *batata* — словом из туземного говора аруак с острова Гаити. Слово *patate* или *batate* аттестовано во французском языке, начиная с 1519 года и вплоть до XIX века, а в западных и юго-западных французских говорах оно используется и до сих пор. В английском имеется

слово potato (произносится *пате́йто*), а в албанском patate. В венгерском данная лексическая единица получила формы pityóka, píceóka или даже csicsóka, csicsóka, в румынских говорах Трансильвании — píceoacă, píceoci.

2. С Иберийского и Апеннинского полуостровов растение и слово проникли и в другие страны и языки. В германских землях картофель аттестован в 1588 году и оттуда распространился на юг вместе с немецким словом Erdapfel, которое в нидерландском получило форму aardappel (ср. в эльзасском диалекте французского языка erlepf). Во Франции данная единица появляется в 1655 году под калькированным наименованием pomme de terre 'земляное яблоко'. Вначале это словосочетание называло подсолнечник клубненосный (тонинамбур) и только с 1754 года стало называть картофель. Культивироваться больше стал этот овощ благодаря активной пропаганде французского агронома Пармантье (1737—1813). На основе французского литературного термина pomme de terre, по-видимому, образован словацкий zemiak, а в венгерском появился и общераспространенный теперь в этом языке термин burgonya в связи с названием французской провинции Bourgogne.

Кроме того, сербы и хорваты используют и слова *крѹмпир*, *крѹмпир*, венгры krumpli, kolompri, kolomper, а у румын Трансильвании имеется cumpără (сумпрене). Все эти слова исходят из немецкого Grund — Birne 'земляная груша'. Следует добавить, что в румынских говорах Трансильвании были аттестованы различные кальки по этому образцу: alupă de rămint 'земляной орех', gogoasă de rămint 'земляной орешек', măr de rămint 'земляное яблоко', rădă de rămint 'земляная груша', ou de rămint 'земляное яйцо' и др. Отмечу еще, что В. И. Даль в своем Словаре, объясняя слово *бараболя* как новороссийское и молдавское, приводит и форму *барабошка*, которую толкует «земляное или чёртовое яблоко» (по-видимому, не без влияния «картофельных бунтов»).

3. В генуэзском диалекте итальянского языка используется слово tartufo в уменьшительной форме tartufolo для наименования определенного круглого гриба из класса аскомицетов (tuber melanosporum, tuber cibarium). Привезенный из-за океана овощ схож по своей форме с данным грибом, поэтому в указанном диалекте он получил тоже название tartufolo. Из Италии это растение проникло в Австрию, где получило название Tartuffel, изменившееся позже по причине диссимилиации в Kartuffel, Kartoffel. Отсюда польское kartofel. Хотя в Россию картофель был ввезен ещё в XVII веке, все же он стал культивироваться на больших площадях лишь с XIX века. Появилось несколько названий: литературное *картофель*, диалектные *картошка*, *карто́пля* (также и в украинском языке), *карто́хля*, *карто́ха*, *карто́фка*, *карто́кля*, *карто́сы*, *карты́ш*,

■ также *карто́ф*, которое имеется и в болгарском, и в молдавском, и в румынском. При этом форма *картоф* стала в последних трех языках литературной. По-видимому, не без влияния русского диалектного *картога* в молдавском появилась и народно-разговорная форма *карто(а)фа* (мн. ч. *картоафе*).

В Молдавии и в Буковине имеются и другие диалектные слова: *барабулэ* от украинского разговорного *бараболя*; *булузинэ* или *булузянэ* от венгерского *burgonya*, *бандрабуркэ* от названия немецкого города *Brandenburg*. Между прочим, формы *бандрабурка* или *мандыбурка* аттестованы и в украинских говорах. (Ср. и чешское *brambor*).

Таким образом, в европейских языках имеются три исходных источника для названия данного овоща: а) Слово, заимствованное из туземного говора острова Гаити (*patata*); б) Словосочетание, образованное на европейском материке, сначала, по всей вероятности, в Германии (*Erdfel*), которое дало различного рода кальки: французское *potme de terre*, рето-романское *pot da terra*, румынское диалектное *măr de rămint*; в) Слова, образованные на основе итальянского диалектного *tartufolo* 'трюфель', немецкого *Kartoffel*, которые получили распространение в Восточной Европе (польское *kartofel*, русское *картофель*, молдавское *картоф* и т. д.).

Н. Г. Корлягу

● МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЗАВОД

И. А. Тарнопольский из Харькова спрашивает, может ли завод называться *металлическим* (в качестве примера он приводит название: «Ленинградский металлический завод»)?

Известно, что слова могут иметь несколько значений. Так, прилагательное *металлический* означает: '1) сделанный, изготовленный из металла; 2) относящийся к металлу, металлам, связанный с обработкой металла; 3) свойственный металлу, такой как у металла' (17-томный Словарь современного русского литературного языка).

Второе значение этого слова дает основание именовать завод *металлическим*. Название завода в Ленинграде старое, он был построен в 1857 году и выпускал тогда металлические конструкции, насосы, компрессоры.

В наши дни большие промышленные комплексы, связанные с тяжелой индустрией, металлургией носят название *металлургический*: Череповецкий металлургический завод; Металлургический завод «Серп и молот» и другие. Характерно, что последний еще

в 1918 году именовался «Большой металлический завод. Бывший Гужон». Сравните: «В конце прошлого века у древней заставы разместился металлический завод Гужона. Дьявольски тяжело жилось его рабочим. В девятьсот пятом пошли гужоновцы с оружием на баррикады Пресни. Сегодня „Серп и молот“, маломощный прежде „завод по отливке чугуна“, известен в стране как крупное предприятие металлургии, выпускающее уникальные станки» («Правда», 1 марта 1976).

Название *металлургический* в таких случаях более оправдано, потому что однозначно: «относящийся к металлургии, связанный с металлургией», отраслью тяжелой промышленности, занимающейся прокатом, механической и химической обработкой металлов.

Однако в деле номинации, называния, большую роль играет и традиция. Видимо, этим объясняется сохранение в названии старейшего ленинградского завода определения *металлический*, хотя в настоящее время Ленинградский металлический завод имени XXII съезда КПСС (ЛМЗ) — ведущее предприятие СССР по производству паровых, газовых и гидравлических турбин большой мощности.

Е. И. Голанова

● МАПРЯЛ

Читатель А. В. Сенаторов (Москва) пишет: «Расскажите, пожалуйста, о МАПРЯЛ — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Меня интересует, как и когда возникла данная организация, какими вопросами занимается. По радио слышал: „МАПРЯЛом проделана большая работа“. Следует ли склонять эту аббревиатуру?».

Появление Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы обусловлено быстро растущим во всем мире значением языка великой культуры; большим престижем страны, проводящей конструктивную миролюбивую политику; определенными практическими интересами (растущие экономические связи с Советским Союзом требуют знания языка партнера). Создание Ассоциации было провозглашено 7 сентября 1967 года на

учредительной конференции в Париже (участвовало 44 представителя от 25 стран). Учеными-русистами коллективно было создано полное название организации и аббревиатурное, принят устав МАПРЯЛ, составлены обращение к русистам мира и план деятельности, избран президент (академик В. В. Виноградов). Конференция решила штаб-квартиру и секретариат разместить в Москве. Ассоциация назвала свою главную цель — содействовать распространению и преподаванию русского языка во всем мире.

В августе 1969 года в Москве состоялся I конгресс МАПРЯЛ (присутствовало 522 делегата из 35 стран). На нем рассматривались вопросы, связанные с состоянием преподавания русского языка в разных странах: кто, где, зачем изучает русский, сколько людей его знают или хотят знать, кто, как преподает?

II конгресс Ассоциации (сентябрь 1973, Варна) был посвящен теории и практике создания современных, эффективных учебников русского языка, пособий, кинофильмов. В 1976 году по инициативе МАПРЯЛ московское издательство «Русский язык» выпустило более 230 названий учебников, методик, словарей, разговорников.

В августе 1976 года в Варшаве проходил III конгресс МАПРЯЛ «Научные основы и практика изучения, методы преподавания русского языка и использование технических средств, древнейшие связи русского и польского языков». На него съехались 2000 делегатов из 50 стран. Знаменательным событием в работе Конгресса стало приветственное послание Л. И. Брежнева, в котором Генеральный секретарь ЦК КПСС дал высокую оценку деятельности МАПРЯЛ, способствующей укреплению дружбы и сотрудничества между народами, делу разрядки напряженности: «Сердечно приветствую участников III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. Ваш труд благороден и заслуживает уважения. Изучение языков, в том числе русского языка, как средства широкого международного общения является важной предпосылкой культурного обмена и контактов между людьми, их взаимопонимания и сотрудничества».

По инициативе Ассоциации в последние годы в разных странах проводятся национальные олимпиады школьников по русскому языку. Первая Международная олимпиада школьников была проведена в Москве в 1972 году. Вторая — в 1975. В области периодической печати МАПРЯЛ координирует работу 32 иностранных журналов, предназначенных для преподавателей русского языка. Под руководством редакционного совета Ассоциации в нашей стране с 1967 года издается журнал «Русский язык за рубежом» (имеет читателей в 81 стране). В настоящее время президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и

литературы является академик М. Б. Храпченко, автор многих теоретических и историко-литературных трудов; генеральным секретарем — член-корреспондент АПН СССР В. Г. Костомаров. IV конгресс МАПРЯЛ предполагается провести в Берлине в 1979 году. Когда в Москве проходил I конгресс русистов, русский язык изучало около 14 миллионов человек в 31 стране, теперь его изучает свыше 20 миллионов человек в 89 странах.

Склоняется ли аббревиатура МАПРЯЛ? В настоящее время данное сокращение в официально-документальной речи, в печати не склоняется: «Какие учебные пособия выпущены по инициативе МАПРЯЛ для учащихся?» («Учительская газета», 21 августа 1976); а его род определяется по стержневому слову: «Профессор В. Костомаров, ответственный секретарь незадолго перед тем учрежденной МАПРЯЛ ... писал...» («Литературная газета», 25 августа 1976). Склонение буквенных аббревиатур зависит от широты и степени их употребительности, способствующих восприятию сокращений как самостоятельных слов. Пока МАПРЯЛ употребляется редко. Обычно это сокращение можно услышать по радио и телевидению, встретить в печати лишь в дни очередного конгресса Ассоциации. Однако в устной речи специалистов, занимающихся изучением и преподаванием русского языка, МАПРЯЛ приобретает мужской род и склоняется: «Я поеду на МАПРЯЛ», «МАПРЯЛом проделана большая работа», «На МАПРЯЛе обсуждались важные вопросы». В непринужденной разговорной речи, склонной к кратким неопределенным обобщениям, сокращение приобретает различные смысловые оттенки. Оно выступает в качестве синонима к таким сочетаниям, как «конгресс МАПРЯЛ», «мероприятия, проводимые в рамках МАПРЯЛ», «деятельность по распространению русского языка» и др. Аббревиатура отрывается от породившего ее словосочетания и воспринимается по внешней форме как самостоятельное независимое слово.

Более подробные сведения о МАПРЯЛ — организации и слове — содержатся в книге В. Г. Костомарова «Русский язык среди других языков мира» (М., «Просвещение», 1975) и в его статье «К изучению буквенных сокращений в русском языке» (Рождение и жизнь слова МАПРЯЛ), опубликованной в сборнике «Современные проблемы литературоведения и языкознания» (М., «Наука», 1974).

В. В. Касаркин

● ОДНОРОДНЫЕ ИЛИ НЕОДНОРОДНЫЕ?

В. Н. Зверев из Куйбышева спрашивает: «Как отличить однородные определения, выраженные прилагательными, от неоднородных?».

Два или несколько определений-прилагательных, согласованных с одним существительным, могут быть как однородными, так и неоднородными.

Однородны определения-прилагательные, связанные сочинительной связью. Каждое из них относится непосредственно к существительному, с которым согласовано, и называет новый вид предметов: „Большие успехи достигнуты в *текстильной, пищевой, машиностроительной промышленности*“; „На лугу росли *красные, синие, желтые, белые цветы*“.

		красные цветы
	+	
красные, синие, желтые, белые цветы =		синие цветы
	+	
		желтые цветы
	+	
		белые цветы

Неоднородные определения, выраженные прилагательными, бывают двух видов.

Неоднородны определения-прилагательные в том случае, если одно из них, стоящее рядом с существительным, относится непосредственно к этому существительному, а другое, находящееся слева от первого, определяет не одно существительное, а сочетание существительного с первым прилагательным. Так, в словосочетании *большой каменный дом* прилагательное *каменный* определяет существительное *дом*, а прилагательное *большой* относится не к существительному, а к словосочетанию *каменный дом*: *большой (каменный дом)*. Такие же отношения между определениями, выраженными прилагательными, в следующем предложении: «Барбарис — это кустарник с *маленькими продолговатыми кислыми красными ягодами*». Здесь прилагательное *красный* зависит от существительного *ягода*: *красные ягоды*. Прилагательное *кислый* служит определением словосочетания *красные ягоды* — о красных ягодах сказано, что они кислые: *кислые (красные ягоды)*. Точно так же к словосочетанию, а не к одному существительному относятся прилагательные *продолговатый, маленький*:

продолговатые [кислые (красные ягоды)]
маленькие {продолговатые [кислые (красные ягоды)]}

Каждое из неоднородных определений-прилагательных ограничивает круг называемых предметов: *кислые* красные ягоды составляют часть красных ягод; *продолговатые* кислые красные ягоды — часть кислых красных ягод; наконец, *маленькие* продолговатые кислые красные ягоды — часть продолговатых кислых красных ягод.

Другой вид неоднородных определений, выраженных прилагательными, — определения, поясняющие предыдущее определение: «Появила голову *легким, ситцевым* платком» (*ситцевый* служит пояснением слова *легкий*); «Эта книга неинтересная. Дай мне *другую, интересную*» (Сравните: «Эта книга очень интересная. Дай мне *другую интересную* книгу»).

Казалось бы, все просто. Почему же на практике иногда бывает трудно решить, однородны или неоднородны рассматриваемые определения, выраженные прилагательными? Дело в том, что определения-прилагательные, неоднородные по смыслу, могут быть объединены содержащейся в них общей оценкой. Обычно это наблюдается в художественной литературе. Так, в словосочетании *молодая стройная белая береза* определения-прилагательные неоднородны: они характеризуют березу с разных сторон, называя ее возраст, характер ствола и цвет. Иные отношения между этими определениями в следующем примере: «Она была похожа на *молодую, белую, стройную* березу». Здесь все определения-прилагательные выступают как однородные, объединяются тем, что выражают положительную оценку: девушка походила на красивую березу. Так же объединяются общей оценкой, и поэтому выступают как однородные члены, определения-прилагательные в следующих примерах: *радостное, праздничное, лучезарное* настроение; *крупные, желтые* огурцы; *тяжелые, голодные, черные* тучи: «Приехав домой, Лаевский и Надежда Федоровна вошли в свои *темные, душные, скучные* комнаты» (А. П. Чехов. Дуэль).

В. А. Ицкович

● КАСКАДЕР

«Что означает слово *каскадёр*, как правильно его произносить?» — спрашивает В. А. Маркин из Ростова-на-Дону.

В последние годы на страницах нашей печати стало появляться новое слово *каскадёр*. Оно относится к области профессиональной лексики и еще не зафиксировано в словарях русского языка. Войдет ли *каскадёр* в общий словарный фонд русского языка — покажет время. На киностудиях это слово употребляется не менее пятнадцати лет и служит для обозначения человека, ставящего и исполняющего опасные для жизни трюки. Оно было заимствовано из французского языка, в котором *cascadeur* означает «комик или ак-

робат в цирке, падающий нарочно'; 'в кино — актер, занятый в исполнении опасных для жизни эпизодов'; интересно также отметить, что во французском разговорном языке у *каскадѐра* есть еще одно значение — 'кутила, прожигатель жизни' («Petit Larousse illustre». Paris, 1975).

В настоящее время новое слово *каскадѐр* оттесняет привычное *дублѐр* там, где речь идет именно об исполнении опасных для жизни трюков, так как последнее гораздо шире по значению. Вот как определяется, например, в «Словаре иностранных слов» (М., 1964): дублѐр — «1) тот, кто параллельно с кем-либо выполняет сходную, одинаковую работу; 2) актер, заменяющий основного исполнителя роли; 3) киноактер, воспроизводящий текст при переводе фильма с одного языка на другой». Слово *дублѐр* не является обозначением профессии и употребляется обычно рядом с именем того, кого дублируют. *Каскадѐр* может употребляться в тексте вполне самостоятельно и обозначать профессию. Вышесказанное можно проиллюстрировать примерами, где *дублѐр* и *каскадѐр* лишь на первый взгляд кажутся синонимами: «Он по-прежнему в отличной форме, не забывает спорт. Он гордится тем, что ни разу не прибегал к услугам дублера: ведь и герои мои делают все сами, говорит он». («Советский экран», 1976, № 6); «Бельгийского каскадера Тьерри Аллара поместили в мешок, поверх мешка привязали к его ногам тяжелый груз и сбросили в море со скалы высотой сорок метров». («Неделя», 1976, № 8); «Слава пришла ко мне (пишет в своей книге «Зеркало моих воспоминаний» известный актер Жан Маре) скорее благодаря моей внешности и мастерству каскадера, чем актерскому таланту» («Ровесник», 1976, № 5). Вот пример употребления профессионального термина *каскадѐр* и шуточного его синонима в рас-

сказе Вас. Аксенова «Море и фокусы» («Неделя», 1976, № 23): «Оказалось, киноавтотрюкачи Алик и Витя перегоняют гроб с музыкой на „Мосфильм“ из Ялты, где он помогал изображать заграничную жизнь... Я понял, что каскадеры не очень на свой „Мосфильм“ торопят...».

Словом *каскадёр* порой называют акробатов, трюкачей: «„Автородео“ — так называется необычный зрелищный аттракцион, которым впервые в нашей стране начала выступления группа автогонщиков-каскадеров из Чехословацкой Социалистической Республики» («Правда», 16 июня 1976). Часто это название используется по отношению к снимающимся в опасных трюках в кино: «Петр Диомидович [наездник П. Д. Тимофеев] — старейший наш каскадёр, с него началась советская приключенческая кинематография, он первым в нашем кино исполнил каскад в фильме „Смелые люди“» («Комсомольская правда», 13 мая 1976). В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1975) *каскад* имеет среди прочих значений следующее: «падение с лошади как цирковой прием (слец.)».

Каскадёр — не просто исполнитель сложных трюков: «Вокруг работы каскадера нередки споры: профессия ли это или трюкачество? Достаточно, мол, быть хорошим спортсменом и можно выступать. Далеко не так. Совершить прыжок из окна четвертого этажа по всем правилам — одно, и совсем иное имитировать падение человека. Тут необходимы артистизм, собранность, четкая координация движений. Каскадер — не только мастер спорта. Он должен хорошо знать различные отрасли техники, а если надо, быть изобретателем... Так профессия ли это — *каскадер*? — Профессия, говорит Александр Самойлович [А. С. Массарский — один из старейших каскадеров советского кино.— Н. Д.]. — Трудная, увлекательная, требующая смекалки. Трюк делает фильм более динамичным. И кто-то должен продумать и подготовить его, а затем поставить с соблюдением всех правил техники безопасности... На «Ленфильме» впервые разработано положение о каскадерах, очерчен круг лиц, которые могут этим заниматься» (В. Сенин. Профессия — каскадер.— «Правда», 8 июля 1976).

Как же следует произносить *каскадер*? Актеры произносят его как *каскадёр*, такое произношение можно часто слышать в телевизионной передаче «Кинопанорама». В слове ясно прослеживается основа *каскад* (также заимствование из французского, но более раннее). Произношение *каскадёр* с ударением на последнем слоге можно объяснить следующими причинами. Как правило, вновь заимствованное слово следует ударению языка-источника. Долгое время оно не может оставаться одиноким, должно войти в какую-то группу слов заимствующего языка. В данном случае *каскадер* сразу же включилось в систему слов романского и германского про-

исхождения с суффиксом *-ёр*: *режиссёр, боксёр, дирижёр, лифтёр, монтёр, репортёр, контролёр, антрепренёр* и т. д. По наблюдениям доктора филологических наук А. В. Суперанской («Ударение в заимствованных словах в современном русском языке». М., 1968) среди названий действующих лиц, профессий особо выделяется группа слов на *-ёр*, причем этот суффикс приобрел способность выступать в качестве самостоятельного суффикса русского языка (*киоск-ёр, гарпун-ёр*), суффикс *-ер* является ведущей моделью для обозначения машин и механизмов (*ка́тер, скре́пер, контро́ллер*).

Итак, среди колебаний нормы ударения *-ер/-ёр* в названиях лиц преобладает ударение на последнем слоге и форма *-ёр*. А. В. Суперанская дает примеры старых колебаний (*а́ктер — актёр, боксёр — боксёр, репортёр — репортёр*), в которых победила форма на *-ёр*, и новых, — склонных к стабилизации формы на *-ёр* (*вахтёр, комбайнёр*); как наиболее типичная модель приводятся слова *контролёр* (лицо) и *контро́ллер* (механизм). Таким образом, колебания *каска́дер — каскадёр* возможны, однако настоящее произношение слова *каскадёр* соответствует современной тенденции русского языка ставить ударение на последнем слоге в названиях действующих лиц, профессий на *-ёр*, заимствованных преимущественно из французского языка.

Н. З. Донадзе

● БЕДНОМУ ЖЕНИТЬСЯ И НОЧЬ КОРОТКА

А. Л. Цветков из Фрунзе просит объяснить выражение «Бедному жениться и ночь коротка», которое встретилось ему в художественной литературе XIX века.

Среди многочисленных пословиц, возникших в русском языке в далеком прошлом, не все сейчас в одинаковой степени известны и употребительны. Одни пословицы устарели и ушли в пассивный запас языка, другие продолжают жить. Откройте сборники пословиц XVII—XVIII веков и вы найдете там знакомые народные выражения: «В семье не без урода», «Ласковый теленок две матки сосет», «На всякого мудреца довольно простоты», «Федот, да не тот», «Шила в мешке не утаишь» и др. Наряду с известными, вы обнаружите много незнакомых, давно вышедших из употребления. Пословицы, как и слова, стареют и уходят из современного языка. Писатели, поэты, журналисты иногда используют их как особое стилистическое средство.

К устаревшим относится и пословица «Бедному жениться и ночь коротка». Пока точно не установлено, когда и где она возникла. Если взять, например, составленное еще в XVIII веке «комиссаром приставленным к российским книгам», «архивариусом»

А. И. Богдановым «Собрание пословиц и присловий российских, которые в поговорках и во употреблении народных речей бывае-мые...», то мы найдем в нем ряд выражений со словом *бедный*: «Бедный времени не терпит», «Бедному смерть не страшна», «Бедному бедна и смерть», «По бедном мало печалника», «За бедного мало старалщика», «У бедного все бедно», «На бедного Макара и шишки летят», «От бедного беды не отходят». Пословицы «Бедному жениться и ночь коротка» в сборнике нет. Очевидно, А. И. Богданову выражение либо не было известно, либо он по каким-то причинам не поместил его в свой сборник. Если А. И. Богданову, возможно, и не удалось услышать эту пословицу, то Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому посчастливилось записать ее в различных вариантах и использовать в художественных произведениях: «[Матрена:] А у нас, деушка, свадьба. [Кума:] Что ж так, весной? [Матрена:] Да, видно, пословица недаром молвится: бедному жениться и ночь коротка» (Л. Н. Толстой. Власть тьмы); «— Бедному жениться и ночь коротка, богатому только задумал, загадал,— все тебе, как пожелал, так и сбудется» (Л. Н. Толстой. Воскресение); «— Эх, брат, вот и я женат был. Плохо жениться бедному: женись, а и ночь коротка! — замечает Скуратов» (Достоевский. Записки из мертвого дома).

Выражение «Бедному жениться и ночь коротка», по-видимому, связано с тяжелым крестьянским трудом, с бесправием русского мужика, в поте лица работавшего от зари до зари, чтобы прокормить семью. Даже свадьба, подчас, не могла принести ему особой радости. Свадьба и брачная ночь длились недолго, так как бедняк должен был чуть свет выходить на работу и гнуть спину на хозяина.

Если брачная ночь бедняка была непродолжительной из-за предстоящей работы, то старику из пословицы «Как старому жениться, так и ночь коротка» (помещена В. И. Далем в «Толковом словаре» и в сборнике «Пословицы русского народа») не спалось по другой причине. Его беспокоило, как уберечь молодую жену от чужого взгляда, от ухаживания других мужчин. Опасения были не напрасны, так как невесту часто выдавали замуж без ее желания. Жить с нелюбимым, постылым человеком ей не хотелось. Семейные отношения нашли свое отражение в ряде пословиц: «Видима беда, что у старого жена молода», «У старого мужа молодая жена — чужая корысть», «На молодой жениться — с молодцами не водиться».

В «Словаре русских пословиц и поговорок», составленном В. П. Жуковым (М., 1966), пословица «Бедному жениться и ночь коротка» дана с пометой «устаревшая».

В. Н. Сергеев

● БАЛЕРИНА, ТАНЦОВЩИЦА, ТАНЦОР...

В. П. Семенов из Семипалатинска спрашивает: «Давно ли в русском языке появились слова *балет*, *балерина*, *танцовщица*, *танцовщик*, *танцор*? Как назывались артисты балета раньше?»

Слово *балет*, от которого образованы *балетчик*, *балетчица* и *балерина*, произошло от латинского глагола *ballare* (танцевать) и через французское *ballet* и итальянское *balletto* пришло в конце XVIII века в русский язык. В 1806 году в Словарь Академии Российской было включено слово *балетчик*, то есть 'танцующий балеты'. Это слово с тем же значением имеется в Словаре 1834 года, составленном П. Соколовым, но рядом с *балетчик* здесь же приводится *балетчица* — 'танцующая балеты'.

Наибольшее распространение в русском языке XVIII века получили слова *танцовщик*, *танцовщица*, отмеченные в Словаре И. Нордстета в 1780 году. Эти названия артистов балета использовались и в XIX веке; в настоящее время они встречаются и в устной речи, и в литературе различных жанров: театральной критике, мемуарах и т. д. Например: «Петербургский балет славился, по праву считался лучшим в мире, располагал рядом замечательных танцовщиц и танцовщиков, снискавших всемирную известность» (Ю. Юрьев. Записки. М.-Л., 1948); «Не случайно значительное место в репертуаре танцовщика занимали партии в балетах героического характера» («Театр», 1976, № 1).

Несколько меньшее распространение получили слова *танцор*, *танцорка*, впервые отмеченные в Новом словотолкователе Н. Яновского (1806) и в Словаре П. Соколова (1834). Однако, если *танцорка* в применении к артисткам балета уже давно не употребляется, то слово *танцор* встречается и теперь, правда, реже, чем *танцовщик*. В статье М. Зеленской «Сибирский Большой», посвященной Новосибирскому театру оперы и балета, читаем: «Это большая ответственность, по можно заявить: кроме Большого театра и ленинградских танцоров, такого уровня балета, как в Новосибирском театре, мы еще не видели» («Сибирские огни», 1976, № 1).

Если для обозначения артистов мужчин, танцующих в балете, наиболее часто употребляются наименования *танцовщик*, *артист балета*, то слов, обозначающих женщин, танцующих в балете, несколько больше. Это и *танцовщица*, и *артистка балета*, и *балерина*. Последнее пришло в русский язык из французского *ballerine* и итальянского *ballerina*. Впервые зафиксировано оно было в Словаре русского языка 1891 года. В слове *балерина* различают два значения. Первое (наиболее употребительное) — 'танцовщица, артистка балета'. Второе (мало употребительное) —

‘танцовщица-премьерша’. Иногда в печати и в устной речи можно встретить сочетания *начинающая балерина, балерина, получившая первую роль* и т. п. Полвека тому назад балериной называли не каждую артистку балета. В Большой Советской Энциклопедии сказано: «В СССР... существует особое подразделение балетной труппы на: кордебалет — исполняющий исключительно массовые танцы и сцены, корифеев — танцующих... в группе по 4—6 человек, солистов — выступающих по 1 или 2 человека, и премьеров — исполняющих исключительно первые, главные роли; балеринами именуется только танцовщица-премьерша. Выдающиеся из них и получившие какую-либо степень заслуженности получают право называться прима-балеринами» (т. 4, 1926). В настоящее время это подразделение частично изменилось, изменились и названия некоторых категорий артистов балета. Теперь, читая списки труппы того или иного театра, мы находим в основном такие категории: *артисты балета* и *солисты балета*. Однако сохранилась такая категория, как *кордебалет* (от французского *cors de ballet*). Кстати, слово *кордебалет* писалось раньше так: *кор-де-балет* (См. Словарь В. И. Даля). В справочнике «Театральный Ленинград» за 1948 год приводится категория *корифеи* и *корифейки*, то есть ‘ведущие артисты кордебалета’. В недавно выпущенном буклете к 200-летию Большого театра СССР, посвященном балету, сказано: «Кордебалет, как и солисты, в этом спектакле («Спартак» А. И. Хачатуряна) показал высочайшие образцы танцевальной техники и актерского мастерства».

Слова *балерина, танцовщица, танцовщик* и другие в текстах рецензий, в телевизионных передачах и т. п. часто соседствуют, дополняют друг друга, выражая в сущности одно и то же понятие: «Р. Алексеева сочетает в себе данные классической танцовщицы со способностями характерной балерины и актрисы», «Нина Датошвили стала балериной — работала солисткой балета в Новосибирске, Омске, Ташкенте» (И. Риф. Свердловский театр музыкальной комедии. Свердловск, 1959).

В Словаре синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой (Л., 1975) слова *балерина* и *танцовщица* представлены как синонимы.

В балете существовало раньше и продолжает существовать в наше время такое понятие, как *кавалер*. Народная артистка СССР Р. С. Стручкова говорит: «...в русском балете одной из его изумительных черт остается это строгое различие между танцем балерины и ее кавалера. Балерина — это воплощение грации, женственности. Кавалер — мужества, достоинства» («Московский комсомолец», 23 ноября 1975).

В ряде статей, рецензий, бесед с мастерами балета мы встречаемся с понятием *балетный актер*: «Васильев — крупнейший

балетный актер современности — выходит на сцену, чтобы сказать свое слово» («Театральная жизнь», 1976, № 5). Такое сочетание еще лет пятнадцать-двадцать назад было едва ли возможным. Теперь оно нас не удивляет. Это связано с современным развитием балетного искусства, когда роль танцовщика становится иной, когда мужской танец приобретает большое самостоятельное значение.

В. С. Филиппов

● БУЛЬОН

Читательница Т. Н. Краевская из Ленинграда обратилась в редакцию с просьбой объяснить, о каком *бульоне* рассказывает А. П. Керн в своих «Воспоминаниях»: «Состояние его [отца] заключалось в двух деревнях под Лубнами в 700 душ с домами, землях и крестьянах в самих Лубнах. Он потом приобрел 150 душ и 1500 десятин за 40 тысяч ассигнациями и, продав их на своз, купил скота, сварил бульон, которым предполагалось кормить армию во время войны, повез его в Петербург, чтобы продать его в казну, но не хотел подмазать приемщиков, и бульон его забраковали. Он привез его в Москву, сложил его там. Пришел Наполеон и съел бульон...» (А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка, М., 1974).

В начале XVIII века среди прочих, вводимых Петром I, «заморских новшеств» появились и новые блюда французской и немецкой кухни. Вместо исконно русских похлебок, щей, ухи за столом знатных лиц подавались супы, вместо жаркого или каши — соусы, котлеты, паштеты, фрикасе, рагу. В это же время становится известным и *бульон*. Французское слово *bouillon*, образованное от глагола *bouillir* (кипеть), начинает входить в состав русского языка.

Первые, отмеченные в текстах XVIII века, упоминания о бульоне связаны, прежде всего, с его лечебными свойствами. Бульон давали больным для восстановления сил, скорейшего выздоровления. В «Уставе о войсках морских и о их арсеналах Людовика XIV...» (перевод с французского, 1715 г.) бульон включен в рацион больных моряков. Высокая оценка лечебных свойств бульона способствовала быстрому его распространению. Так, Д. И. Фонвизин пишет родным о лечении своей жены: «Он [т. е. доктор] дает ей теперь всякий день поутру бульон, который должен отнять остроту от крови и укрепить нервы...» (Д. И. Фонвизин. Сочинения. СПб., 1866). О бульоне говорится во многих документальных и художественных произведениях, например: «Разжавши у него [т. е. раненого] зубы, силою впустили ему в горло немного хорошего и сочного

булиона» (Известия о приключении капитана д'Сивила, перевод Каржавиша, 1784).

Хорошо приготовленный бульон являлся показателем достоинств повара. В поваренных книгах, широко издаваемых с конца XVIII века, давались подробные рецепты приготовления бульонов, как лечебных, так и для общего стола. Вот типичное начало таких рецептов: «Взять мяса лучшего самого свежего, чтоб бульон мог иметь лучший вкус» (Словарь поваренный, 1796).

Для усиления лечебной силы бульона в него часто добавлялись лекарственные травы и специи. Князь Б. И. Куракин, например, рассказывает, как ему лечили «белые пятна» на теле и на лице: «...1707 г. имел оказию быть в Риме, где у одного дохтура папежского лечился от той же моей болезни по весне. И ту со всяким порядком окончал, а имянно: вначале легкое проносное, потом пил несколько дней, с восемь, с травами сыворотку... И пил 12 дней булон с травами...» (Архив Куракина, т. III). Того же Куракина лечили *булоном виперовым* или *булоном девипери*, то есть буквально *змеиным бульоном* (французское *vièpe*, латинское *vièra* — змея).

Недаром в Новом словотолкователе Н. Яновского (1806) слово *бульон* имеет такое определение: «Отвар мясной или травной для употребления в пищу или для лекарства».

Еще в XVIII веке научились так выпаривать воду при варке мяса, что образовывалась чрезвычайно густая, полусухая масса. Она получила названия *сухой бульон*, *бульон в плитках* (ср. современное — «бульонные кубики»). Благодаря тому, что такой бульон хорошо сохранялся в течение длительного времени, его стали использовать прежде всего для нужд армии. В русском «Уставе военного флота» 1797 года был такой параграф: «Правлению морскому предоставляется полная воля изыскивать средства ко изобретению и снабдению в походы корабельных служителей здоровою и выгодною пищею, как то... крепким сухим бульеном для варения супов...».

Вот таким *сухим бульоном* и предполагал, очевидно, снабдить русскую армию в войну 1812 года отец А. П. Керн.

Не сразу установилось современное написание слова, на протяжении длительного времени писали *булион*, *бульион*, *бульйон*, *бульвен*, *булон*. Написание *бульон* становится преобладающим лишь с середины XIX века и утверждается как нормативное уже в наше время.

Е. Э. Биржакова

Ответ. См.: с. 90

Выбор слова — одна из основных проблем, с которой неизбежно сталкивается каждый пишущий, от ученика начальной школы до маститого писателя.

Прежде всего необходимо учитывать *всю образную систему произведения*. В числе других признаков и качеств слова нужно иметь в виду лексическую и стилистическую сочетаемость слов. Соединение стилистически разноплановой лексики должно быть обусловлено художественным заданием (переплетение разных аспектов темы, сочетание нескольких точек зрения, создание комического эффекта и т. д.).

В первом случае весь текст выдержан в одном стилистическом ключе. Показательно, что высокое поэтическое *окрѣст* — «вокруг» — рифмуется с формой *звезд* в старославянской огласовке, не допускающей перехода *e//o* (звѣзд). Та же принадлежность к высокой поэзии характерна и для слов *вещание, свершилось, мерцает*, определяющих образность и стилистическую окраску текста.

Думается, что во втором отрывке нет этой четкой стилистической соотнесенности всех элементов текста.

Практикум по стилистике подготовила Л. И. Еремина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Г. П. БЕРДНИКОВ**,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**
 (зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН, **О. А. ХАМИЦАЕВА** (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
 Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
 Рисунки *Б. Е. Захарова, В. С. Комарова,*
В. В. Толстоногова
 Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
 Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 13/II-1976 г. Подписано к печати 22/II-1977 г. Т-03240
 Тираж 60000. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 5
 Уч.-изд. л. 10,2 Заказ 1485